

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию

Башкирский государственный
педагогический университет

На правах рукописи

Пекар Виктор Иванович

**СЕМАНТИКА ПРЕДЛОГОВ ВЕРТИКАЛЬНОЙ
СОПОЛОЖЕННОСТИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ
(на материале английских предлогов *above* и *over* и русского
предлога *над*)**

Специальность 10.02.04. – Германские языки

Специальность 10.02.20. – Сравнительно-историческое,
сопоставительное и типологическое языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель – доктор
филологических наук, профессор
Шабанова Т.Д.

Уфа – 2000

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Общетеоретические проблемы описания семантики предлогов.....	11
1. Лексическое значение предлога.....	11
1.1. Лексическое и грамматическое значение предлога.....	11
1.2. Дейктический характер лексического значения предлога.....	14
2. Теоретические установки семантического исследования лексических единиц..	16
2.1. Трактовка понятий "значение" и "денотат" и соотношения между ними	17
2.2. Проблема разграничения языкового значения и денотата.....	23
2.3. Критерий предсказательности семантического описания.....	25
2.4. Средства описания языкового значения.....	26
Глава II. Когнитивный подход к исследованию лексического значения	
пространственных предлогов.....	31
1. Общая характеристика когнитивного направления в лингвистике.....	31
1.1. Аналогии в организации концептуальной системы и системы языка... 32	
1.2. Основные теоретические установки когнитивного направления.....	35
1.3. Когнитивное направление в лингвистике как совокупность положений	37
2. Неавтономность семантической системы.....	41
3. Экспериментальный характер языкового значения.....	48
3.1. Пространственные лексеммы как отражение концептов базового уровня	48
3.2. Экспериментальные характеристики пространственных лексем.....	51
3.3. Критика семантического описания в терминах перцептивных	
характеристик.....	57
4. Энциклопедическое и словарное определения лексического значения.....	61
5. Лексическая сеть как принцип организации семантической структуры.....	66
6. Схема как принцип организации структуры лексического значения.....	73
7. Анализ основных теорий описания пространственной лексики в рамках	
когнитивного подхода.....	76

7.1. Теория прототипов К.Бругман и Дж.Лакоффа.....	76
7.2. Теория типов употребления А.Герсковитс.....	81
7.3. Теория ментальной модели	89
8. Обзор существующих семантических понятий описания значений пространственных лексических единиц.....	94
Глава III. Методы семантического исследования пространственной лексики.....	107
1. Метод компонентного анализа.....	107
2. Текстовый анализ	109
3. Экспериментальный метод.....	110
4. Сопоставительный метод.....	112
Глава IV. Семантический анализ английских проективных предлогов <i>above</i> и <i>over</i> и русского предлога <i>над</i>	115
1. Экспериментальное исследование значений предлогов <i>above</i> , <i>over</i> и <i>над</i>	115
2. Семантика предлогов <i>above</i> и <i>over</i>	121
2.1. Функциональные отношения.....	121
2.2. Семантические компоненты предлога <i>above</i>	125
2.3. Семантические компоненты предлога <i>over</i>	133
2.4. Структура значений предлогов <i>above</i> и <i>over</i>	139
3. Семантика предлога <i>над</i>	150
3.1. Семантические компоненты предлога <i>над</i>	150
3.2. Структура значения предлога <i>над</i>	151
4. Сопоставительный анализ значений предлогов <i>above</i> , <i>over</i> и <i>над</i>	153
Заключение.....	156
Библиографический список использованной литературы.....	158
Приложения.....	171

Введение

Объектом данного диссертационного исследования являются английские и русские предлоги, обозначающие положение одного предмета выше другого на вертикальной оси, т.е. английские предлоги *above* и *over* и русский предлог *над*. Семантика языковых единиц, как неоднократно отмечалось рядом исследователей (В.Н.Ярцева (1981), О.Н.Селиверстова (1975)) может быть наиболее продуктивно изучена при сопоставлении семантических микросистем, поскольку такое исследование способно дать полное и верифицированное описание многих неочевидных понятий, входящих в семантику языковых единиц. Исследуемые предлоги рассматриваются как составляющие подобную микросистему, что и обуславливает их выбор в качестве объекта исследования.

Актуальность работы обусловлена современным состоянием исследований этой области лексики, когда экстралингвистическая соотнесенность значений пространственных предлогов остается недостаточно изученной. Большинство работ на эту тему (среди которых и работы, выполненные в рамках когнитивной лингвистики) направлено на изучение интралингвистического аспекта семантики предлогов, в частности, таких явлений как полисемия, метафоризация и грамматикализация лексического значения предлогов. При рассмотрении же ее экстралингвистической соотнесенности по-прежнему остается ряд нерешенных проблем: существующие семантические модели не позволяют четко определить области денотации пространственных предлогов.

Изучение экстралингвистической соотнесенности лексических значений представляется особо актуальным для дальнейшего развития когнитивных исследований языка. Основные принципы когнитивной лингвистики по-прежнему остаются слабо подкрепленными эмпирическими данными. В частности, выяснение соотношения конкретных семантических структур с конкретными концептуальными структурами является важнейшей задачей, стоящей сегодня перед когнитивной парадигмой в лингвистике (Cuyskens, Sandra, Rice, 1997). С этой точки зрения семантические исследования пространственных предлогов имеют особую актуальность. С одной стороны, пространственные предлоги представляют собой область лексики, сравнительно легко доступную для эмпирического исследования. С другой стороны, в когнитивной психологии

существует обширный опыт изучения обработки пространственной (зрительной, тактильной и т.д.) информации восприятием и ее хранения в памяти. Экстралингвистическое изучение пространственной лексики, таким образом, способно указать на конкретные соответствия между неязыковыми пространственными репрезентациями и структурами значений предлогов, тем самым углубив понимания отношений между концептуальной и семантической системами.

Направленность большинства исследований на изучение интралингвистического аспекта значения также обуславливает тот факт, что само содержание пространственных предлогов остается мало изученным. В частности, неразрешенным остается целый круг проблем, связанных с присутствием в их значениях информации непространственного (функционального) характера.

Другим аспектом актуальности данного исследования, вытекающим из малой изученности экстралингвистической соотнесенности значений пространственных предлогов, являются недостатки существующих способов представления их значений в лексикографии. Незаработанность определяющих понятий для пространственной лексики обуславливает тот факт, что очень часто синонимы получают весьма сходные дефиниции, из которых трудно понять все особенности их внеязыковой соотнесенности. Очень часто синонимические слова оказываются истолкованными друг через друга. Так, в LDCE мы находим следующие дефиниции для *above* и *over*:

above prep 1. in a higher position than something. Our office is above the hairdresser's. - see also OVER 1. (стр.5).

over prep 1. above or higher than something, without touching it - opposite UNDER 1. - see also ABOVE 1, ACROSS 1. (стр. 1008).

В первой из вышеприведенных статей *above* трактуется как "в позиции выше, чем что-то". Во второй статье значение *over* определяется через *above*; здесь же присутствует та же формулировка "выше, чем что-то"; пояснение "не касаясь этого предмета" позволяет отделить это значение *over* от его близких пространственных значений (таких как "поверх", "в различных частях плоскости" и т.д.), но не объясняет его отличия от "ABOVE 1".

Другой аспект актуальности проводимого исследования связан с тем, что семантика исследуемых предлогов раскрывается в их сопоставительном анализе. Традиционно в

сопоставительном языкознании главное внимание уделялось сравнению внешних средств языкового выражения, неизученным при этом оставалась содержательная сторона языковых единиц (Васильев, 1999). Сопоставительный анализ семантики пространственных предлогов является актуальным для теорий о национально-культурных представлениях человека об окружающем мире, которые приобретают в последнее время интенсивное развитие. Такое направление изучения пространственной семантики способно раскрыть важные аспекты лингвокультурных особенностей представления человека о пространстве, которые представляют собой важную часть его языковой картины мира. С другой стороны, сопоставительные исследования семантики, особенно на материале многих разносистемных языков, имеет особое значение для когнитивной лингвистики, поскольку такие исследования часто рассматриваются как способные раскрыть всеобщие закономерности отражения пространственной информации в языке, а значит и важные факты об организации концептуальной системы человека. Наконец, сопоставительный анализ семантики языковых единиц также видится как средство раскрытия их индивидуальных особенностей – предлагая средства изучить общезыковые и индивидуально-языковые свойства изучаемых явлений, он тем самым позволяет более четко обнаружить их специфику.

Цель данного исследования заключается в создании семантических моделей исследуемых предлогов, отвечающих принципу предсказуемости употребления, который принимается нами как критерий для адекватного представления экстралингвистической соотнесенности предлогов, и дальнейшего сопоставления семантических моделей предлогов в английском и русском языках.

Эта цель обуславливает следующие задачи исследования:

- 1) изложить и обосновать принципы когнитивного подхода к семантическому анализу пространственной лексики в сопоставлении с другими направлениями в лексической семантике;
- 2) провести анализ основных теорий описания семантики пространственных предлогов, созданных в рамках когнитивного направления;
- 3) изложить методы исследования и обосновать их выбор;
- 4) провести практическое исследование, заключающееся в (а) разработке дополнительных семантических понятий для описания значений рассматриваемых пространственных

предлогов; (б) создании семантических моделей анализируемых предлогов на основе разработанного понятийного аппарата;

5) провести сопоставление структур значений исследуемых предлогов с целью выявления присутствия в них концептов, общих для русского и английского языков, и концептов, отражающих лингвокультурные особенности осмысления пространственных отношений в этих языках.

Ведущим в проведении исследования является гипотетико-дедуктивный метод, применение которого обеспечивает научно обоснованное построение хода исследования: отвечающую задачам исследования формулировку гипотез, их верификацию, анализ полученных результатов и их обобщение.

Моделирование структур значений исследуемых предлогов проводится с помощью методики компонентного анализа. Основной идеей компонентного анализа является понимание значения слова как структуры, состоящей из дифференциальных и интегральных компонентов. Под интегральным компонентом понимается такой семантический компонент, который является общим для сравниваемых синонимичных слов, как например, компонент "расположенность фигуры выше фона на вертикальной оси" для предлогов *above* и *over*. Дифференциальные компоненты определяются как семантические компоненты, по которым слово противопоставляется другим словам в пределах данного лексического поля. Описание семантики исследуемых предлогов заключается в выявлении их дифференциальных компонентов.

В качестве метода выявления семантических компонентов в данном исследовании используется метод семантического эксперимента как способа изучения фактов языка в условиях, контролируемых исследователем.

На начальном этапе исследования проводился сбор и анализ примеров употребления исследуемых предлогов методом сплошной выборки из аутентичных текстов. Дистрибутивный анализ употребления предлогов в этих примерах, а также серия поисковых тестов позволила сформулировать гипотезы относительно структуры значения исследуемых предлогов в виде их дифференциальных компонентов. Верификация гипотез проводилась путем экспериментальной методики, разработанной О.Н.Селиверстовой, заключающейся в тестировании информантов – носителей языка с целью выявления присутствия в их

языковом знании предполагаемых гипотезами семантических компонентов. Тесты составляются таким образом, чтобы предполагаемый семантический компонент очевидно подтверждался или опровергался лингвистическим контекстом, в котором находится предлог.

Используемая экспериментальная методика состоит из четырех ступеней, каждая из которых направлена на поэтапную проверку присутствия в значениях предлогов проверяемых компонентов. Присутствие проверяемых компонентов верифицируется через варьирование параметров денотативных сцен, соответствующих этим компонентам, и отслеживание изменений в оценках информантов. На завершающем этапе эксперимента проводится проверка обобщающей способности предлагаемых семантических моделей, т.е. их способности предсказать употребление предлогов для вновь возникающих денотативных ситуаций.

После того, как структура значений исследуемых лексических единиц в отдельных языках была сформулирована, проводится их сопоставительный анализ, заключающийся в сравнении областей денотации английских предлогов *above* и *over* с областью денотации русского предлога *над*.

Теоретическая значимость данного диссертационного исследования заключается во вкладе в разработку методологии определения конкретных форм соотношения семантических и концептуальных структур, что является особо актуальным для современного состояния когнитивных исследований семантики, так как оно ориентировано на изучение экстралингвистической соотнесенности значений пространственных предлогов.

Исследование вносит определенный вклад в создание понятийного аппарата описания пространственной лексики. В частности, вводятся новые и уточняются существующие семантические понятия описания проективных предлогов, такие как "система координат", различные типы функциональных отношений. В работе раскрыты особенности внутренней организации лексического значения проективных предлогов, рассмотрены взаимозависимости между внутриязыковыми семантическими отношениями предлогов и их денотативной соотнесенностью. Данная работа вносит определенную лепту в разработку экспериментальных методик семантических исследований.

Результаты исследования способствуют решению проблемы определения частеречного семантического поля предлога в английском и русском языках, которая является одной из активно исследуемых проблем современной морфологии. Раскрытие новых фактов о сущности пространственных значений предлогов (как например, присутствия в них функциональных компонентов) позволяет судить о сущности частеречной семантики предлога в целом, так как пространственные значения часто рассматриваются как прототип, организующий частеречное семантическое поле предлога.

Сопоставительный анализ семантики предлогов в английском и русском языках направлен на раскрытие лингвокультурных особенностей представлений о пространстве в этих языках, тем самым внося вклад в развитие таких направлений антропологической лингвистики, как лингвогносеология, этнолингвистика, лингвокультурология.

Результаты проведенного исследования, кроме того, могут представлять интерес для исследований в смежных с лингвистикой когнитивных науках. Вопрос о соотношении значения пространственных лексических единиц с неязыковыми пространственными репрезентациями находится на стыке важнейших проблем лингвистической семантики и ряда других наук, занимающихся проблемами представления пространственной информации в естественных (психоллингвистика, когнитивная психология) и искусственных системах (теория искусственного интеллекта, компьютерная лингвистика, прикладная география).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике, при чтении курсов по лексикологии (разделы о методах исследования, о структуре лексического значения, семантическом понятийном языке, синонимии), теории и практики перевода (раздел о семантических соответствиях), в спецкурсах и спецсеминарах по семантике и методам лингвистических исследований, при написании дипломных и курсовых работ по затрагиваемым в диссертации проблемам общетеоретического и прикладного характера.

Используемые методы исследования, его цель и задачи определили структуру работы, которая состоит из четырех глав. Первая глава "Общетеоретические проблемы описания семантики предлогов" посвящена вопросу о наличии у предлога лексического значения и его сущности, а также рассмотрению базовых теоретических положений исследования семантики лексических единиц, которые в дальнейшем используются при анализе

существующих теорий описания пространственной лексики, а также при постановке задач, выборе методики проведения практического исследования и интерпретации его результатов. Во второй главе "Когнитивный подход к исследованию лексического значения пространственных предлогов" излагаются основные положения когнитивного подхода к исследованию лексического значения, проводится сопоставление когнитивного подхода с другими лингвистическими теориями по основным положениям моделирования семантики пространственной лексики. Третья глава "Методы семантического исследования пространственной лексики" посвящена описанию методов исследования семантики пространственных предлогов. В четвертой главе "Семантика английских предлогов вертикальной соположенности *above* и *over* и русского *над*" рассматривается ход проведенного исследования этих предлогов, описываются его результаты в виде формулировки семантических моделей предлогов и приводятся разработанные словарные статьи. Здесь также рассматриваются результаты сопоставительного анализа семантики предлогов. В заключении обобщаются результаты и выводы из проведенного исследования. В конце работы приводится библиографический список использованной литературы и приложения, состоящие из списка использованных аутентичных текстов, иллюстраций и примера опросника экспериментального исследования.

Глава I. Общетеоретические проблемы описания семантики предлогов

1. Лексическое значение предлога

1.1. Лексическое и грамматическое значение предлога

В традиционной грамматической теории частеречное (категориальное) значение предлога определяется как "отношение" (Русская грамматика, 1980: 710). Однако сам термин "отношение" у разных ученых понимается по-разному. Одни исследователи под "отношением" понимают только содержание синтаксической функции предлога, а именно синтаксические отношения между его аргументами (т.е. между существительными и их эквивалентами, употребляемыми при предлоге); при этом этими исследователями отрицается наличие у предлога лексического значения (Мещанинов, 1945; Стеблин-Каменский, 1974; Бондаренко, 1961 и др.). Позиция этих ученых строится на точке зрения, что семантическая категория отношения (релятивности) находит свою реализацию только лишь на грамматическом уровне языка. Соответственно этими учеными отвергается наличие у предлога собственного лексического значения. Приведем некоторые высказывания: "... Предлоги не являются носителями выражений понятия или наименования и поэтому самостоятельного лексического значения не имеют. Вместо лексического значения они содержат в себе указание на синтаксическую связь между членами предложения." (Мещанинов, 1945: 295); "Предлоги ничего не называют, никаких понятий и представлений не обозначают." (Бондаренко, 1961: 9); "... содержание синтаксической функции предлога есть в то же время и его значение ... никакого сочетания двух различных по функции значения (лексического и грамматического) в них нет." (Стеблин-Каменский, 1974: 31-32). В качестве подтверждения мысли о том, что предлог выражает только синтаксическую связь, приводится тот факт, что отношения, выражаемые предлогом в одних языках, могут выражаться флексиями в других, однако никому не приходит в голову считать, что эти

флексии обладают лексическим значением. Другой довод состоит в отсутствии у предлога способности составить минимальное высказывание: именование сцен реальной действительности с помощью предлогов может происходить только при условии их употребления в совокупности с существительными и их эквивалентами.

В настоящее время, однако, более распространенной является точка зрения, признающая наличие у предлога собственного лексического значения (Русская Грамматика, 1980; Виноградов, 1986; Смирницкий, 1957; Бархударов, Штеллинг, 1973; Гак, 1972; Кубрякова, 1978; Аксененко, 1962; Балабан, 1982; Ильиш, 1981; Жигadlo, Иванова, Иофик, 1956; Клоуз, 1979; Quirk et al, 1982; Quirk, Greenbaum, 1973). Аргументация в пользу этой точки зрения заключается в следующем.

Во-первых, как отмечает Р.М.Гайсина (1997), в настоящее время считается общепринятым, что семантика релятивности реализуется не только на грамматическом уровне, но и на лексическом. В частности, автор ссылается на многочисленные исследования, подтверждающие ее присутствие в значениях полнозначных слов: терминах родства; существительных, обозначающих части и целое; всех предикатных слов (Гайсина, 1997: 19-22). Соответственно утверждение о том, что семантика релятивности у предлогов не может реализовываться на лексическом уровне, нельзя считать бесспорным.

Во-вторых, многими исследователями (В.Г.Гак, О.Н.Селиверстова, Т.Н.Маляр, Е.С.Кубрякова, В.Н.Жигadlo, И.П. Иванова, Л.Л.Иофик и др.) защищается точка зрения о том, что предлоги, в частности пространственные и временные, способны именовать отношения между предметами внеязыковой действительности. То, что в конкретном предложении такие отношения выражаются именно предлогами, а не какими-либо другими словами в предложении доказывается следующим простым тестом. При замене одного пространственного предлога на другой предложение начинает передавать информацию о совершенно иных пространственных отношениях: *Кошка под столом. – Кошка над столом.* Важным тезисом в пользу того, что предлог обладает лексическим значением, является замечание В.Г.Гака, что отношения между конкретными предметами следует считать такими же явлениями внеязыковой действительности, как и сами эти предметы. Номинация отношений между предметами внеязыкового мира, утверждает он, не может существенно

отличаться от номинации предметов, а значит, следует признать наличие номинативной функции у предлогов (Гак, 1972).

О.Н.Селиверстова и Т.Н.Маляр (Селиверстова, Маляр, 1998) в своем исследовании семантики ряда английских и русских предлогов и наречий обнаружили, что многие пространственные предлоги могут обозначать не только отношения между объектами, но и различные типы концептуализации пространства вокруг предметов. Так, например, предлог *у* в предложении *Они сидели у самовара* обозначает не только пространственное отношение субъекта предложения и денотата слова *самовар*, но и вводит в рассмотрение пространство, непосредственно примыкающее к самовару (ср. отсутствие концептуализации такого пространства при употреблении предлогов *около* или *рядом*: *Они сидели около самовара (рядом с самоваром)*). Способность предлогов обозначать самые различные типы подобной концептуализации пространств вокруг описываемых предметов отмечают и ряд других исследователей (Cienki, 1989; Яковлева, 1990; Газизова, 1999; подробнее об отражении в семантике предлогов таких концептуализаций пространства см. также раздел 8.5. второй главы).

В-третьих, как полагает ряд исследователей, тот факт, что предлоги номинируют внеязыковую реальность только в сочетании с существительными, не отрицает наличия у них номинативной функции – многие знаменательные слова (например, переходные глаголы) несамодостаточны для реализации своей номинативной функции. У переходных глаголов номинативная функция реализуется только при условии присутствия при них дополнений.

Наконец, предлоги вступают с другими словами как в парадигматические, так и в синтагматические семантические отношения, что свидетельствует о включенности предлогов в семантическую систему языка. Она проявляется в том, что предлоги, подобно существительным, глаголам и другим знаменательным частям речи, вступают друг с другом в отношения синонимии, часто образуя многочленные синонимические группы (*перед – впереди; у – возле – подле – около – рядом; over – above; over – across – through; near to – by – at – close to*), а также антонимии (*перед – за; над – под; over – under, ahead – behind*). Для предлогов также характерна полисемия (ср., например, многозначность английских предлогов *in, on, over* и русских *в, на*). Очевидно, что для участия языковой единицы в этих

сложных внутриязыковых семантических отношениях она должна обладать достаточно конкретным лексическим значением.

Синтагматические семантические отношения предлогов видны из тех ограничений на употребление предлогов, которые налагаются их аргументами. Так, например, предлог *в* не может употребляться, если денотат левого аргумента имеет большие размеры, чем денотат его правого аргумента (**стол в кармане; *автомобиль в корзине*); предлог *вдоль* не может употребляться, если денотат его правого аргумента не имеет стороны, располагающейся на одном из горизонтальных измерений (**вдоль круга; *вдоль точки, *вдоль столба*).

Многими учеными отмечается, что грамматические значения предлогов образовались путем серий трансформаций из пространственных значений предлогов. Например, грамматические значения possessивности английского предлога *of* и инструментальности предлога *by* развились соответственно из пространственных значений "из" и "через" (Жигадо, Иванова, Иофик, 1956; Cuyskens, 1998).

1.2. Дейктический характер лексического значения предлога

Другим спорным вопросом при рассмотрении значения предлога является его дейктический характер. Исследователи, признающие наличие у предлога лексического значения, расходятся во мнении относительно того, способны ли предлоги именовать явления внеязыковой действительности или же их лексическое значение представляет собой лишь их дейктическую функцию.

Под дейктическими обычно понимаются такие языковые единицы, которые указывают на предметы, качества, явления относительно говорящего или адресата речи и способны соотноситься с самыми различными денотатами в зависимости от контекста высказывания (см., например, Марузо, 1960; Fillmore, 1982; Hill, 1982; Levelt, 1986, Radden, 1996). Это качество дейктиков отличает их от слов, имеющих строго фиксированную область денотации, таких как имена собственные (*Сократ, Париж, Альпы*), вещественные существительные (*золото, вода, дерево*), существительные, обозначающие классы предметов (*тигр, зубр, ель*). К дейктическим словам в первую очередь относятся личные местоимения (*я, ты, он, она, мы*), указательные местоимения (*тот, этот*), притяжательные местоимения

(*мой, твой, его*). Дейктиками считаются также и некоторые временные и пространственные наречия (*здесь, там, сегодня, вчера*), поскольку они способны соотноситься с различными предметами и явлениями в зависимости от того, кто является участником коммуникативной ситуации, его положения в пространстве и времени произнесения высказывания.

Некоторые пространственные предлоги, а именно проективные предлоги, такие как *перед, за, слева, справа*, имеют дейктические характеристики и способны обозначать пространственные отношения относительно участников коммуникативной ситуации. Например, при употреблении предлога *за* в словосочетании *село за рекой* имплицитно присутствует говорящего в описываемой сцене. В этом примере предлог *за* обозначает положение села относительно говорящего – село находится на воображаемой оси, проведенной через говорящего и реку, при чем село более удалено от говорящего, чем река. Проективные предлоги могут употребляться и недейктически, т.е. обозначать положение предметов безотносительно участников коммуникативной ситуации. В предложении *фонтан перед домом* фонтан описывается как находящийся на оси, проведенной из точки на передней стороне дома; положение же говорящего здесь не имплицитно. У остальных, непроективных предлогов, таких как *в, на, среди, около*, отсутствует дейктический характер значения.

Дейктические значения проективных предлогов являются отогенически первичными по отношению к их остальным значениям. Исследования по психолингвистике (Bowerman 1996; Sinha et al, 1994) показывают, что ребенок в первую очередь овладевает дейктическими значениями предлогов. Предлоги *behind* и *in front of* сначала употребляются ребенком только для обозначения положения предметов относительно своего собственного тела. Для ребенка эти предлоги на этой стадии овладения языком означают, по-видимому, соответственно "невидимый" и "видимый". Лишь позднее эти предлоги употребляются для описания положения предмета относительно передней или задней стороны некоего другого предмета.

Ряд исследователей (Ерзинкян, 1988; Мальцева, 1999; Виноградов, 1990), признавая, что предлог имеет собственное лексическое значение и отражает явления внеязыковой действительности, считают, что предлог не имеет номинативной функции, а лишь дейктическую: предлог "противопоставлен другим категориям слов референциальным,

неденотативным характером выражения лексического значения" (Мальцева, 1999: 15). При этом трактовка термина "дейксис" отличается от изложенной выше – дейксис этими исследователями понимается в более широком смысле, а именно как указание на предмет не только относительно говорящего и/или слушающего (т.н. "субъективный дейксис"), но и любого другого предмета, лица, признака (т.н. "объективный дейксис") (Мальцева, 1999; 19). Такое расширенное понимание дейксиса влечет за собой признание всех предлогов дейктиками и отрицание того, что пространственные отношения могут быть номинированы. Так, например, объективными дейктиками следует признать такие предлоги *в, на, около, поперек*, поскольку каждый из них передает информацию о положении одного предмета относительно другого. Однако в каждом случае своего употребления независимо от контекста эти предлоги несут в себе концептуальное содержание, а именно концепты "включение", "совпадение и контакт", "близкое положение", "пересечение", как было показано во множестве работ на эту тему (Кобзарева, Лахути, 1971; Vandeloise, 1986; Herskovits, 1986, 1988; Суцкенис, 1993; 1994 и др.).

В данной работе мы будем придерживаться изложенной выше точки зрения о том, что пространственные отношения могут быть именованы, в частности, пространственными предлогами. Поэтому термин "(пространственный) дейксис" будет употребляться только в той его интерпретации, согласно которой дейксис является указанием на положение предметов лишь относительно участников коммуникативной ситуации.

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. Предлоги, в частности пространственные, имеют собственное лексическое значение наряду со своей синтаксической функцией.
2. Лексическое значение пространственных предлогов проявляется в их способности к номинации пространственных отношений внеязыковой действительности.
3. Под дейксисом в настоящей работе понимается указание на положение предмета в пространстве относительно участников коммуникативной ситуации. В соответствии с этим определением, дейктическим значением обладают лишь проективные предлоги.

2. Теоретические установки семантического исследования лексических единиц

В данном разделе рассматриваются базовые теоретические положения исследования семантики лексических единиц, которые в дальнейшем будут использоваться при анализе существующих теорий описания пространственной лексики, а также при постановке задач, выборе методики проведения практического исследования и интерпретации его результатов.

2.1. Трактовка понятий "значение" и "денотат" и соотношения между ними

Языковое значение традиционно (Степанов, 1975; Шмелев, 1973; Апресян, 1974; Уфимцева, 1974; Гак, 1990; Медникова, 1974; Гулыга, Шендельс, 1976; Никитин, 1983; Lyons, 1996) рассматривается в двух аспектах: на уровне соотношения имени и денотата и на уровне соотношения имени и сигнификата. Термины "денотат" и "сигнификат" были впервые употреблены в работе Г.Фреге (1974 (1892)), и являются переводом с немецкого использованных автором слов "Sinn" и "Bedeutung". Рассмотрим понимание этих терминов в применении к лексической семантике.

2.1.1. Денотат

Термин "денотат" в различной литературе имеет различные трактовки. Во-первых, под денотатом понимается конкретный предмет, явление, качество, обозначаемое именем (например, Апресян, 1974). Для обозначения этого понятия также используется термин "референт" (Lyons, 1996). Согласно этому пониманию термина, денотат является материальной сущностью. Несколько иное понимание этого термина у В.Г.Гака (1971), которые определяет денотат как "номинант слова в актуализированной речи", противопоставляемый номинанту слова в системе языка. Таким образом, денотат может быть и идеальной сущностью. Важно, однако, то, что в обоих случаях денотат принадлежит внеязыковой действительности и не является фактом языка.

Под денотатом языковой единицы также понимается "множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений), которые могут именоваться данной

единицей" (Булыгина, Крылов, 1990). Другой термин для этого понятия – "денотация" (denotation, Lyons, 1996). Для обозначения этого понятия в данной работе будет использоваться термин "область денотации".

Часто подчеркивается, что денотат – необязательно реальный предмет, он может существовать в виде идеального образа этого предмета в сознании человека, тем не менее оставаясь внеязыковым явлением (Селиверстова, 1975; Кубрякова, 1979; Шабанова, 1998а). Денотат в этих работах понимается не как явление реального мира, а как ментальная репрезентация этого явления, продукт его осмысления человеком, несущий в себе антропоморфные характеристики и отражающий культурные, а также индивидуальные особенности осмысления этого явления. Такая трактовка денотата позволяет определить место в процессе именовании тех факторов, которые не вытекают ни из объективных особенностей предмета реального мира, ни из семантических характеристик имени. Так, например, носитель английского языка для описания положения птицы, сидящей на дереве, употребит предлог *in* – эквивалент русских предлогов *в* и *внутри*: *a bird in a tree* (ср. рус. *птица на дереве*). Описание положения птицы относительно дерева как заключенной в некий объем не зависит от особенностей денотата – дерево не представляет собой контейнер, ограничивающий положение птицы. С другой стороны, семантические характеристики предлога *in* предполагают, что дерево концептуализируется не иначе как контейнер. О.Н.Селиверстова делает вывод, что употребление предлога определяется не только объективными признаками предметов, но и такими факторами, как культурные особенности осмысления предметов, как, например, осмысление дерева, неба, рисунка как контейнеров носителями английского языка и осмысление этих же предметов как поверхностей носителями русского языка (Селиверстова, 1975; подробнее о роли субъективных факторов в именовании пространственных отношений, см. раздел 4.3).

Денотат, таким образом, следует определить как предмет, процесс, качество, реальный или воображаемый, представленный в том виде, в каком он воспринимается носителем языка, а не в том, каким он является в объективной реальности (Кубрякова, 1997; Шабанова, 1998а). В контексте рассмотрения соотношения значения и его денотата для нас важно, что денотат, даже не будучи явлением объективной реальности, не принадлежит системе языка.

Ряд исследователей (Никитин, 1983; Балабан, 1982; Арбекова, 1977; Степанова, Чернышева, 1986) выделяют денотативное значение лексической единицы. Денотативное значение определяется М.В. Никитиным как "значение имен единичного, концепт единичного как содержание имени" (Никитин, 1983: 120). Определение денотативного значения как "концепта единичного", т.е. как присутствующего в сознании говорящего концепта конкретного предмета, ставит знак равенства между этим понятием и денотатом. Концепт конкретного предмета, будучи идеальным образом, сформировавшимся у говорящего лишь в ходе конкретного акта восприятия и осмысления предмета, не принадлежит системе языка. Денотативное значение, следовательно, описывает не само значение, а неязыковой факт. Языковое же значение не может определяться как факт внеязыковой реальности. Выделение такого понятия как "денотативное значение" (а также "сигнификативное значение" как противопоставляемое денотативному) нам представляется нецелесообразным для данного исследования, имеющего своей целью описание языкового значения.

Т.В.Булыгина и А.С.Крылов (1990) отмечают, что термин "денотативное значение" также часто используется для обозначения понятийного ядра значения, т.е. "объективный" ("номинативный", "внешнеситуационный", "когнитивный", "фактический" и т.д.) компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных и т.д. оттенков. Выделение в языковом значении такого компонента смысла нам также представляется нецелесообразным. Денотат представляет собой не объективно существующий предмет, а результат его субъективного осмысления. Языковое значение, в свою очередь, не соотносится с предметами внеязыковой действительности напрямую, а с некотором концептом этого предмета, имеющего субъективный характер (этот концепт, например, может нести на себе культурные особенности осмысления предмета реальной действительности, об этом подробнее см. также раздел 4 данной главы). По этой причине представляется неправомерным выделять "объективный" или "фактический" компонент значения, в противопоставлении "субъективному". Поэтому в нашем исследовании понятие "денотативное значение" нами не используется.

2.1.2. Сигнификат

Сигнификат как термин, характеризующий языковое значение, понимается во многих работах как факт системы языка; он определяется тем местом, которое он занимает среди других сигнификатов в системе языка (Фрумкина, 1989; Булыгина, Крылов, 1990), или "межлексическими и внутриязыковыми отношениями слова" (Lyons, 1996), т.е. его парадигматическими отношениями синонимии, антонимии и полисемии с другими единицами семантической системы языка.

Сигнификат также часто определяется как "обобщенная информация о признаках, объединяющих денотаты в класс" (Апресян, 1974), "абстрагированное инвариантное отражение целого класса предметов" (Степанова, Чернышева, 1986). Таким образом, сигнификат оказывается способом репрезентации предмета, качества, явления в сознании говорящего. Это, в частности, видно из того факта, что один и тот же предмет в различных коммуникативных ситуациях может быть обозначен различными именами. Благодаря закреплению за значением имени обобщенных признаков некоторого класса денотатов это имя способно обозначать все денотаты этого класса. Для обозначения способности имени соотноситься с денотатами некоего класса используются термины "денотативная соотнесенность" (Селиверстова, 1975), "соотнесенность слова с референтом" (Медникова, 1974), "экстенционал" (Падучева, 1985; Булыгина, Крылов, 1990).

Закрепляя в себе признаки отдельного класса денотатов и имея способность соотноситься с каждым из них, сигнификат как бы классифицирует явления внеязыковой действительности. Говоря о такой способности сигнификата классифицировать явления внеязыковой действительности, ученые Пражской лингвистической школы, считали именование средством "вторичной категоризацией явлений внеязыковой действительности, проводимой языковыми средствами" (цитата по (Лещева, 1997)). Процесс закрепления за именем обобщенных признаков определенного класса денотатов в работах по когнитивной лингвистике также называется языковой категоризацией, противопоставляемой неязыковой категоризации (Гербек, 1997; Taylor, 1989; Regier, 1996).

Таким образом, сигнификат представляет собой результат категоризации обобщенных признаков некоторого класса денотатов, выраженную в значении языкового знака. Поэтому

термины "языковое значение", "значение", "семантика лексической единицы" и "сигнификат" являются по своей сути синонимами и используются в нашей работе взаимозаменяемо.

2.1.3. Взаимозависимость парадигматических семантических отношений слова и его области денотации

Между сигнификатом как определяемым парадигматическими семантическими отношениями имени и сигнификатом как обобщенным представлением о признаках определенного класса денотатов существует тесная взаимосвязь. С одной стороны, значение имени обладает способностью соотноситься с определенным классом денотатов только постольку, поскольку это ему позволяет конкуренция со стороны синонимов этого имени. С другой стороны, абстрагированное представление об общих признаках денотатов данного класса, закрепленное в значении, обуславливает принадлежность значения имени данной синонимической группе; отношения между лексическими единицами внутри этой синонимической группы характеризуются в терминах признаков денотатов, закрепленных в их значениях. Дж.Лайонс отмечает: "Чем обширней класс предметов, обозначаемый именем, тем абстрактней сигнификат, а следовательно, тем меньше внутриязыковых отношений имеет имя. И наоборот, чем меньше класс предметов, обозначаемых именем, тем конкретней его сигнификат, а следовательно тем больше внутриязыковых отношений имеет имя. ... Невозможно иметь представления об одном явлении, не зная по крайней мере хоть что-то о другом " (Lyons, 1996).

Таким образом, слова, которые в системе языка имеют большее число парадигматических отношений, имеют более конкретизированное значение и более узкую область денотации. И наоборот, слова, которые в системе языка имеют меньшее число парадигматических отношений, имеют более абстрактное значение и более широкую область денотации.

Так, например, Э.Рош (Heider, 1972), исследуя семантику слов-цветообозначений в новогвинейском языке дани, обнаружила, что в этом языке существуют только два слова для обозначения цвета: *mili* для обозначения темно-холодных цветов (черный, зеленый и голубой) и *mola* для обозначения светло-теплых цветов (включающее белый, красный и

желтый). Каждое из этих слов, в отличие от любого из слов-цветообозначений английского языка, противопоставляясь по своему значению только с одним словом, имеет более абстрактную семантику, чем английские слова-цветообозначения, и поэтому способно соотноситься с гораздо большим числом денотатов. С другой стороны, так как это слово способно соотноситься с обширным классом денотатов, обобщенные признаки этого класса денотатов, закрепленные за этим словом, оказываются весьма немногочисленными. Соответственно, это слово вступает во внутриязыковые отношения лишь с одним словом, в отличие от английских слов-цветообозначений.

Дж.Лайонс (Lyons, 1996) подчеркивает, что один из факторов не может иметь большее влияние на значение слова, чем другой. Несмотря на то, что слово способно обозначать весьма конкретные предметы, которые в сознании человека ассоциируются с большим числом конкретных признаков, семантические признаки этого слова определяются его внутриязыковыми отношениями. Как отмечает В.Г.Гак (1990), лексическое значение уже понятия в том смысле, что оно отражает в себе лишь различительные свойства предметов.

Так, например, слово *чашка* ассоциируется в сознании с классом предметов с весьма конкретными признаками. Однако значение слова *чашка* в лексической системе языка будет определяться не той конкретностью признаков, которая обычно ассоциируется у нас с этим классом предметов, а лишь теми отраженными в языке признаками класса чашек, по которым этот класс противопоставляется отраженным в языке признакам класса кружек, стаканов, чаш, блюд, и т.д. Таким образом, исключение из анализа внутриязыковых отношений слова и рассмотрение исключительно его денотативной способности влечет за собой приписывание значению тех признаков, которые не являются принадлежностью языковой системы.

С другой стороны, как подчеркивают многие исследователи (Д.Н.Шмелев (1973), В.Г.Гак (1972); Э.М.Медникова (1974), О.Н.Селиверстова (1975) и др.), всесторонне описание лексической семантики невозможно проводить с помощью произвольно выделяемых исследователем семантических категорий, без учета денотативной соотношенности слова. Д.Н.Шмелев (1973; 15) отмечает, что синонимичные группы слов, особенно слов с т.н. "конкретной семантикой", таких как *река, ручей, канал, озеро, пруд*, представляют собой "не языковые, а предметные объединения слов". Внутриязыковые

межлексические отношения слов могут быть адекватно описаны только в терминах закрепленных в их значениях признаков денотатов: "Изучение значений слов на основе их лексической и синтаксической сочетаемости, очень важное для семасиологии, не является само по себе изучением значения слова", такой подход к лексическому значению "не может раскрыть подлинной природы существующих между значениями различных слов различий" (там же).

Таким образом, в дальнейшем внутриязыковые отношения слова и его денотативная соотнесенность будут рассматриваться как два взаимозависимых фактора, определяющих значение языковой единицы.

Семантическое исследование должно учитывать одновременно оба этих фактора и соответственно осуществляться на двух уровнях: парадигматическом (определение места значения данного слова в лексической системе языка) и синтагматическом (изучение денотативной соотнесенности этого слова). Несмотря на то, что исследованиями на парадигматическом и на синтагматическом уровнях с различных сторон подходят к изучению семантики слова, они дополняют друг друга и не могут проводиться изолированно друг от друга.

2.2. Проблема разграничения языкового значения и денотата

Еще одна сложность в прояснении отношения между языковым значением и денотатом заключается в определении способов установления того, что является языковым значением, а что – денотатом, обозначаемым словом. В современных работах по лексической семантике (Селиверстова, 1975; Гулыга, Шендельс, 1976) часто отмечается, что несмотря на то, что большинство лингвистов признает необходимость различать значение слова как языковое явление и денотат как его внеязыковой коррелят, в практическом анализе эти понятия очень часто смешиваются. При рассмотрении соотношения значения исследуемого слова с его различными денотатами, признаки отдельного конкретного денотата часто отождествляются с семантическими компонентами этого слова. Таким образом, языковому значению начинает приписываться содержание, которое вовсе не закреплено за этим языковым знаком.

С проблемой разграничения языкового значения и денотата связана проблема определения количества значений у исследуемого слова. Она заключается в различении между неясностью (т.е. разными денотатами, обозначаемыми словом) и многозначностью слова (Geeraerts, 1993). Исследователь, приписав признаки конкретных денотатов значению некой лексической единицы, вынужден выделять у ней множество отдельных значений, что по сути сводится к перечислению денотатов, которые эта лексическая единица способна обозначать. Так, например, русский предлог *на* может употребляться в следующих случаях:

На столе – книга.

На книге – рисунок.

В первом случае один предмет контактирует с горизонтальной плоскостью другого предмета, но может быть легко удален с этой плоскости. Во втором – один предмет является интегрированным в плоскость другого предмета и не может существовать вне этой плоскости. Неясно, однако, следует ли рассматривать признаки "интегрированность/отсутствие интегрированности" признаками лишь денотатов или компонентами значения предлога *на*. Соответственно неясно, следует ли выделять одно общее значение без уточнения о наличии/отсутствии интегрированности одного предмета в другой или выделить два значения с учетом этого различия.

О.Н.Селиверстовой (1975) была предложена следующая методика разграничения значения слова и обозначаемого им денотата. Она предлагает определять значение через понятие знаковой информации – "такой информации, которую лексема передает о денотате слова или вообще об общей денотативной ситуации" (там же: 7). Значение, определяемое через это понятие, является "той знаковой информацией, которую получит человек, владеющий данным языком, при восприятии означаемого слова" (там же). С помощью понятия "знаковая информация, воспринимаемая слушающим" автору удастся рассмотреть функционирование языкового значения под таким углом зрения, когда внеязыковое представление говорящего о денотате четко отделяется от того языкового содержания, которое несет слово, обозначающее этот денотат. Так, говорящий, имея некое представление о денотате, выбирает лексическую единицу для его обозначения, в значении которой закреплены семантические компоненты, соответствующие отдельным признакам этого денотата. Адресат речи, восприняв языковой знак, получит, однако, не представление

говорящего о денотате, а только информацию, закрепленную за языковым знаком, т.е. его языковое значение.

О.Н.Селиверстовой и ее коллегами (Селиверстова, 1975; 1980; Сулейманова, 1986) была разработана экспериментальная методика, благодаря которой удается через серию экспериментов с различными денотативными ситуациями отделить признаки, свойственные конкретным денотатам, от признаков данного класса денотатов, закрепленных в значении слова (подробнее об экспериментальной методике в исследовании языковых единиц см. раздел 3 третьей главы).

2.3. Критерий предсказательности семантического описания

При таком семантическом описании, когда ставится цель рассмотреть реализацию значения в речи, важным критерием адекватности получаемой семантической модели становится критерий предсказательности. Этот критерий заключается в требовании к составленному описанию значения не только объяснять ряд неких конкретных случаев употребления слова, но и позволять предсказать его употребительность/неупотребительность во всех вновь возникающих контекстах.

Критерий предсказательности был впервые выдвинут и обоснован академиком Л.В.Щербой в его работе "О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании" (Щерба, 1974 (1931)). Л.В.Щерба обратил внимание на то, что исследования современных языков часто проводятся по принципам исследований мертвых языков, в следствии чего получаемые таким образом грамматики и словари оказываются неадекватными действительности. При описании живых языков необходимо исследовать их функционирование. Для этого, построив на основании имеющегося языкового материала некую отвлеченную систему, необходимо "проверять ее на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. (...) Не ожидая того, что какой-то писатель употребит тот или иной оборот, то или иное слово или сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно слово другим, меняя их порядок, интонацию и т.п. наблюдать получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем". (Щерба, 1974 (1931)). Критерий

предсказательности, таким образом, позволяет оценить истинность и законченность семантической модели слова путем проверки ее применимости ко всевозможным новым денотативным ситуациям.

Критерий предсказательности при исследовании лексической семантики принимается многими отечественными лингвистами (Селиверстова, 1975; Селиверстова, Маляр, 1998; Фрумкина, 1989; Шабанова, 1998а; Сулейманова, 1986; Дудочкина, 1999; Газизова, 1999 и др.). Очень часто возможность предсказать употребление слова выдвигается и западными семантистами в качестве цели, на достижение которой направлены их исследования (Leech, 1969; Herskovits, 1986; Cienki, 1989; Cuycens, 1997; Coventry, 1998 и др.).

2.4. Средства описания языкового значения

Семантическая система языка требует своего адекватного и исчерпывающего представления не только ради цели теоретического описания одной из областей языка, но и создания одной из фундаментальных основ для теоретической лингвистики вообще (Апресян, 1974). Создание адекватной метаязыковой системы – инвентаризация терминов (понятий и номенклатур) – традиционно представляется целью лингвистического исследования (ЛЭС, 1990). При рассмотрении лингвистической семантики как когнитивной науки, исследование семантической системы языка становится также важным средством исследования концептуальной системы и механизмов ее функционирования. Соответственно возникает необходимость определить такие средства представления языкового значения, которые были бы способны отразить системный характер отдельного языка и позволить провести соответствия между системами различных языков.

2.4.1. Метаязык

Поскольку значение слова определяется двумя взаимозависимыми факторами – местом этого слова в лексической системе языка и его соотносительностью с реальным миром (см., раздел 2.1) – то лексическое значение можно описать двумя способами: указанием на предмет, явление, качество, обозначаемое этим словом, или с помощью других слов (Lyons,

1996). Наиболее удобным во всех отношениях является второй способ, который и практикуется в лексикографии и семантической теории. Вопрос о выборе средств системного описания семантики, таким образом, можно свести к требованию определения адекватного языка описания значений языковых средств, или метаязыка (Lyons, 1996).

Так как между различными словами некоего языка, а также между словами разных языков, имеются определенные сходства в значении, то представляется возможным раскрыть системную организацию семантики некоторого языка используя эти сходства. Метаязык поэтому традиционно видится как конечный набор универсальных семантических понятий, меньших по своему количеству, чем единицы описываемого естественного языка или языков (Апресян, 1974; Звегинцев, 1981; Wierbizka, 1985; Lyons, 1996; ЛЭС, 1990; Malmkjaer, 1995).

К элементам подобного понятийного языка выдвигаются в первую очередь требования четкости, однозначности и элементарности (термин "элементарность" или "базовость" метаязыкового понятия отражает положение о том, что метаязыковое понятие не должно нести в себе содержания общего с другими понятиями (Апресян, 1974). Только при удовлетворении этим требованиям метаязыковое понятие может быть способным служить единицей системного описания семантической системы языка.

Традиционно в качестве метаязыка в семантике используется искусственно созданный язык формализации значения, подобно языку логических операторов. Так Р.Джекендофф (Jackendoff, 1990) при описании семантической структуры предложения пользуется в качестве элементарных единиц "концептуальными составляющими" (conceptual constituents), каждая из которых принадлежит к набору основных онтологических категорий (или концептуальных "частей речи"): Предмет (Thing), Событие (Event), Состояние (State), Действие (Action), Место (Place), Путь (Path), Качество (Property) и Количество (Amount). Различные концептуальные составляющие могут выступать как функции и как аргументы к этим функциям. Таким образом автор предлагает способ формализовать семантическую структуру предложения.

Считается также, что значения единиц естественного языка можно описать с помощью особым образом регламентированного естественного языка (Lyons, 1996). Регламентация заключается в выборе некоего ограниченного набора слов естественного языка, с помощью которого можно описать значения всех остальных его слов. Такой

метаязык служит в первую очередь практическим, нежели теоретическим, целям. В частности, таким регламентированным языком является язык словарных дефиниций. Так, создателями толковых словарей издательства Лонгман, были разработаны около 1000 определяющих метапонятий, которые используются в словарных дефинициях всех определяемых в словарях этого издательства слов (см., например, LLA).

2.4.2. Семантический язык как альтернатива метаязыку

Создание метаязыка, в полной мере соответствующего сформулированным для него целям, остается нерешенной задачей как в теоретическом, так и в практическом плане.

Так, у лексикографов существуют серьезные противоречия в способах регламентирования элементов метаязыка, вследствие чего для одного и того же слова разными словарями даются довольно различающиеся дефиниции (Lyons, 1996). Отмечается неразработанность метаязыка словарных дефиниций, заключающаяся в том, что используемые в них метапонятия недостаточно ясны, не позволяют четко понять условия употребления определяемого слова (Селиверстова, 1974; Шабанова, 1998а; 1998б; Дудочкина, 1999; Газизова, 1999). Неразработанность метапонятий словарных дефиниций проявляется, в частности, в том, что часто синонимические слова толкуются друг через друга. Так, Т.Д. Шабанова (1998б: 4) приводит следующие примеры определения глаголов зрения в одном из толковых словарей: "*see* – looking at, becoming aware, recognizing; *look* – seeing what is there or seeing what is something like" (там же: 4).

В последнее время появилось много работ, демонстрирующих сложности выделения метапонятий, имеющих статус универсальных и элементарных семантических единиц.

Как отмечают ряд исследователей (Медникова, 1974; Фрумкина, 1989; Шабанова, 1998а), использование абстрактных, якобы универсальных семантических компонентов, таких как "Предмет", "Агент" или "Состояние", чье присутствие в значениях слов часто считается само собой разумеющимся и которые сами остаются неопределенными должным образом, является неадекватным задаче описания индивидуальной семантики слова. Р.М.Фрумкина (1989) отмечает, что использование таких априори считающихся универсальными семантических компонентов представляет собой "прокрустово ложе", не

позволяющее учесть всю специфику семантики описываемого слова, которая очень часто является весьма существенной. Т.Д.Шабанова (1998а) отмечает неадекватность представления семантики глаголов зрения лишь в терминах таких обобщенных компонентов как "Агент" и указывает на необходимость более детального их рассмотрения. Она предлагает уточнить компонент "Агент", разбив его на более специфицированные компоненты с помощью таких понятий как "приложение силы", "контролируемость", "осознаваемость". Благодаря этому автору удастся провести различие между значениями таких глаголов как *всмотреться* и *discern*, с одной стороны, и *увидеть* и *see*, с другой. В значении первых двух глаголов присутствуют компоненты "приложение силы" и "осознающий Агент", которые отсутствуют во второй паре глаголов, что отражается на сочетаемостных характеристиках этих глаголов. Можно сказать *Он с напряжением всмотрелся* и *He discerned her with difficulty*, но нельзя **Он с усилием увидел* и **He saw her with difficulty*. Различение этих типов "Агентов" важно не только для раскрытия индивидуальной семантики этих глаголов, но и для изучения синтаксической структуры предложений с этими глаголами.

Исследователями, работающими в рамках западной традиции когнитивизма, защищается положение о том, что для адекватного представления семантики описываемого слова едва ли возможно пользоваться универсалиями лингвистического характера (Clark, 1973; Johnson-Laird, 1983; Hawkins, 1984; Dirven, Taylor, 1988; см., также раздел 4 второй главы). Их аргументы состоят в том, что характер семантических систем естественных языков во многом конвенционален. Существуют лишь общие для всех языков закономерности соотнесения синонимических языковых единиц с некой областью концептуальной системы. Собственно же содержание языковых единиц не может быть раскрыто в терминах неких лингвистических элементарных единиц; эти единицы могут быть только невербального характера (Hawkins, 1984: 42). Эти мысли нашли подтверждение в ряде конкретных семантических исследований. Например, Б.Берлин и П.Кей (Berlin, Kay, 1969), проведя сопоставительное исследование семантики слов-цветообозначений в нескольких десятках языков, установили, что нет семантических универсалий в категоризации цвета, а есть только общая стратегия языкового членения цветового спектра.

Многими отечественными исследователями (Медникова, 1974; Селиверстова, Маляр, 1998; Шабанова, 1998а; Дудочкина, 1999; Газизова, 1999) подчеркивается мысль о том, что выделенный в семантике того или иного слова компонент и описывающее его понятия не могут считаться априори универсальными и элементарными. Эти исследователи считают, что основным предметом анализа семантики лексической единицы должно стать именно исследование природы ее семантических компонентов. Более того, семантическое исследование не должно иметь конечной целью представление значения в терминах неких элементарных понятий. При разработке понятий описания значения некой языковой единицы эти исследователи руководствуются прежде всего целью создания адекватного семантического описания. Соответственно, используемые этими учеными семантические понятия не имеют статуса универсальных единиц.

В соответствии со сказанным, средством описания семантики конкретной лексической единицы должен быть не метаязык как совокупность универсальных для всех языков семантических понятий. Им должен быть такой понятийный аппарат, который разрабатывается специально для адекватного описания семантики конкретных слов. Такой понятийный аппарат, в отличие от метаязыка как отражающего универсальные семантические понятия, в дальнейшем будет называться термином "семантический язык".

Основные выводы из изложенного в разделе 2 состоят в следующем:

1. Лексическое значение определяется двумя взаимозависимыми факторами: его внутриязыковыми отношениями и его денотативной соотнесенностью. Соответственно, лексическое значение должно изучаться на двух уровнях: парадигматическом (изучения места этого значения в лексической системе языка) и синтагматическом (его реализация в речи).
2. Важным критерием оценки истинности и законченности полученного семантического описания лексической единицы является предсказательность ее употребления во вновь возникающих контекстах.
3. Для разграничения значения как факта языка и денотата как факта внеязыковой действительности значение слова определяется как знаковая информация, получаемая адресатом речи при употреблении этого слова.
4. Важнейшим средством системного описания семантики лексической единицы является особым образом регламентированный понятийный язык; задача семантического

исследования состоит в разработке таких понятий этого языка, которые были бы способны адекватно представить семантику исследуемого слова.

Глава II. Когнитивный подход к исследованию лексического значения пространственных предлогов

1. Общая характеристика когнитивного направления в лингвистике

В этом разделе излагается краткая характеристика когнитивного направления в лингвистике, описываются основные принципы когнитивного подхода к языку вообще, применение которых к исследованию пространственной семантики будет рассмотрено в дальнейших разделах.

Когнитивная лингвистика как направление в науке о языке характеризуется основным положением о том, что язык должен рассматриваться как средство организации, хранения и передачи информации человеком, и языковые явления должны изучаться в соответствии с данными других наук о восприятии, памяти и мышлении, таких как когнитивная психология, антропология, неврология, физиология и их поддисциплины. Д.Геерэртс дает следующее определение когнитивной лингвистике: "Когнитивная лингвистика является наукой о познавательной функции языка, при чем часть "когнитивная" ... означает то же, что и в когнитивной психологии; она отражает тот факт, что язык рассматривается как промежуточная информационная структура, необходимая для взаимодействия человека с окружающим его миром – восприятия новой информации и хранения старой" (Geeraerts, 1995: 112-113). Представление о языковой системе как об аспекте концептуальной системы человека (т.е. совокупности определенным образом организованных информационных структур, которыми человек пользуется для эффективного взаимодействия с окружающим его миром) предполагает, что разрабатываемые наукой о языке понятия его описания должны быть не абстрактными конструктами, а так или иначе совместимыми с понятиями описания концептуальной системы человека, разработанными в смежных с лингвистикой когнитивных науках.

Будучи междисциплинарным по своему характеру, когнитивное направление открывает важные теоретические перспективы как для лингвистики, так и для других когнитивных наук. С одной стороны, исследования в смежных с лингвистикой областях психологии, биологии, неврологии, антропологии могут рассматриваться как средство

верификации создаваемых лингвистических теорий. Приняв положение о том, что языковая система является аспектом концептуальной системы человека и поэтому должна обнаруживать схожую с ней организацию, соответствия между предлагаемым описанием некой области языка и концептуальной системой следует рассматривать как доказательство правильности этого описания.

С другой стороны, лингвистические исследования могут служить ключом к пониманию способов хранения невербальной информации и механизмов ее обработки. Язык, будучи средством организации, хранения и передачи концептуальной информации, является средством доступа (gateway) к изучению концептуальной системы (Langacker, 1991). Поэтому исследования языковой системы становятся важным дополнением к исследованиям в психологии, неврологии и биологии, а иногда и основным средством изучения концептуальной системы человека.

1.1. Аналогии в организации концептуальной системы и системы языка

Положение о необходимости приведения в соответствие описания языковой системы с описанием концептуальной системы человека строится на основании наблюдений сходств в организации языковых подсистем (фонологической, лексической, грамматической) и концептуальной системы. В своей известной работе "Women, Fire and Dangerous Things" (Lakoff, 1987) Дж.Лакофф продемонстрировал, что категоризация как общекогнитивный способ представления информации, открытый в исследованиях по когнитивной психологии, также характерна и для представления языковой информации. Автор провел очевидные параллели между явлением категоризации и различными явлениями в фонологии, грамматике и лексике.

Категоризация является одним из фундаментальных когнитивных механизмов, состоящем в "приписывании явно различающимся вещам эквивалентности, группировке предметов, событий и людей в нашем окружении в классы и реагировании на них в зависимости от принадлежности к разным классам, а не от их своеобразия." (Величковский, 1982: 187-188) Организация информации в виде категорий обнаруживает т.н. "прототипические эффекты". Феномен прототипических эффектов, описанный Э.Росх (Rosch

1975; 1976; Rosch, Mervis, 1975), заключается в том, что для каждой категории предметов можно определить более и менее репрезентативные (или прототипические) члены. Это объясняется тем, что любая категория не имеет четких границ, недискретна и организуется вокруг своего прототипичного члена; принадлежность к этой категории других ее членов градуальна и зависит от степени их близости по неким характеристикам к прототипу. Так, исследования неязыковых категорий Э.Росч (Rosch 1975, 1976) показали, что, например, в западной культуре прототипом категории "птица" является малиновка, а степень принадлежности некоего данного биологического вида к категории "птица" определяется тем, насколько этот биологический вид схож с малиновкой. Поэтому дрозд, дятел или сокол воспринимаются как более "представительные" члены категории "птица", чем пингвин, киви или страус: первые по своим характеристикам (конфигурация крыльев, клюва, перьев, способность летать, способность откладывать яйца и т.д.) располагаются ближе к прототипу "малиновка", вторые находятся на периферии этой категории.

Дж.Лакофф показал, что как и для неязыковых категорий прототипические эффекты характерны для различных фонологических, морфологических, синтаксических и лексических категорий. Он обратил внимание на то, что подобная организация информации свойственна фонологическим категориям. Так, фонему можно рассматривать как языковую категорию, которая строится вокруг своего наиболее репрезентативного члена – некоего аллофона, в котором наиболее полно реализуются различительные признаки фонемы. Другие аллофоны этой фонемы, испытывая на себе влияние таких факторов как место в слове, соседство с другими звуками, ударности или безударности гласного и т.д., демонстрируют различную степень выраженности различительных признаков этой фонемы. Степень схожести с "прототипичным" аллофоном остальных аллофонов определяет степень их принадлежности к данной фонологической категории. Например, аллофон, в котором наиболее полно реализуются различительные признаки английской фонемы /l/ можно рассматривать как центр этой фонологической категории, а ее светлые и темные аллофоны – как находящиеся на ее периферии.

Лексическая система языка обнаруживает подобную организацию. Дж.Лакофф ссылается на исследование Б.Берлин и П.Кэй (Berlin, Kay, 1969), показавших, что значения слов-цветообозначений, рассматриваемые как лексические категории, также как и

неязыковые перцептивные цветовые категории, строятся вокруг неких "фокальных точек" (т.е. прототипичных членов в терминологии Э.Рож). Например, значение английского слова *blue* строится вокруг своего прототипичного члена – "голубой цвет", т.е. вокруг закрепленного в значении этого слова информации о цвете определенной интенсивности и определенного тона. Цвета индиго, ультрамариновый, кобальтовый по своей интенсивности и тону отличаются, но стоят близко к этому прототипу и поэтому предметы этих цветов также могут быть обозначены словом *blue*. Чем больше некий цвет по своей интенсивности и тону отличается от голубого, тем ближе к периферии категории "голубой" он располагается и тем меньше вероятность того, что носители языка употребят слово *blue* для обозначения этого цвета. Если некий цвет отличается от прототипа "голубой цвет" настолько, что оказывается ближе к прототипу другой лексической категории, то он уже не может быть обозначен словом *blue* и для его обозначения будет использоваться то слово, к прототипу которого этот цвет наиболее близок.

Другой особенностью лексической системы, которая свидетельствует о сходстве ее организации с организацией концептуальной системы и которая активно изучается в современной когнитивной лингвистике, является феномен полисемии. В работах Дж.Лакоффа (Lakoff, 1987), К.Бругман (Brugman, 1982; Brugman, Lakoff, 1989), Дж.Тэйлора (Taylor, 1989), Е.Свитсер (Sweetser, 1990), Д.Геерэртса (Geeraerts, 1993), М.Джонсона (Lakoff, Johnson, 1980) процесс развития у слова новых значений рассматривается как управляемый такими общекогнитивными механизмами развития неязыковых категорий как аналогия, метафоризация и метонимия.

На раскрытие когнитивных основ грамматических категорий направлена теория когнитивной грамматики Р.Лангакера (Langacker, 1988; 1991). Грамматические категории характеризуются в теории Р.Лангакера в терминах семантических структур, которые в свою очередь определяются концептуальными конструктами, описанными в нелингвистических науках. Так, различия между подлежащим и дополнением, между активным и пассивным залогом определяются в когнитивной грамматике как языковой коррелят когнитивной способности человека воспринимать окружающий мир в терминах фигуры (т.е. объекта восприятия) и фона (контекста восприятия). Частеречные категории, такие как существительное, глагол, прилагательное и т.д., характеризуются в когнитивной грамматике

исключительно через семантические понятия. Благодаря этому когнитивной грамматике удастся избежать многочисленных сложностей и противоречий, возникающих при характеристике этих грамматических категорий в чисто синтаксических понятиях.

Таким образом, обнаружив явные соответствия в организации и обработке языковой и неязыковой информации психикой человека, когнитивное направление в лингвистике защищает тезис о том, что изучение языка должно учитывать общекогнитивные принципы представления информации человеком.

1.2. Основные теоретические установки когнитивного направления

Когнитивная лингвистика в настоящее время не является отдельной теорией, а скорее парадигмой, включающей в себя ряд совместимых по своим основным принципам многих теорий и исследовательских программ. Одними из наиболее значительными из них являются когнитивная лингвистика Дж.Лакоффа (Lakoff, 1987; Lakoff, Johnson, 1980), когнитивная грамматика Р.Лангакера (Langacker, 1988; 1991), концептуальная семантика Р.Джекендоффа (Jackendoff, 1983; 1987; 1990; 1995), динамическая семантика Л.Талми (Talmy, 1988), теория ментальных пространств Ж.Фоконье (Fauconnier, 1985). В отечественной лингвистике когнитивный аспект изучения языка разрабатывается в работах Е.С.Кубряковой (1994; 1997), В.З.Демьянкова (1994; 1996), В.Я.Шабеса (1989; 1992), А.В.Кравченко (1996а; 1996б), Р.М.Фрумкиной (Фрумкина и др., 1991) и др. Основанием для объединения этих теорий в одну парадигму является то, что общими для них всех является ряд принципов, вытекающих из положения о том, что язык должен рассматриваться как феномен психики, и изучение языка должно быть совместимо с данными неязыковых наук о познавательной деятельности человека. Одновременно эти принципы являются основанием, по которому когнитивное направление противопоставляется "чисто лингвистическим" или "классическим" направлениям, в частности теориям, созданным в структуралистской парадигме, таким как генеративная лингвистика и стратификационная грамматика, и в парадигме логической семантики. Эти принципы когнитивной парадигмы можно сформулировать следующим образом (подробное рассмотрение этих установок и их применение в исследовании пространственной семантики, см. соответственно разделы 2 – 6 этой главы):

(1) Язык не представляет собой автономный модуль познания. Языковая система не является набором абстрактных правил ("грамматической компетенцией"), независимых от остальной концептуальной системы, или отдельным модулем познания, как это постулируется в учениях Н.Хомского (Chomsky, 1980) и Дж.Фодора (Fodor, 1983). Система языка является аспектом концептуальной системы и организуется по тем же принципам, что и концептуальная система.

(2) Языковое знание антропоцентрично и экспериенциально. Поскольку языковое знание является аспектом концептуальной системы, то оно приобретает человеком как его индивидуальный опыт. Языковая единица не соотносится напрямую с объективной действительностью, а через посредство разума человека, познающего этот мир. Вследствие этого значение несет на себе особенности понимания мира, которые типичны для человека (а) как биологического вида, живущего в определенной экологической среде, (б) как представителя определенной культурной среды и (в) как отдельного индивида. В соответствии с этим, любое языковое явление может быть изучено только в биологическом и социальном контексте его проявления.

(3) Языковое знание следует описывать не в терминах словарных, а энциклопедических дефиниций. Будучи отражением концептуальной системы человека, семантика языковых единиц не может быть описана в виде дискретных дефиниций с помощью ограниченного числа определяющих метапонятий, чисто лингвистических по своему характеру, как это предполагается в большинстве работ структуралистского направления. Языковое знание может быть адекватно описано лишь с помощью обращения к концептуальной системе в целом.

(4) Языковое знание организуется с помощью общекогнитивных механизмов категоризации и поэтому языковым категориям свойственны общекогнитивные особенности: "семейное сходство", прототипичность, градуальное членство, функциональное воплощение, приоритет базовых категорий.

Необходимо отметить, что вышеперечисленные установки во многом остаются лишь следствием из общего положения об изучении языка в совокупности с изучением общекогнитивных способностей в целом. Как отмечают ряд исследователей (Frisson et al, 1996; Cuyckens, Sandra, Rice, 1997), эти установки по-прежнему слабо подкреплены

эмпирическими данными, которые могли бы убедительно продемонстрировать соответствия между предлагаемой когнитивным лингвистом моделью некоего языкового явления и некой концептуальной структурой. Проводя эмпирическое исследование такого соответствия, отмечает Г.Куйкенс и его коллеги (Cuyckens, Sandra, Rice, 1997: 36-37), когнитивный лингвист может лишь ориентироваться на теорию, не имея возможности предвидеть конкретные следствия из нее. Даже если общее теоретическое положение верно, продолжает он, у когнитивной лингвистики нет конкретной методологии соотнесения конкретных языковых явлений с конкретными ментальными структурами. Тем не менее, ориентация на достижение "психологической реальности" предлагаемого лингвистического описания является "первым важным шагом в формулировке разумных вопросов исследования" (Frisson et al, 1996: 614). В этом отношении особый интерес для когнитивной лингвистики представляет семантика пространственных лексем, будучи легко доступной для эмпирического изучения и таким образом способной раскрыть соответствия между конкретными семантическими структурами и конкретными неязыковыми пространственными репрезентациями.

1.3. Когнитивное направление в лингвистике как совокупность положений

Хотя изложенные выше положения когнитивной лингвистики были сформулированы и обобщены в основном в работах отдельных американских исследователей последней четверти XX века, установки, сходные с установками когнитивного направления, выдвигались ранее многими как западными, так и отечественными учеными-лингвистами.

Идеи о субъективном характере языкового знания, о его национально-психологическом характере, занимают центральное место в работах В.Гумбольдта и его последователя Л.Вайсгербера. Эти идеи послужили фундаментом для целого направления в лингвистике, называемого неогумбольдтианским (В.Порциг, Й.Трир и др.). Положения о субъективности языка, о том, что он является хранилищем культуры народа, говорящего на этом языке, и тесным образом связан с неязыковыми знаниями о мире и даже оказывает влияние на восприятие реальности человеком, являясь средством создания концептуальных категорий, были выдвинуты в работах Э.Сэпира и Б.Уорфа.

Существует ряд современных теорий, созданных и до, и после формирования когнитивного направления как такового, которые не идентифицируют себя как когнитивные, но фактически защищают принципы, общие с когнитивной парадигмой, и которые таким образом могут быть причислены к ней. Так, теория информационного потока (Information Flow Theory) У.Чейфа (Chafe, 1994), основывается на тех же положениях, что и когнитивная лингвистика, поскольку изучает соотношение между единицами дискурса и единицами информации, которыми человек пользуется при ее обработке.

Исследования, направленные на обнаружение соотношения между психологическими и языковыми структурами представления информации имеют давнюю традицию и в отечественной лингвистике. В нашей стране к середине 70-х годов сформировалось направление, которое явилось альтернативой чисто структурному направлению в отечественной лингвистике. Это направление, базирующееся на деятельностном подходе отечественной психологии, обычно называется деятельностным подходом или теорией речевой деятельности. Основы этой исследовательской традиции в лингвистике были заложены в трудах Л.С.Выготского, опиравшегося на методологические представления о деятельности, общении и сознании, а также на идеи В.Гумбольдта, А.А.Потебни, И.А.Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюра, работы Пражской школы лингвистики. В своей теории деятельности Л.С.Выготский предпринял попытку объединить структурный и функциональный аспекты исследования языка. Поэлементному анализу языковой единицы он противопоставил рассмотрение цельного деятельностного акта в единстве мотивационной, целевой и исполнительской сторон и рассматривал значение слова как акт мышления. Дальнейшее развитие теория деятельности получила в работах А.Р.Лурии, А.Н.Леонтьева, А.А.Леонтьева, А.А.Залевской, И.А.Зимней, Л.В.Сахарного, А.М.Шахнаровича и др.

Значение деятельностного подхода для лингвистики впервые обосновал А.А.Леонтьев. Он показал, что процесс коммуникации не может быть сведен к процессу передачи кодированного сообщения от одного индивида к другому, это – определенный вид деятельности. Использование языка в деятельностной традиции рассматривается как речемыслительная деятельность, связанная с другими видами человеческой деятельности целым рядом зависимостей. И.А.Зимняя подчеркивает, что такое понимание языка

предполагает его изучение в контексте активного взаимодействия организма с окружающей средой и направлено на преодоление элементаризма в лингвистике (Зимняя, 1974: 65).

Наибольшее внимание в теории речевой деятельности было уделено выработке моделей порождения и восприятия речи как в целом, так и на отдельных языковых уровнях. Конкретные исследования, выполненные в рамках этой концепции, дали важные данные о том, как формируются определенные языковые формы для объективации определенного содержания и какие закономерности свойственны этому процессу (Кубрякова, 1997).

Деятельностный подход в отечественной лингвистике, таким образом, обнаруживает ориентированность на те же положения, что и когнитивная лингвистика, а именно на рассмотрение языковых явлений во взаимосвязи с другими видами когнитивной деятельности человека и, соответственно, как результата биологических особенностей познавательной системы человека и его опыта взаимодействия с окружающим миром.

Очевидна аналогия между установками когнитивного направления и так называемым ономазиологическим направлением в отечественной лингвистике (Кубрякова 1978; Селиверстова, 1968; Фрумкина, 1989; Шабес, 1989 и др.). Семантические исследования, выполняемые в ономазиологическом ракурсе, имеют своим предметом не языковую единицу, а некий неязыковой класс денотатов, или, пользуясь терминологией когнитивной лингвистики, неязыковую категорию предметов. Ономазиологическое исследование рассматривает то, как данный класс денотатов может быть именован теми или иными языковыми единицами, т.е. исследование осуществляется в направлении от понятия к обозначающему его знаку.

В этом отношении ономазиологический подход противопоставляется семасиологическому подходу, исходным объектом изучения которого является значение отдельной языковой единицы, и текстоцентрическому подходу, при котором значение языковой единицы эксплицируется путем анализа ее вклада в значение предложения, в котором она присутствует (Медникова, 1974). В отличие от семасиологического и текстоцентрического подходов ономазиологическое направление уделяет особое внимание соотносительности языкового значения с денотатом, что предполагает четкое определение сущности денотата. В.Я.Шабес (1989) отмечает, что ономазиологическое исследование значения слова помещает в фокус внимания исследователя предмет или событие,

обозначаемые этим словом, благодаря чему исследованию подвергается не только содержательные элементы в значении слова, но и единицы невербальной информации. Создав модели как невербальных, так и текстовых единиц, исследователь получает возможность рассмотреть то, как некоторое неязыковое знание может быть вербализовано. При цели описания значения некой языковой единицы исследователь сначала определяет то, как ее значение соотносится с исследуемым классом денотатов, после чего семантические компоненты текстовой единицы формулируются в терминах невербальных единиц. Эти невербальные единицы часто оказываются заимствованными из понятийных языков лингвистических дисциплин.

Так, О.Н.Селиверстова (1968) в своей работе, посвященной анализу глаголов с общим смысловым компонентом "излучать свет", такими как *светить*, *блистать*, *мерцать*, рассмотрела возможности именованности этими глаголами соответствующего класса денотатов. Автор провела ряд экспериментов с этими денотатами при участии испытуемых-носителей языка. В ходе эксперимента денотат – свечение предмета – изменялся по своим физическим характеристикам, таким как частота, интенсивность излучения, расстояние и т.д. В результате проведенного исследования автор пришла к заключению, что значения этих глаголов могут быть представлены с помощью таких различительных компонентов как "контрастная смена освещенности сетчатки глаза", "периодичность изменения интенсивности излучения", "расстояние света", "четность деления на периоды". Р.М.Фрумкина (1989), исследуя семантику слов-цветообозначений русского языка, исходит из плана содержания, выбрав в качестве объекта исследования цветовой спектр и затем рассмотрев как его различные участки соотносятся со значениями исследуемых слов. Проведя критический анализ существующих исследований на эту тему, автор пришла к выводу о том, что семантику слов-цветообозначений нельзя адекватно описать в терминах семантических признаков, произвольно сформулированных исследователем. В качестве единиц описания семантики этих слов, автор выбрала неязыковые единицы – ассоциации у испытуемых-носителей языка между различными цветами, имеющие психологически обоснованный статус. Выяснив таким способом степень сходства/несходства между словами-цветоименованиями, автор представила их значения в виде матрицы, отражающей соотношенность слов-цветообозначений с цветовым спектром.

Таким образом, проводя соответствия между неязыковыми единицами информации, которыми оперирует человек воспринимая, осмысливая и организовывая в памяти свой опыт, и языковыми единицами, ономаσιологический подход "позволяет перейти от декларирования связи языка и мышления к интегрированному экспериментальному изучению диалектики конкретных форм их взаимодействия" (Шабес 1989: 14). Из изложенных положений ономаσιологического направления очевидно, что исследования, проводимые в его рамках, занимались теми же проблемами, что и западная когнитивная лингвистика, а именно вопросами о конкретных формах взаимосвязи между языком и другими видами когнитивной деятельности человека, а также о экстралингвистической соотнесенности языковых единиц.

Как было показано в этом разделе, теоретические установки, вытекающие из общего положения о необходимости изучать языковые явления в тесной взаимосвязи с исследованиями в других когнитивных науках, разрабатывались и разрабатываются независимо от сформировавшейся в западной лингвистике в конце 70-х годов когнитивной парадигмы. Поэтому когнитивное направление в лингвистике можно рассматривать не как отдельную теорию, разрабатываемую группой ученых, а как совокупность принципов, вытекающих из общего положения о необходимости совместить изучение языка с данными других когнитивных наук. В дальнейшем при изложении когнитивного подхода к изучению семантики пространственной лексики в качестве представителей когнитивного подхода будут рассматриваться исследования, опирающиеся на изложенные выше принципы когнитивного подхода, независимо от того, определяются ли эти работы как принадлежащие современной когнитивной парадигме или нет.

2. Неавтономность семантической системы

Одно из важнейших положений когнитивного направления о неавтономности языковой системы в применении к изучению семантики состоит в том, что семантические структуры, являясь феноменом психики, тесным образом связаны с концептуальными структурами, в значительной мере определяются ими, т.е. имеют под собой одинаковые с когнитивными структурами принципы организации, а семантические единицы в конечном счете сводимы к

невербальным единицам представления информации. Б.Хокинс так формулирует понимание термина "семантическая структура" в когнитивной лингвистике: "Семантические структуры характеризуются как концептуальные структуры, которые были конвенциональным образом реорганизованы ради цели языкового обозначения" (Hawkins, 1984: 42). Семантическая структура, по словам Е.С.Кубряковой, это "концепт, "схваченный знаком" (Кубрякова, 1996: 92). Семантические структуры, будучи отражением концептуальных, приобретаются человеком по тем же принципам, что и концептуальные, т.е. через взаимодействие организма с окружающей средой.

В этом отношении когнитивный подход к семантике противопоставляется положению генеративной (также называемой "хомскианской") лингвистики о том, что семантическая система языка независима от концептуальной системы, представляет собой отдельный модуль познания, имеющий свои собственные лингвистические единицы представления информации и правила их комбинации. В хомскианской лингвистике семантические единицы ("семантические маркеры"), будучи элементами самостоятельной системы, "необязательно сводимы к понятиям из физики, геометрии, биологии и т.д." (Bierwisch, 1967: 35). Поэтому они видятся как врожденные единицы, обуславливающие способность человека к владению языком. В противном случае, отмечает М.Бирвиш, невозможно объяснить то, что ребенок может усвоить семантическую структуру родного языка прежде, чем он начнет усваивать понятия из физики, геометрии и т.д. (там же: 35).

Рассмотрим приложение этих положений когнитивной и хомскианской лингвистики к семантическому анализу пространственной лексики.

Из когнитивистского положения о неавтономности семантических структур следует, что семантические компоненты пространственной лексики должны основываться на неязыковых (перцептивных) единицах представления пространственной информации, и обработка вербальной информации о пространстве происходит посредством тех же механизмов, которые используются и для обработки информации, поступающей через органы чувств. В частности, когнитивистами (см., например, Lakoff, 1987; Herskovits, 1986) выдвигается предположение, что понимание вербальной информации о пространстве имеет под собой те же когнитивные механизмы, что и пространственное воображение (т.е. способность человека решать пространственные задачи (spatial tasks), мысленно перемещая,

вращая, трансформируя предметы (см. Величковский, 1982; Kosslyn et al, 1992)). В работах когнитивных лингвистов и психологов приводятся следующие доводы в пользу этого предположения.

В.М.Величковский (1982) приводит ряд экспериментальных исследований, в которых проверялась возможность одновременной обработки вербальной и невербальной информации о пространстве. Испытуемые демонстрировали весьма плохую память о полученном описании в тех случаях, когда зрительный стимул сообщал об одной сцене, в то время как вербальное описание – о другой. В тех же случаях, когда и зрительная, и вербальная информация имели своим предметом одну и ту же сцену, испытуемые обнаруживали гораздо лучшую способность воспроизвести полученную информацию. При этом показатели, отражающие результаты проверки этой способности, были выше, чем в тех случаях, когда сцены описывались либо только вербально, либо только невербально. Это различие в показателях интерпретировалось как свидетельство того, что вербальный и невербальный типы информации могут легко объединяться друг с другом при одновременном их восприятии. Исследователями был сделан вывод, что для обработки вербальной информации о пространстве человек пользуется теми же когнитивными механизмами, что и при обработке зрительной информации.

Д.Уалтц (Waltz, 1981) приводит следующее наблюдение, подтверждающее то, что для интерпретации вербальной пространственной информации человек пользуется механизмами пространственного восприятия. Он рассматривает следующие примеры:

My dog bit the mailman's leg. (Моя собака укусила почтальона за ногу.)

My dachshund bit the mailman's ear. (Моя такса укусила почтальона за ухо.)

В то время как первое предложение нетрудно понять, отмечает Д.Уалтц, второе представляется неверным, поскольку адресату речи сложно визуально представить себе ситуацию, при которой такая маленькая собака как такса может укусить человека за ухо. Из этого Д.Уалтц заключает, что вербальный и невербальный типы информации о пространстве имеют один и тот же формат и обрабатываются одними и теми же механизмами.

Когнитивным направлением в лингвистике были обнаружены соответствия между отдельными особенностями организации перцептивной информации (т.е. информацией, полученной через органы чувств) и употреблением пространственной лексики.

Р.Джекендофф (Jackendoff, 1995) обращает внимание на следующие соответствия. В психологии восприятия простейшей формой интерпретации и организации перцептивной информации является деление воспринимаемого стимула на фигуру и фон (эти термины были введены в гештальтпсихологии и являются переводом на русский язык терминов *figure* и *ground*). Суть этого деления заключается в следующем: при восприятии любого дифференцированного поля одна из его частей инвариантно четко выделяется тем или иным способом; эта часть называется фигурой, а все остальное – фоном, или основой фигуры (см., например, Лузина, 1996). Для фигуры характерны следующие характеристики: плотность, определенность, обладание четкими контурами, маленькие размеры, подвижность, ситуационная выделенность. Для фона характерны бесформенность, неопределенность, меньшая очерченность, большие размеры, неподвижность, ситуационно составляет задний план (Величковский, 1982; Лузина, 1996). Деление воспринимаемой сцены на фигуру и фон отражает различие между новой и старой информацией (Johnson-Laird, 1983).

При описании пространственного положения предметов в некой сцене язык следует той же стратегии деления описываемой сцены на части – часть, которая локализуется, и часть, относительно которой локализуется первая. При этом в индоевропейских языках слово, обозначающее локализуемый предмет, является левым аргументом пространственного предлога; а слово, обозначающее предмет, относительно которого локализуется первый, является правым аргументом предлога. Выбор предметов, которые могут служить в качестве локализуемых, осуществляется по тем же принципам, что и выбор предмета как фигуры восприятия: локализуемый предмет почти всегда меньше предмета, относительно которого он локализуется (*велосипед около дома* – *дом около велосипеда), локализуемый предмет почти всегда подвижен или имеет большую способность менять свое положение (*велосипед у входа* – *вход у велосипеда), локализуемый предмет появляется в фокусе внимания позже (*Марья рядом с Иваном, Петр рядом с Марьей* – *Марья рядом с Иваном, Марья рядом с Петром; при том порядке описания пространственных отношений, который избран во втором примере, испытуемым сложнее объединить предметы в одну сцену (Johnson-Laird, 1983)). Поэтому в лингвистическом исследовании для обозначения денотата левого аргумента пространственного предлога используется термин "фигура", а для обозначения его правого аргумента – "фон". Эти закономерности выделения локализуемого предмета и

предмета, относительно которого производится локализация, по-видимому, являются универсальными для всех языков вообще (Dirven, Taylor, 1988) (подробнее о семантических понятиях "фигура" и "фон", см. раздел 8.1 этой главы).

Р.Джекендофф (Jackendoff, 1995) проводит аналогию между представлением пространственных проективных отношений между предметами в языке и в невербальном формате перцептивной информации. При невербальном представлении пространственной соположенности предметов фигура локализуется на одной из трех так называемых проективных осей фона – вертикальной (верх-низ), фронтальной (перед-зад) и латеральной (лево-право). Локализация предметов на этих трех осях в невербальном формате обусловлена особенностями человеческой биологии (Bryant, 1992; Vandeloise, 1986). Выделение вертикальной оси, образуемой осью земного притяжения, является жизненно важным для всех живых организмов. Выделение фронтальной оси обусловлено тем фактом, что у человека органы восприятия находятся главным образом на передней стороне тела и перемещается человек также двигаясь этой стороной вперед. Поэтому для него важно различения переды как области, доступной для восприятия, контроля и быстрого перемещения, и зады как наименее доступной в этих отношениях области пространства. Латеральная ось наименее значительна из этих трех осей, редко используется для локализации предметов и выделяется, по-видимому, для симметричного деления пространства относительно человеческого тела. Р.Джекендофф, отмечает, что для языка характерно выделение тех же самых трех осей локализации предметов – вертикальной, фронтальной и латеральной. Обозначение положения фигуры на одной из проективных осей фона осуществляется в языке с помощью предлогов типа *над*, *перед*, *слева*, которые обычно называются проективными (Jackendoff, 1983; 1995; Bowerman, 1996 и др., подробнее о проективных пространственных отношениях, обозначаемых предлогами, см. раздел 8.4 этой главы).

Другим сходством в стратегии структурирования пространства между языковым и неязыковым форматами представления информации о нем является различные системы координат описания положения предметов (*frames of reference*). Исследования в когнитивной психологии показали, что человек на разных стадиях ознакомления с некой областью пространства и в дальнейшем в зависимости от задач, стоящих перед ним, фиксирует

положение отдельного предмета либо в эгоцентричной (относительно своего тела), либо в относительной (относительно других предметов), либо в абсолютной (относительно неких неизменных ориентиров) системе координат (Bryant, 1992; Carlson-Radvansky, Irwin, 1993; 1994; Величковский, Блинникова, Лапин, 1986). Те же системы координат описания положения предметов характерны и для языка. Это проявляется, в частности, в том, что отдельные пространственные предлоги могут употребляться при описании положения предметов лишь в одних, но не других системах координат (Яковлева, 1990; Селиверстова, Маляр, 1998; Carlson-Radvansky, Irwin, 1993; 1994; Coventry, 1998, подробнее об этих семантических понятиях, см. раздел 8.4 этой главы).

Из наблюдений, изложенных в работах Л.Галми, Р.Джекендоффа и др. очевидно, что языковое и невербальное представления информации о пространстве имеют между собой значительные сходства. В частности, и языковой, и невербальный форматы, используют одинаковые понятия, такие как "фигура", "фон", "проективные оси", "системы координат". Очевидно, что эти наблюдения следует рассматривать как доказательство того, что семантические структуры пространственной лексики не независимы от концептуальных структур, они строятся из единиц концептуальных структур.

Рассмотрим, как реализуются описанные выше установки хомскианской лингвистики и когнитивного подхода в анализе семантики конкретных лексических единиц. М.Бирвиш (Bierwisch, 1967) в своем исследовании семантики немецких пространственных прилагательных опирается на положение учения Н.Хомского о независимости семантических структур от концептуальных. В соответствии с этим, критерием адекватности своего исследования М.Бирвиш считает такое представление значений прилагательных, при котором они описываются в терминах далее неделимых семантических компонентов, которые поэтому имеют статус универсальных и врожденных единиц значения.

Так, анализируя значения прилагательных *hoch* (высокий) и *lang* (длинный), М.Бирвиш не обращается к их экстралингвистической соотносительности и рассматривает их в первую очередь с точки зрения их лексической сочетаемости. На основании проведенного анализа сочетаемости слов автор представляет значения этих слов в терминах двух понятий – относительных размеров и перпендикулярности. Затем он рассматривает их сочетаемостные особенности, которые не могут быть объяснены с помощью этих понятий. Он отмечает, что

и *hoch*, и *lang* могут сочетаться с *Stange* (шест), но только *lang* – с *Zigarette* (сигарета). Такую сочетаемость этих прилагательных М.Бирвиш объясняет особенностью значений существительных *Stange* и *Zigarette* и соответственно вынужден приписать специальные семантические маркеры к этим существительным.

Анализ значений этих прилагательных с когнитивистской точки зрения предлагают Р.Дирвен и Дж.Тэйлор (Dirven, Taylor, 1988), основываясь на положении о том, что семантические компоненты не обязательно врожденные, а могут являться отражением концептов (т.е. "единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека" (Кубрякова, 1996: 90), сформировавшихся у человека в ходе его взаимодействия с окружающим его пространством. В своей работе авторы пользуются такими понятиями, как "вертикальная ось" и "каноническая позиция". Термин "каноническая позиция" означает наиболее типичное положение предметов в ходе взаимодействия человека с ними. Авторы подчеркивают особое значение понятия "вертикальность", поскольку его учет является чрезвычайно важным при взаимодействии человека с предметами. С помощью этих понятий авторы объясняют сочетаемость *hoch* и *lang* с *Stange* и *Zigarette* следующим образом. Сочетания *eine hohe Stange* (длинный шест) и *eine lange Stange* (высокий шест) возможны, в зависимости от того, как человек в данный момент использует этот шест – в его вертикальном или горизонтальном положении. Сказать же **eine hohe Zigarette* (высокая сигарета) нельзя, поскольку ни в каких ситуациях человек не пользуется сигаретой, установленной в вертикальное положение.

Из изложенного выше можно сделать вывод, что при установке на выявление чисто лингвистических, независимых от неязыковой деятельности человека семантических компонентов вне фокуса внимания исследования остается большой объем особенностей значения пространственных лексических единиц. Напротив, обращение к тому, как языковая единица соотносится с неязыковыми единицами представления информации о пространстве, позволяет достичь адекватного представления ее семантики и предсказать условия ее употребления к широкому кругу денотативных ситуаций.

3. Экспериментальный характер языкового значения

Из положения когнитивной лингвистики о том, что семантические структуры имеют своей основой концептуальные структуры, следует, что первые имеют под собой те же самые принципы организации, что и вторые. Из этого в свою очередь вытекает один из центральных тезисов когнитивной лингвистики о том, что семантические структуры в конечном итоге являются "следствием существования специфичных для человека биологических способностей и опыта его выживания в конкретной физической и социальной среде" (Lakoff, 1987: 12). В этом плане когнитивное направление диаметрально противопоставляется философской и лингвистической традиции представления о модулярном характере сознания (Fodor, 1993; Chomsky, 1980; Pinker, 1994), в соответствии с которой концепты, а в применении к языку и языковые значения, существуют независимо от телесного опыта человека.

Таким образом, когнитивное направление защищает положение о том, что семантические структуры имеют во многом субъективный характер, т.е. не соотносятся напрямую с реальным миром, и экспериментальны, т.е. являются отражением того, как человек взаимодействует с ним. Соответственно, семантические структуры несут на себе особенности понимания мира, которые типичны для человека, во-первых, как биологического вида, живущего в определенной экологической среде, во-вторых, как представителя определенной культурной среды и в-третьих, как отдельного индивида. Эти особенности, однако, свойственны в полной мере не всем семантическим структурам, а лишь отражающим концепты "базового уровня".

3.1. Пространственные лексемы как отражение концептов базового уровня

Рассматривая организацию концептуальной системы, Дж.Лакофф (Lakoff, 1987), вслед за когнитивным психологом Э.Росч (Rosch, 1976), выделяет ее "базовый уровень" (basic level). Концептам этого уровня свойственны следующие характеристики. Базовые концепты являются "функционально и эпистемологически первичными" по отношению к более конкретным и более абстрактным, т.е. усваиваются человеком и начинают использоваться

им как правило раньше, чем более конкретных и более абстрактных. Например, "стол" является более базовым концептом, чем "мебель" и "журнальный столик", "пальто" – более базовым, чем "одежда" и "дождевик". Базовые концепты совершенно необходимы человеку для элементарного повседневного взаимодействия с окружающей его средой. Дж.Лакофф отмечает, что базовые концепты, в отличие от более конкретных и более абстрактных, представляют собой наиболее адекватное отражение предметов реального мира. Базовые концепты усваиваются не сознательно, а через телесный опыт и в дальнейшем используются автоматически. Соответственно, отмечает Дж.Лакофф, базовые концепты имеют важный психологический статус. Посредством различного рода трансформаций концептов базового уровня формируются концепты более абстрактного и более конкретного уровней. Одной из особенностей базовых концептов является то, что они "легко находят языковое выражение", т.е. почти всегда лексикализируются в значениях отдельных слов; слова эти, как правило, представляют собой простейшие по своей форме слова, состоящие из одной-двух морфем.

В отличие от концептов более абстрактного и более конкретного уровней концепты базового уровня состоят из атрибутов, которые Дж.Лакофф называет "аттрибутами взаимодействия" (*interactional properties*). Они не являются объективно наличествующими качествами предметов, а некими действиями и движениями, ассоциированными с этими предметами. По отношению к объектам более абстрактного уровня таких действий не существует. Что касается более конкретного уровня, то с концептами этого уровня ассоциируются какие-либо действия, отличные от действий, свойственных базовым концептам. Так, например, важнейшим для базового концепта "стол", отмечает Дж.Лакофф, является атрибут взаимодействия "you eat on it" ("за ним едят"), отражающий способ взаимодействия человека с этим предметом. Базовые концепты, таким образом, "подгоняются под человека" ("are human-sized"), т.е. объяснимы только в терминах того, как человек взаимодействует с предметами в своем повседневном опыте. Необходимо подчеркнуть, что это взаимодействие несет в себе не только общечеловеческие характеристики, но характеристики, специфичные для отдельной культуры. Так, Л.Талми (Talmy, 1983: 268) замечает, что стол в индейском языке атцугеви концептуализируется не как поверхность, а как объем. Это, по-видимому, отражает тот факт, что носители этой

культуры не взаимодействуют со столами как с поверхностями; столы для них – трехмерные предметы.

Лингвистами, работающими в когнитивной парадигме (см., например, Jackendoff, 1995), высказывается предположение, что пространственная лексика является отражением базовых пространственных концептов. Действительно, пространственная лексика является одной из тех областей лексикона, которые усваиваются на самых ранних этапах овладения языком (Харченко, 1987; Bowerman, 1996a; 1996b; Mandler, 1996; 2000). Пространственные лексемы усваиваются ребенком не путем сознательных усилий, а через опыт взаимодействия с пространством, соответственно и в дальнейшем они используются автоматически. Владея пространственными лексемами, человек имеет возможность обмениваться информацией о пространстве с другими людьми так, что впоследствии эта информация используется для эффективной ориентации в этом пространстве, что говорит о том, что пространственные лексемы отражают самые необходимые человеку пространственные концепты.

Пространственные значения очень часто являются основанием для метафорического переноса. Об этом свидетельствует тот факт, что пространственные концепты, принадлежа к базовому уровню, являются основанием для метафорического осмысления более абстрактных сущностей (Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987; Lakoff, 1992; Cuycens, 1997). Как, например, отмечают Дж.Лакофф и М.Джонсон (Lakoff, Johnson, 1980: 19), оппозиция пространственных отношений "верх-низ" лежит в основе таких стратегий осуществления метафорических переносов, как MORE IS UP ("больше значит выше"), HAPPY IS UP ("радостней значит выше"), RATIONAL IS UP ("рациональней значит выше"), что, по их мнению, говорит о том, что соответствующие концепты усваиваются путем метафорического переосмысления пространственных концептов "верх" и "низ".

Наконец, пространственные лексемы представляют собой одни из самых коротких слов естественных языков (Cienki, 1989), что является еще одним критерием для определения значения слова как отражающего некий базовый концепт.

Таким образом, допуская, что значения пространственных лексем отражают базовые пространственные концепты, логично будет ожидать, что они несут на себе экспериенциальные характеристики, т.е. отражающие способы взаимодействия человека с окружающей его средой.

3.2 Экспериментальные характеристики пространственных лексем

Рассмотрим более подробно, как значения пространственных лексем соотносятся с базовыми пространственными концептами. Исследования когнитивных лингвистов семантики пространственной лексики выявили, что для нее свойственны те же самые ее экспериментальные характеристики, что и базовым пространственным концептам. Биологические особенности концептуализации пространственных отношений отражают способы взаимодействия с пространством, которые характерны для человека как для биологического вида (см. раздел 3.2.1 этой главы). Лингвокультурные характеристики отражают способы взаимодействия человека с предметами, типичные для него как для представителя определенной культуры (см. раздел 3.2.2). Существуют также и семантические характеристики пространственных лексем, отражающие способы взаимодействия со средой, которые варьируются в зависимости от конкретных ситуаций. Они могут быть специфичны для отдельных индивидов, а также специфичны для конкретных физических и социальных ситуаций (см. раздел 3.2.3).

3.2.1. Биологические характеристики

Р.Джекендофф (Jackendoff, 1995) утверждает, что в языке отражаются одни, но не другие пространственные концепты именно потому, что эти концепты релевантны для человека как для биологического вида. Невозможно предположить, отмечает он, что в некоем языке существуют пространственные предлоги, обозначающие "движение по поверхности предмета вдоль его выступающей части" или "движение внутри сигарообразного объекта". Эти гипотетические концепты могут быть необходимы для взаимодействия с окружающей средой неким насекомым, но они совершенно нерелевантны для человека.

Как было показано в разделе 1.2, выделение языком трех проективных осей "верх-низ", "перед-зад", "лево-право" для описания пространственной соположенности предметов обусловлено биологическими факторами, такими как восприятие силы земного притяжения (что формирует вертикальную ось) и расположение органов чувств у человека

преимущественно на фронтальной части его тела, а также способом его перемещения в пространстве (что формирует фронтальную ось). Далее, описание пространственных сцен с помощью предлогов, открывающих при себе, как правило, две аргументные позиции, является отражением того факта, что в любом акте восприятия поступающий стимул анализируется в терминах фигуры и фона.

3.2.2. Лингвокультурные характеристики

Другой особенностью пространственной семантики, на которую обращается особое внимание когнитивных лингвистов, является ее культурная специфика. Для обозначения культурного компонента семантики Л.Талми (Talmy, 1983) ввел термин "лингвокультурный предвыбор" (pre-selecting). Этот термин обозначает те процессы, влияющие на выбор предлога для обозначения некоего пространственного отношения, которые не зависят ни от семантики предлога, ни от объективно наличествующих особенностей денотата, ни от коммуникативных целей высказывания, а от лингвистических и/или культурных особенностей концептуализации денотата. Л.Талми (Talmy, 1983: 267-269) обращает внимание на то, что в англоязычной культуре автомобили концептуализируются как объемы (*a driver gets into or out of a car*), а автобусы – как плоскости (*people get onto or off of a bus*). В то же время в немецкоязычной культуре как автомобили, так и автобусы концептуализируются как объемы. Та же особенность употребления пространственных предлогов была ранее замечена О.Н.Селиверстовой (1975: 11), обратившей внимание на то, что такие предметы как небо, картины, деревья в англоязычной культуре осмысливаются как объемы (*in the sky, in the picture, in the tree*), а в русскоязычной – как плоскости (*на небе, на картине, на дереве*).

Ряд сопоставительных исследований (Булыгина, Шмелев, 1997; Voers, 1996; Bowerman, 1996a; Sinha et al, 1994; Pederson et al, 1998) выявили, что различным языкам свойственны особые стратегии концептуализации одних и тех же пространственных сцен, эти стратегии регулярно отражаются в семантике самых различных частей речи – глаголах, прилагательных, предлогах и т.д. М.Бауерман показала, что разные языки "чувствительны" к различным пространственным отношениям: корейский, в отличие от многих

индоевропейских языков, фиксирует понятия "свободная фиксация одного предмета по отношению к другому" и "плотная фиксация", игнорируя топологические понятия "совпадение", "заключение" и т.д, свойственные, в частности, западноевропейским языкам. Немецкий и голландский, в отличие от английского и русского, различают "контакт с вертикальной плоскостью" (*an* и *aan*) и "контакт с горизонтальной плоскостью" (*auf* и *op*) (ср. рус. *на* и англ. *on* для обоих случаев). Японский язык, в отличие от английского и русского, не различает "вертикальная соположенность, контакт" (рус. *на* и англ. *on*) и "вертикальная соположенность, отсутствие контакта" (рус. *над* и англ. *over, above*). Е.Э.Гербек (1997) отмечает, что в испанском языке редко проводится различие между понятиями "контакт" и "заключение", что характерно для других индоевропейских языков. Для описания обоих из типов пространственных отношений употребляется предлог *en*, и лишь тогда, когда надо специально подчеркнуть различие между ними употребляются предлоги с более специфичной семантикой.

Влияние лингвокультурной специфики концептуализации пространственных отношений может быть настолько велико, что они могут влиять на выделение фигуры и фона в описываемой сцене. Так, при описании того, что руки у кого-то испачканы краской, носитель английского языка определит краску как фигуру, а руки – как фон пространственного отношения между ними: *the paint all over my hands*. Голландский и русский языки, напротив, определяют руки как фигуру, а краску – как фон: голл. *mijn handen onder de verf* (досл. "мои руки под краской", пример из (Bowerman, 1996a)), рус. *мои руки в краске*.

Наконец, как отмечает М.Бауерман, то, что в одном языке считается пространственным отношением, в другом таковым может не считаться: отношения, передаваемые английскими предлогами *on, in, around* в *glue on scissors, a crack in the cup, a ribbon around the candle* в испанском языке передаются с помощью глагола *tener* ("иметь"). Т.Н.Маляр и О.Н.Селиверстова (1998) обратили внимание на то, что ряд пространственных сцен в русском языке, в отличие от английского, не концептуализируются как отношения между предметами: ср. англ. *Her hair was cropped close to her head.* – русс. *коротко стриженные волосы*.

Необходимо отметить, что конкретные причины существования лингвокультурных особенностей концептуализации пространства еще не до конца определены (Talmy, 1983: 269). Очевидно, что часть этих особенностей отражает культурные особенности способов взаимодействия с предметами. Так, например, можно предположить, что носители некой культуры, где такие предметы как сигареты неизвестны, вполне могут концептуализировать их как вертикально ориентированные предметы по аналогии с другими предметами подобной формы (например, шестами). Сопоставительные исследования Э.Педерсона и его коллег (Pederson et al, 1998) показали, что в некоторых языках существуют соответствия между особенностями лексикализации пространственных концептов с такой фундаментальной неязыковой стратегией ориентации в пространстве как выбор системы координат. Проведя ряд лингвистических экспериментов с испытуемыми, Э.Педерсон и его коллеги обнаружили, что для носителей тех языков, где пространственные отношения описываются в абсолютной системе координат (например, относительно сторон света), характерно использовать абсолютную систему координат и в своей неязыковой деятельности в пространстве.

В то же время, очевидно, что часть лингвокультурных особенностей концептуализации пространства может быть конвенциональна (Talmy, 1983), т.е. не быть обусловлена неязыковыми факторами.

3.2.3. Индивидуальные и ситуационные характеристики

В семантике пространственных лексем обнаруживаются также и характеристики, отражающие конкретные способы взаимодействия человека с окружающей средой, а также отражающие восприятие человеком возможностей для взаимодействия предметов окружающей среды друг с другом.

Ю.Д.Апресян (1974), рассматривая понятие "норма", отмечает, что норма варьируется между отдельными индивидами и отдельными ситуациями. Так, одно и то же расстояние, например расстояние от дома до магазина, может быть названо далеким пенсионеркой, но близким – двенадцатилетним ребенком.

Ли Тоан Тханг (1990) отмечает, что выбор каждого из элементов пары пространственных дейктиков типа *здесь-там*, *этот-тот*, *вон-вот* определяется не физической, а психологической близостью. Под психологической близостью, он, очевидно, понимает концептуализацию возможности взаимодействовать с тем или иным участком пространства. Автор приводит следующий пример. Ребенок, играет в комнате, где работает отец, и шумит, чем мешает работать отцу. Отец говорит ребенку: "Иди играй там!", подразумевая, что "там" – это такое пространство, где ребенок не сможет мешать ему работать. Таким образом, пространственные дейктики обозначают ту область в пространстве, которая выделяется не на основе ее геометрических характеристик, а которая определяется необходимостью для успешного осуществления человеком своей актуальной в этот момент деятельности. Такая же особенность значения свойственна и т.н. дейктическим глаголам английского языка *to come* и *to go*, которые отражают фокусирование внимания на начальной или конечной области движения, также определяемых деятельностью, осуществляемой в этих областях (Radden, 1989; 1996).

Обозначение такой области пространства свойственно и предлогам. Для обозначения такой области Дж.Миллер и Ф.Джонсон-Лэйрд (Miller, Johnson-Laird, 1976) вводят понятие "регион" (region), которое они применяют для описания семантики английского предлога *at*: регион – это такая область пространства, где фигура "может социально, физически и любым другим конвенциональным способом взаимодействовать" с фоном. Авторы, критикуя семантическое описание этого предлога в работах Д.Беннетта (Bennett, 1975), Дж.Купера (Cooper, 1968) и Дж.Лича (Leech, 1969), отмечают, что употребление предлога *at* не может быть предсказано с помощью таких чисто пространственных понятий как "совпадение" (contiguity), "противопоставление" (juxtaposition), "различия в размерах". Авторы приводят следующие примеры. Так, употребление *at* неприемлемо в **The chair is at the ocean liner*, **Bill is at Australia*, где денотативная ситуация вполне соответствует этим понятиям. Употребление *at* приемлемо в *Ann is at Beryl* (допуская, что один человек – врач, а другой – больной), хотя между пространственно соотносимыми предметами нет существенных различий в размерах. Авторы объясняют употребление предлога в этих трех примерах с помощью понятия "регион". Первые два примера неприемлемы, поскольку два соотносимых предмета не могут взаимодействовать друг с другом. Третий пример приемлем, поскольку,

допустив, что предложение описывает врача и больного, предлог *at* сообщает о нахождении врача и пациента в регионе, что позволяет врачу оказывать воздействие на своего пациента.

Способы взаимодействия с предметами отражаются в семантике и других пространственных лексем. Так, И.Г.Рузин (1994) обратил внимание на то, что употребление прилагательных *узкий* и *широкий* определяется не геометрическими характеристиками, такими как соотношение перпендикулярных измерений предметов, а потенциальной возможностью прохождения некоего второго предмета вдоль одного из измерений первого. Автор замечает, что мост размерами 3х2 метра может быть назван узким, если рассматривать его в контексте возможности для грузовика проехать по нему и если измерение грузовика, перпендикулярно направлению его движения, будет больше 3 метров (см. также анализ семантики английских слов *length* и *width* в работе К.Ванделуаза (Vandeloise, 1988)).

Такие характеристики предметов как "перед" и "зад" также не являются геометрическими характеристиками. В.Левелт (1996) отмечает, что не существует никаких зрительных характеристик, которые определяют переднюю сторону у стула или у письменного стола; эти характеристики "функциональны, они выведены из наших типичных способов использования этих предметов" (Levelt, 1996: 77). Дж.О'Киф (O'Keefe, 1996: 299) замечает, что передние и задние стороны у одних и тех же предметов могут выделяться по-разному в зависимости от направления движения предметов: *The car careered backward down the hill, scattering pedestrians in front of it and leaving a trail of destruction behind it.* (Автомобиль покатылся задом с горы, распугивая пешеходов перед собой и оставляя за собой поломанные предметы). Это предложение, следует, очевидно, также рассматривать как пример отражения в пространственной семантике того факта, что способы взаимодействия с пространством влияют на его концептуализацию, поскольку движение предметов является одним из факторов, которые необходимо учитывать человеку для успешного выживания в пространстве.

Наконец, ряд исследований также выявили то, что в семантике пространственных предлогов присутствуют семантические компоненты, соответствующие информации о некоем социальном взаимодействии между предметами денотативной ситуации. Так, например, О.Н.Селиверстова и Т.Н.Маляр (1998), показали, что семантике русского предлога *возле* свойственен такой компонент как "комплексное чувство любви-жалости-сострадания": *A*

лошадь – печально стоит, часы, возле мертвого хозяина (ср. ... печально стоит ... около мертвого хозяина.). *Она стояла на коленях возле постели умирающего сына.* (ср. на коленях около постели умирающего сына.). Автор отмечает, что большинство опрошенных информантов оценили предлог *возле* как более предпочтительный в этих контекстах. С другой стороны, продолжает она, предлог *возле* не употребляется в случаях, связанных с официальными и/или профессиональными отношениями между фигурой и фоном: *На конференции около Сталина сидели Молотов и Вышинский (*возле Сталина).*

Таким образом, семантика пространственных лексем несет в себе компоненты, отражающие специфические способы взаимодействия человека с описываемыми предметами, а также взаимодействия между описываемыми предметами, возникающими в различных физических (например, движение предметов, прохождение одного предмета через другой и т.д.) и социальных ситуациях.

3.3. Критика семантического описания в терминах перцептивных характеристик

Рассмотрим теперь какие преимущества предлагает учет экспериенциальных характеристик для семантического представления пространственных лексем, имеющего целью предсказать их употребление во всех вновь возникающих денотативных ситуациях.

В своем семантическом анализе лексемы "стол" Дж.Миллер и Ф.Джонсон-Лэйрд (Miller, Johnson-Laird, 1976) показали большую громоздкость и принципиальную неспособность предсказать употребление тех семантических моделей этой лексемы, которые описывают ее значение исключительно в терминах перцептивных характеристик (т.е. в терминах признаков, различаемых органами восприятия), таких как "твердый", "связанный", "плоская поверхность", "части, присоединяемые к плоской поверхности", "ориентация поверхности по отношению к полу" и т.д.). Такие признаки должны быть весьма специфицированными и указывать на конкретную величину ножек, конкретную твердость поверхности стола и ножек и т.д. С другой стороны, отмечают авторы, большая конкретность семантического описания не позволяет объяснить, как предметы с различающимися перцептивными характеристиками могут быть именованы с помощью лексемы "стол".

Так, существуют типы столов, как например, бильярдные столы, чертежные столы, операционные столы, столы для бриджа, столы в залах заседаний и т.д., которые имеют весьма различные перцептивные характеристики. Это значит, что для того, чтобы предсказать употребление лексемы "стол" для обозначения этих предметов в ее семантическое описание следует включить списки перцептивных характеристик всех типов столов. Наконец, существуют такие типы столов, которые имеют очень мало общих перцептивных атрибутов с типичными столами. Например, существуют столы, присоединяемые к стене с помощью скоб, у которых таким образом отсутствуют ножки.

Авторы выступают за включение в семантическое описание характеристик, отражающих "функцию" стола, т.е. того, как человек использует этот предмет. Авторы вводят понятие "рабочая поверхность" (worktop), обозначающее плоскость, "поддерживающую различные небольшого размера предметы необходимые в ходе этих видов деятельности (т.е. работы или питания – В.П.)" (Miller, Johnson-Laird, 1976:229). Авторы утверждают, что определение лексемы "стол" через понятие "рабочая поверхность" позволяет выяснить то, как должны выглядеть столы, т.е. какие перцептивные характеристики они должны иметь: крышка стола должна быть горизонтально ориентирована, чтобы объекты, помещаемые на рабочую поверхность не могли с нее скатиться; крышка должна иметь должную плотность; крышка должна располагаться на удобной для человека высоте от пола и т.д. Авторы подчеркивают, что под определение через функциональные характеристики попадают все из описанных выше типов столов, такое определение более экономично. Авторы делают вывод, что "функция – по крайней мере для артефактов (т.е. предметов, созданных человеком – В.П.) – является более важной для формулировки определения, чем форма" (там же).

Дж.Миллер и Ф.Джонсон-Лэйрд, однако, высказывают мысль, что невозможно описать категорию неких артефактов, такую как "стол", исключительно в терминах функциональных характеристик. Само понятие "рабочая поверхность" несет в себе отдельные перцептивные характеристики, такие как "плоская поверхность", "горизонтально ориентированная". Авторы заключают, что семантическое описание лексемы стол должно объединять как функциональные, так и перцептивные характеристики.

Подобные выводы были сделаны и У.Лабовом (Лабов, 1983), исследовавшим семантику слов, обозначающих предметы кухонной посуды. Его исследование показало, что демонстрация испытуемым того, как используется предмет (из него пьется некий напиток, в нем содержится картофельное пюре или цветы и т.д.), в значительной степени определяло то, какой лексемой этот предмет будет обозначен.

На сложности семантического описания пространственных предлогов в терминах характеристик, реально наличествующих у предметов и у описываемых сцен, обратила внимание А.Герсковитс (Herskovits, 1986; 1988).

В работах, выполняемых в рамках структуралистской парадигмы (Cooper, 1968; Leech, 1969; Bennett, 1975; Кибрик, 1973), исследованию подвергался прежде всего "интралингвистический" аспект значения пространственных лексем. Поэтому этими исследованиями рассматривались только самые репрезентативные случаи их употребления, в результате чего установилась точка зрения, что пространственная семантика может быть описана в терминах геометрических и топологических понятий, таких как, "точка", "линия", "плоскость", "включение", "контакт", "совпадение" и т.д. А.Герсковитс указала на неадекватность такого представления значения предлогов критерию предсказательности, т.е. критерию способности семантической модели предсказать употребительность предлога во всех возможных денотативных ситуациях (см. раздел 2.3). При попытках создания семантических моделей, отвечающих критерию предсказательности исследователь встречается с "семантической пластичностью" пространственных предлогов (Herskovits, 1986): то, что интуитивно воспринимается как отдельное значение предлога, в действительности может описывать настолько различные денотаты, что невозможно получить репрезентацию значения, которая, с одной стороны, была бы достаточно абстрактной, чтобы охватывать все особенности употребления предлога, и, с другой стороны, была бы достаточно конкретной, чтобы данное значение можно было отличить от значений других предлогов. Тем не менее, суждения носителей языка об употребительности/неупотребительности предлога в том или ином контексте всегда "ускользающе аккуратны" (там же: 15), т.е. демонстрируют единогласие в тех многочисленных случаях, которые являются исключениями из очевидных для наивного языкового сознания правил употребления предлогов.

Рассмотрим, например, значение английского предлога *in*. Следующие примеры иллюстрируют невозможность правильно предсказать его употребление с помощью топологического понятия "включение" ("замыкание").

Предлог *in* полностью приемлем в предложениях *a bird in a cage* и *a train in a tunnel*. Описываемые в этих примерах предметы клетка и туннель, выступающие в роли фона (предмета, относительно которого локализуется другой предмет – фигура) не включают в буквальном смысле в себя некие объемы – клетка и туннель имеют нарушения в своих физических границах. Можно предположить, что значение *in* имеет особенность, отличающую его от топологического понятия "включение" и заключающуюся в том, что этот предлог может описывать и предметы, которые не включают в себя объемы, а лишь как бы намечают их. Существует, однако, запрет на употребление *in* с некоторыми предметами, подобным образом намечающими области положения фигуры: **a man stands in balcony*, **a match takes place in a stadium*. Балкон и стадион ограничивают некие объемы пространства, внутри которых находятся локализуемые предметы, однако предлог *in* здесь неупотребим.

"Включение" как значение *in*, в отличие от соответствующего топологического понятия, может быть частичным: *flowers in a vase*, *a spoon in a cup*, *a key in a keyhole*. Однако неясно, насколько фигура должна быть включена в фон для того, чтобы позволить употребление *in*. Во многих случаях включенная часть фигуры может быть как большей, так и меньшей ее частью: *a stick in a hand*, *a nail in a plank*, *an animal in a trap*, *a mouse in the jaws of a cat*, *a nail in tongs*. Тем не менее, здесь есть исключения: нельзя сказать **a bottle in a cap*, **a finger in a ring* или **a parcel in a rope*.

Наконец, *in* может описывать и такое взаиморасположение предметов, где пространственное отношение "включение" отсутствует вовсе: *a man in the field*, *a cub in a circle*, *a ball in the penalty area*, *an oasis in the desert*, *a foot in a stirrup*. И наоборот, пространственное отношение "включение" может присутствовать, но предлог *in* не может быть употреблен: **a cork in a bottle*, **a potato in a bowl* (о перевернутой чашке, накрывающей картофелину).

Как видно из рассмотренных особенностей употребления *in*, значение этого предлога едва ли может быть адекватно описано с помощью математических понятий. В этом случае обнаруживаются исключения, зависящие от концептуальной информации о конкретных

предметах и даже о конкретных ситуациях. Очевидно, что при выборе предлога для описания данной пространственной сцены говорящий руководствуется не только ее геометрическими, но и функциональными характеристиками. Так, например, К.Ковентри (Coventry, 1998; Coventry, Charmichael, Garrod, 1994), предлагает определение значения предлога *in* через понятие "функционального контроля", при котором "положение фигуры контролируется положением фона" (Coventry, Charmichael, Garrod, 1994: 291). Это определение, в частности, позволяет предсказать употребление этого предлога, независимо от того, какая – объективно большая или меньшая – часть фигуры заключена в фон; "намечает" ли фон ту область пространства, в которой находится фигура, или нет. Так, понятие "функциональный контроль" объясняет, почему *in* употребим в примерах *a stick in a hand, an animal in a trap, a mouse in the jaws of a cat* – во всех из этих случаев фон (*stick, animal, mouse*) зафиксирован фигурой (*hand, trap, jaws of a cat*) и его положение зависит от положения фигуры. С другой стороны *in* неупотребим в примерах **a bottle in a cap, *a finger in a ring*, поскольку в этих случаях положение фигуры не определяется положением фона, а скорее наоборот: перемещая бутылку, мы перемещаем вместе с ней и крышку на ней, а перемещая руку, мы перемещаем и кольцо на ней.

Таким образом, семантические модели пространственных лексем, как обозначающих артефакты, так и пространственные отношения между ними, не могут быть охарактеризованы исключительно в терминах характеристик, объективно наличествующих в денотативных сценах. Семантические модели пространственной лексики должны учитывать те характеристики значения, которые отражают способы взаимодействия человека с окружающей средой, а также виды взаимодействия предметов друг с другом.

4. Энциклопедическое и словарное определения лексического значения

Из положения когнитивной лингвистики о том, что семантические структуры имеют своим основанием концептуальные, следует, что семантическая информация, закрепленная за языковой единицей, является "энциклопедической", т.е. неотъемлемой частью широких пластов неязыковых знаний. Значение языковой единицы, таким образом, определяется не только самой системой языка, но и опытом человека выживания в окружающем его мире.

В этом отношении когнитивный подход к семантике противопоставлен "классическому" подходу, который строится на точке зрения, что существует некий автономный лингвистический уровень представления информации, независимый от концептуальных структур и соответственно определение значения некоторого слова может быть дано в терминах особых лингвистических единиц, без обращения к концептуальной системе в целом. Представление языкового значения с этих позиций, противопоставленное "энциклопедическому", часто называется "словарным" (Cuyskens, 1993).

Довод "классического" подхода против энциклопедического представления значения заключается в том, что при включении в рассмотрение информации якобы нелингвистического характера язык перестает быть предметом семантического исследования; используя при описании значения данные нелингвистических дисциплин, исследователь переходит границу между лингвистикой и другими науками и описывает неязыковые сущности. Представители когнитивной лингвистики, однако, настаивают на различии научного описания некоего явления и наивного представления о нем (Miller, Johnson-Laird, 1976: 235). При энциклопедическом описании значения исследователь не дает научное или экспертное описание явления, являющегося обозначаемым слова, как это делается в нелингвистических дисциплинах. Энциклопедическое представление значения позволяет раскрыть связь языкового значения с наивным (антропоморфным) представлением человека о мире, вовсе необязательно являющимся экспертным.

В применении к анализу семантики конкретных лексических единиц эти установки обуславливают характер используемого понятийного языка описания, а именно степень конкретизированности используемых семантических понятий, а также их число.

"Классический" подход часто исключает из предмета своего изучения внеязыковую соотнесенность слова. Изучению подвергаются лишь внутриязыковые аспекты семантики, такие как внутриязыковые семантические отношения слова, а также роль семантики конкретного слова в синтаксической организации предложения. Поэтому сторонниками этого подхода предполагается, что для этих целей лексическое значение может быть описано через ограниченное число весьма абстрактных семантических понятий. Преимущество такого представления значения видится в экономичности получаемых семантических описаний, а также в возможности представить семантику слова в структурированном виде.

Когнитивный подход, напротив, обращает особое внимание на денотативную соотнесенность значения слова, детально рассматривая признаки денотатов, закрепленные в его значении. Выделение ограниченного числа абстрактных семантических компонентов, по мнению когнитивных лингвистов, значительно сужает возможности семантического анализа. Поэтому семантические модели, создаваемые в рамках этого подхода, используют более обширный круг семантических понятий, эти понятия более конкретны, они призваны учитывать множество тонких различий в денотатах, которые могут быть обозначены исследуемой лексической единицей.

Представителями когнитивного подхода утверждается, что дать некое чисто лингвистическое определение значения вообще невозможно, что для объяснения употребления лексических единиц так или иначе требуется обращение к концептуальной системе. Сказанное относится и к пространственным предлогам. Как отмечает Г.Куйкенс (Cuyskens, 1993), для того, чтобы описать условие употребления предлога *in front of* в применении к транспортным средствам, надо принять во внимание представление человека о том, что является передней частью транспортных средств. Эта информация, отмечает Г.Куйкенс, не может быть чисто лингвистической по своему характеру и приобретается человеком не иначе как через его жизненный опыт. Представители "классического" подхода, заключает он, так или иначе вынуждены использовать такие понятия описания семантики предлогов, которые едва ли могут рассматриваться как "не-энциклопедические".

Существующие попытки разработки чисто лингвистических правил употребления пространственных предлогов, отличных от человеческого представления о пространстве и функционирования в нем объектов, до сих пор были неудачными. При таких попытках возникают множество исключений из предлагаемых исследователем правил. Так, например, как замечает А.Герсковитс (Herskovits, 1982: 42), представленная Дж.Личем (Leech, 1969) семантическая модель предлога *in* предполагает следующее: если в ботинке есть дырка и ботинок находится в ящике, то в ящике есть дырка. А. Герсковитс утверждает, что подобные исключения "не являются лингвистическими по своему характеру: они отражают пространственные репрезентационные структуры, которые необходимы для действия (движения и манипуляции), атрибуты взаимодействия (такие как функция чашки, способ

держать ее), часто видимость, нежели действительная конфигурация предметов." (Herskovits, 1986: 2).

Рассмотрим применение установок "классического" и когнитивного подходов к описанию семантики пространственных предлогов. Определение значений пространственных предлогов в терминах "словарных" понятий предлагается в работах Д.Беннетта (Bennett, 1975; 1990), Дж. Лича (Leech, 1969), Г. Купер (Cooper, 1968), С.Е.Никитиной (1979), Н.Н.Леонтьевой (Леонтьева, Никитина, 1969), Т.П.Засухиной (1992) и других. "Энциклопедический" подход к описанию значений пространственных предлогов представлен в работах А.Герсковитс (Herskovits, 1986; 1988), А.Синки (Cienki, 1989), Дж.Лакоффа (Lakoff, 1987), К.Бругман (Brugman, 1988; Brugman, Lakoff, 1989), Б.Хокинса (Hawkins, 1984), К.-Г.Линдквиста (Lindkvist, 1972), Л. Джанды (Janda, 1986), Дж. Миллера и Ф. Джонсона-Лэйрда (Miller, Johnson-Laird, 1976), С.Свороу (Svorou, 1994), К.Ковентри (Coventry, Charmichael, Garrod, 1994; 1998), Г.Куйкенса (Cuyckens, 1993; 1994; 1997), О.Н.Селиверстовой (Селиверстова, Маляр, 1992; 1998), Т.Н.Маляр (1994а; 1994б; 1995; 1996), Е.С.Яковлевой (1990; 1994) и др.

Д.Беннетт (Bennett, 1975), подходя к описанию семантики пространственных предлогов английского языка с позиций структурализма, представляет ее с помощью небольшого набора абстрактных пространственных понятий, таких как *directional*, *locative*, *extent*, *source*, *path*, *goal*. Эти понятия, используемые автором в первую очередь для анализа того, какую роль семантика предлога играет в синтаксической и семантической организации, очень часто не раскрывают собственно индивидуальной семантики предлогов. Эти семантические понятия часто неясны и требуют специального толкования.

Так, например, значение предлога *over* он представляет как "locative superior", а значение предлога *above* – как "locative higher", не уточняя однако чем понятие "higher" отличается от понятия "superior". Автор лишь отмечает, что понятие "higher" сложно по своей структуре и содержит в себе элемент "extent", так как степень сравнения неизбежно включает в себя понятие протяженности. Однако даже использование понятия "extent" не может объяснить тех различий, которые проводит носитель языка предпочитая один предлог другому в ряде денотативных ситуаций. Например, предлог *over* может употребляться для описания сцен, где расстояние между фигурой и фона довольно значительно: *The sun was*

fierce over our heads. С другой стороны, предлог *above* употребляется для описания сцен, где расстояние между фигурой и фоном отсутствует вовсе: *A layer of clay above the layer of ore* ("слой глины над слоем руды"). Существуют примеры, где эти предлоги взаимозаменяемы: *A picture over the desk*, *A picture above the desk* (картина над письменным столом), что также не предсказывается содержанием понятий "superior" и "higher". Очевидно, что для объяснения подобных случаев употребления предлогов эти понятия должны быть уточнены, а возможно и конкретизированы.

Кроме того, модель предлога *over*, предлагаемая Д.Беннеттом, не объясняет тех случаев его употребления, когда пространственные отношения между двумя предметами соответствуют предлагаемому им определению "locative superior, unspecified for contact", но предлог не может быть употреблен. Так, например, если яблоко лежит на вершине кучи яблок, лежащих в вазе, будучи таким образом непосредственно над вазой (см. рис.1, приложение 2), то для описания его положения говорящий предпочтет предлог *in*, а не *over*: *the apple is in the bowl – *the apple is over the bowl*. (Coventry, 1998).

В исследованиях, проводимых с целью выяснить соотношение значений пространственных предлогов с денотативными сценами, используемый семантический язык как правило более богат, его понятия более детализированы. Понятия, используемые в работах когнитивных лингвистов, отражают наивное представление человека о пространстве и способы, которыми он пользуется, взаимодействуя с ним. Так, как уже было показано в разделе 1.3, К.Ковентри для описания семантики предлога *in* было предложено понятие "функциональной контроль", отражающее представление человека о том, как будут перемещаться пространственно соотносимые предметы при перемещении одного из них. Это понятие, в частности, объясняет предпочтение говорящего употребить предлог *in*, а не *over* для описания сцены, изображенной на рисунке 1 (см. приложения). При перемещении вазы верхнее яблоко будет перемещаться вместе с ней, что и санкционирует употребление *in*.

Из анализа представления значения предлога *over*, предложенного Д.Беннеттом, очевидно, что при исключении из внимания концептуальной информации, а именно наивного представления человека о пространстве и функционировании в нем предметов, и рассмотрении только внутриязыкового аспекта значения создаваемая семантическая модель не отвечает критерию предсказательности. В этом случае используемые понятия

оказываются неспособными отразить те различия в денотативных сценах, которые релевантны для носителей языка при выборе предлога для их описания. Используемые семантические понятия оказываются слишком абстрактными, чтобы отразить индивидуальную семантику предлогов.

Таким образом, важным выводом из рассмотренного в данном разделе является то, что для создания адекватной семантической модели пространственных предлогов, необходимо рассмотрение широкого круга контекстов их употребления, учет таких факторов, как неязыковое представление человека о пространстве.

5. Лексическая сеть как принцип организации семантической структуры

Другим тезисом когнитивной лингвистики является положение о том, что языковое значение организуется в памяти человека с помощью общекогнитивных механизмов категоризации и поэтому демонстрирует особенности организации, свойственные для неязыковых категорий, таких как прототипические эффекты и семейное сходство.

В этом отношении когнитивная лингвистика противопоставляется "классическому" подходу, согласно которому лексическое значение является целостной сущностью, четко отграниченной от других подобных сущностей. Лексическое значение может быть описано в терминах фиксированного списка необходимых и достаточных признаков. Эти признаки должны быть в равной степени свойственны всем денотатам этой лексической единицы, что и обуславливает четкую разграниченность значения одной лексической единицы от значения другой.

Признаки значения (или семантические компоненты), согласно "классическому подходу", организуются в иерархию, при которой более конкретные являются уточнением более абстрактных. С помощью представления лексического значения в виде подобной иерархии признаков, "классический" подход стремится дать структурное описание значения, которое учитывает внутриязыковые отношения данной лексической единицы в семантической системе языка. На более абстрактном уровне значение одного слова противопоставляется значениям слов с более отличающейся от него семантикой; на более конкретном уровне семантические компоненты одновременно являются конкретизацией

более абстрактных и служат для различения значения слова от значений слов, имеющих более сходную с ней семантику. Иерархическое представление лексического значения связано также с тем фактом, что представители "классического" подхода используют ограниченное число абстрактных понятий, раскрывающих в первую очередь внутриязыковые отношения лексической единицы.

Следуя тезису о том, что лексическое значение может быть представлено в виде иерархии семантических компонентов, при исследовании семантики отдельного слова "классический" подход стремится выделить у него одно обобщенное, абстрактное значение. Это обобщенное значение или "общее значение" (*Gesamtbedeutung* – термин, предложенный Р.Якобсоном (Jakobson, 1936)) представляет собой то содержание, которое присутствует во всех случаях употребления этого слова.

Когнитивная лингвистика, хотя и принципиально не исключает, что значение может быть описано в терминах определенного числа необходимых и достаточных признаков, полагает, что организация лексического значения иная. При более детальном рассмотрении денотативной соотнесенности, оказывается, что то, что "классическим" подходом считается отдельным значением лексической единицы, может соотноситься с денотатами, имеющими друг с другом очень мало общих признаков, либо вообще не имеющих таковых (Cuyskens, 1994). Рассмотрим, например, значение слова "птица". Как правило, "птица" определяется как животное, имеющее такие признаки, как "имеет крылья", "летает", "имеет S-образную форму", "откладывает яйца", "имеет клюв". Существуют, однако, денотаты, которые могут быть именованы лексической единицей "птица", но которые не имеют признака "летает" (пингвин, страус, киви), которые не имеют признака "имеет крылья" (киви), которые не имеют признака "имеет S-образную форму" (пингвин). С другой стороны, признаки "откладывает яйца" и "имеет клюв" не являются критерием для обозначения денотата словом "птица": существуют денотаты, которые имеют эти признаки, но не могут быть названы птицами (пресмыкающиеся, утконос). Таким образом, описать значение лексической единицы часто оказывается невозможным в терминах определенного числа признаков, свойственных всем ее денотатам. Поскольку денотаты лексической единицы имеют между собой очень мало общих признаков, или не имеют их вовсе, то невозможно выделить какое-то абстрактное содержание, присутствующее во всех употреблениях слова. Внутренняя

структура лексического значения соответственно не может организовываться по принципу иерархической зависимости более конкретных от более абстрактных признаков. По этой же причине невозможно выделить некое "общее значение", которое было бы хоть сколько нибудь адекватным отражением индивидуальной семантики слова.

Принципом организации лексического значения, согласно когнитивистской точки зрения, как и принципом организации неязыковой категории, является принцип "семейного сходства" (family resemblance, термин, предложенный Л.Витгенштейном (Wittgenstein, 1953) в работе, посвященной категории "игра"). Организация семантической информации по принципу "семейного сходства" заключается в том, что некие сущности составляют одну категорию не потому, что у них всех есть некие общие признаки, а потому, что они имеют сходства друг с другом в разных отношениях, подобно тому, как сходны между собой члены одной семьи. В семье, как правило, нет признаков, общих для всех ее членов (см. рис. 2, приложение 2): А и В могут иметь одинаковый цвет глаз; В может иметь характер, сходный с С; С может иметь цвет волос, сходный с А, но не один из трех признаков не присутствует у всех членов семьи.

Как было рассмотрено в разделе 4, когнитивный подход проводит детальный анализ соотношенности лексической единицы с ее денотатами. Рассматривая таким образом значительные различия между денотатами отдельного слова, в когнитивистских исследованиях выделяется гораздо большее число значений у исследуемой единицы, чем это делается "классическим" подходом. Тем самым когнитивный подход демонстрирует, что полисемия свойственна гораздо большему числу слов, чем это считалось ранее. Объяснение того, как все эти значения организуются в одну языковую категорию, дается с помощью выявления семейного сходства между ними и представления языковой категории в виде "цепочек значений" (meaning chains) или "радиальных" структур (radial structures) (Brugman, Lakoff, 1989). "Цепочечная" структура представляет собой совокупность значений полисемантического слова, в которой каждое из значений связано наличием общего признака не со всеми остальными значениями, а лишь с некоторыми из них. В такой структуре выделяется прототип или "центральный член категории" (об этом понятии см. раздел 1.1. данной главы), из которого посредством различных трансформаций, диахронически развились остальные, нецентральные или периферийные члены категории. Нецентральные члены также могут трансформироваться, давая начало новым членам

категории, располагающимся еще дальше от прототипа. Таким образом, то содержание, которое "классический" подход рассматривает как отдельное значение, когнитивным подходом рассматривается как совокупность множества значений. Это содержание представляет собой не иерархию компонентов, а совокупность множества значений полисемантического слова, объединенных друг с другом отношениями сходства в различных аспектах. Такая репрезентация лексического значения также называется "лексической сетью" (Brugman, Lakoff, 1989).

К.Бругман и Дж.Лакофф (Brugman, Lakoff, 1989) и Дж.Тэйлор (Taylor, 1989) подчеркивают, что представление значения в виде лексической сети, в отличие от "классического" представления, "реально с когнитивной точки зрения". Формирование лексической сети, т.е. расширение семантической структуры полисемантического слова путем трансформации ее отдельных значений, не произвольно, а отражает используемый человеком способ усвоения и хранения информации. Такое расширение значения полисемантической единицы оказывается более легким и эффективным в смысле затрачиваемых когнитивных усилий: как известно из когнитивной психологии, новая информация тем быстрее и эффективней обрабатывается человеком, чем больше ассоциативных связей она имеет с уже приобретенной информацией. Фактором, закрепляющим ассоциации вновь приобретенной семантической информации с уже известной, является форма полисемантической единицы. Расширение значения полисемантической единицы позволяет, с одной стороны, говорящему легко использовать вновь приобретенную семантическую информацию, и с другой, слушающему – воспринимать ее.

Рассмотрим применение описанных выше установок этих двух подходов к описанию семантики пространственных предлогов. Описание значения пространственных предлогов в виде иерархии семантических признаков предлагается в работах Д.Беннетта (Bennett, 1975; 1990), Дж.Лича (Leech, 1968), А.Е. Кибрик (1973), Т.Ю.Кобзаревой, Л.Г.Лахути (1971). Когнитивный подход к описанию внутренней организации значений пространственных предлогов представлен в работах К.Бругман (Brugman, 1981; 1988), Дж.Лакоффа (Lakoff, 1987; Brugman, Lakoff, 1989), Г.Куйкенса (Cuyskens, 1993; 1994; 1997), С. Фриссона (Frisson et al, 1996), С.Линднер (Lindner, 1983).

Д.Беннетт (Bennett, 1975), будучи сторонником "классического" подхода, выступает за сокращение количества значений, выделяемых у предлогов в большинстве словарей и в работах исследователей, которые ставят перед собой цель дать дескриптивный анализ семантики предлогов (см., например, Sandhagen, 1956; Wood, 1967; Lindkvist, 1972). Подобное описание, полагает Д.Беннетт, полезно в практических целях, например, для изучающих язык. В рамках же теории о структурной организации языка значение предлогов должно быть представлено в более абстрактном виде, т.е. как "общее значение". Автор считает, что большая часть значений, выделяемых словарями, может быть объяснена влиянием контекста и, критикуя предлагаемое в словарях описание значения, сравнивает его с описанием фонемы путем перечисления ее аллофонов.

Так, он считает, что предлогу *over*, во всех случаях его употребления для описания пространственных отношений, следует приписать лишь одно значение – "locative superior". Его аргументация заключается в следующем.

Автор выделяет 6 наиболее часто встречающихся употреблений *over* в пространственном значении:

My hand is over the table. (1a)

I removed the lamp from over the counter. (1b)

Please put the lamp over the counter. (i.e. via) (1c)

Please put the lamp over the counter. (i.e. to) (1d)

The post office is over the hill. (1e)

A car appeared from over the hill. (1f)

Эти предложения представляются автором соответственно в виде следующих семантических репрезентаций:

[L [superior of table] place] (2a)

[S [L [superior of counter] place]] (2b)

[P [L [superior of counter] place]] (2c)

[G [L [superior of counter] place]] (2d)

[L [P [L [superior of hill] place]] place] (2e)

[S [L [P [L [superior of hill] place]] place]] (2f)

Анализируя семантическую репрезентацию выше перечисленных выражений, автор вычисляет, каков вклад предлога *over* в значения этих выражений.

В первую очередь, указывает автор, совершенно очевидно, что элементы *table* (2a), *counter* (2b, 2c и 2d), *hill* (2e и 2f) не являются частью значения *over*. Далее, элемент S (Source, "источник") (2b и 2f) не является частью значения *over* потому, что в предложении присутствует отдельная лексема, выражающая понятие "источник", а именно предлог *from*. Затем, автор указывает, что в предложениях [1c] и [1d] нет эксплицитно выраженного маркера понятий G (Goal, "цель") и P (Path, "траектория") и поэтому предложения могут быть истолкованы двояко. Соответственно, считает автор, эти понятия отсутствуют в значении предлога. Автор делает вывод, что значение *over* следует рассматривать как L (locative) superior в предложениях [1a - d]. Применяя такой же подход к анализу предложений [1e и 1f], автор заключает, что и в этих случаях значением *over* является только "locative superior". Таким образом, Д.Беннеттом выделяется содержание, присутствующее во всех случаях употребления предлога, что и является, по его мнению, его языковым значением. В дальнейшем он демонстрирует, как предложенная им семантическая модель предлога может быть использована для объяснения синтаксической структуры словосочетаний и предложений с этим предлогом.

Такой анализ семантики предлога, направленный в первую очередь на раскрытие роли семантики предлога в синтаксической организации словосочетания, однако, оказывается неадекватен критерию предсказательности семантической модели (см. раздел 2.3). Во-первых, отсутствие эксплицитного маркера какого-либо содержания в предложении не всегда говорит об отсутствии в нем этого содержания. Так, например, очевидно, что в семантике *over* присутствует некое содержание, позволяющее его интерпретацию как "путь" или "цель" (как например, в примерах 1c и 1d), но запрещающее употребление его для обозначения "источника" движения. Допуская, что любое содержание должно так или иначе быть отражено в формальной стороне предложения, автор упускает из внимания ряд существенных элементов значения предлога. Таким образом, определение "locative superior, unspecified for contact" ("располагающийся выше, без различия наличие/отсутствие контакта") не охватывает тех случаев употребления *over*, когда он обозначает "цель" движения и "траекторию" движения.

С другой стороны, полученное Д.Беннеттом "общее значение" предлога *over* слишком абстрактно, чтобы адекватно отразить его индивидуальную семантику и отличить его значение от значений других предлогов. Определение "locative superior, unspecified for contact" не позволяет отличить значение *over* от значений таких предлогов, как например, *on*, *above*, *across*. Различия между этими предлогами не могут быть объяснены как влияние лингвистического контекста, они должны быть признаны спецификой значения самих предлогов. Так, эти предлоги могут употребляться в следующих предложениях:

The wind carried the balloon over the roof.

The wind carried the balloon on the roof.

The wind carried the balloon above the roof.

The wind carried the balloon across the roof.

Эти предложения несут различное содержание. Однако очевидно, что это содержание является вкладом именно предлогов, так как лингвистический контекст этих употреблений предлогов один и тот же.

Недостатки "классического" подхода становятся более очевидными при рассмотрении того, как пространственные значения этого предлога связаны с его метафорическими и метонимическими значениями, существование которых обуславливается первыми. Определение значения *over* как "locative superior, unspecified for contact" не показывает, как это пространственное значение связано с его непространственными, такими как временное "в течении" (*to do something over a period of time*), "свыше" (*over a century ago*), "преодолев что-либо" (*she's not over that last love affair yet*), "чрезмерно" (*overdo, overweight, overwork*), "закончено" (*The game is over*). Дж.Лакофф (Lakoff, 1987) отмечает, что "классический" подход должен рассматривать все эти значения как омонимы, при этом упускается из вида их внутриязыковые взаимосвязи с пространственными значениями.

Семантику предлога *over* Дж.Лакофф и К.Бругман (Lakoff, 1987; Brugman, 1981; 1988; Brugman, Lakoff, 1989) представляют с точки зрения описанного выше когнитивного подхода к репрезентации полисемантической структуры. Выяснив сходства между различными значениями этого предлога, авторы представляют его семантическую структуру в виде лексической сети. Проследив характер возможных трансформаций одного значения из другого, авторы выдвигают в качестве прототипа этой лексической категории значение

"above" (которое *over* имеет, например, в предложении *A bird is over the hill*). Путем трансформации компонента этого значения "отсутствие контакта" это значение дает начало значению "covering" (*The cloth is spread over the table*), путем трансформации компонента "неподвижность фигуры" это значение дает начало значению "across" (*A plane flew over the hill*). Значение "across", путем трансформации признака "динамичность фигуры" в признак "в конечной точке движения" приобретает значение "at the other side of" (*He lives over the hill*). Путем трансформации признака "горизонтальная ориентация фигуры" в признак "в различных частях горизонтальной плоскости" значение "covering" приобретает значение "in every part of" (*He has traveled over England*). Путем метафорической трансформации по принципу MORE IS UP значение "above" дает начало таким значениям как "exceedingly" (*overwork*), "more than" (*over a century ago*).

Представление значения в виде лексической сети позволяет учесть взаимозависимости, прямые и косвенные, между всеми значениями предлога *over*. Так, например, лексическая сеть отражает внутриязыковые отношения между значениями "at the other side of" и "in every part of", хотя эти значения не имеют между собой никаких общих семантических признаков. С другой стороны, будучи детальным описанием, представление значения *over* в виде лексической сети более адекватно отражает его индивидуальную семантику. В частности, оно позволяет учесть тот факт, что этот предлог может употребляться для обозначения "траектории" движения фигуры и "цели" движения фигуры, но не может быть употреблен для обозначения "источника" такого движения. Таким образом, лексическая сеть, в отличие от представления значения в виде "общего значения", позволяет провести более детальные различия между значением *over* и значениями других пространственных предлогов.

6. Схема как принцип организации структуры лексического значения

Как было рассмотрено в предыдущем разделе, согласно когнитивному подходу к представлению внутренней организации значения слова, семантическая структура слова представляет собой не иерархию семантических признаков, а сеть связанных друг с другом значений.

При описании структуры отдельного лексического значения полисемантического слова когнитивный подход также критикует иерархическую организацию признаков. Аргументация когнитивного подхода при этом заключается в следующем.

Представление структуры лексического значения в виде иерархии компонентов не является "когнитивно реальным", т.е. обработка таких иерархических репрезентаций должна осуществляться по неким разработанным исследователем правилам, отличным от когнитивных принципов организации информации в памяти человека. Так, Б.М.Величковским (1982) приводится ряд экспериментальных исследований в когнитивной психологии, свидетельствующих о том, что организация концептуальных структур не является иерархической. В ходе этих исследований проверялась гипотеза о том, что концептуальные структуры организуются в виде многоуровневой древесной структуры, при чем на более верхних уровнях находятся абстрактные компоненты концептов, а на более низких уровнях – конкретные, являющиеся детализацией абстрактных. В соответствии с этой гипотезой, конкретные компоненты прямо ассоциированы с концептом, а абстрактные – косвенно, через многоуровневое абстрагирование от конкретных. Поэтому гипотеза предполагала, что время оценки испытуемыми правильности утверждений типа "концепт – конкретный компонент" (например "Кошка – имеет хвост") будет меньше, чем время оценки правильности утверждений типа "концепт – абстрактный компонент" (например, "Кошка – животное"), поскольку проверка правильности последнего типа утверждений потребует от испытуемых отслеживания нескольких ступеней абстрагирования от конкретных признаков концепта по мере восхождения вверх по древесной структуре. Эта гипотеза оказалась неподтвержденной. Так, например, время оценки предложения "Кошка – млекопитающее" оказалось в среднем больше времени оценки предложения "Кошка – животное", хотя компонент "млекопитающее" является более конкретным, чем компонент "животное". Исследователи пришли к заключению, что концептуальные структуры организуются не по принципу иерархии зависимости более конкретных признаков от более абстрактных. Из допущения, что семантические структуры организуются по тем же принципам, что и концептуальные, следует, что и семантическим структурам не свойственна иерархическая организация.

При рассмотрении отдельных значений пространственных предлогов, в качестве психологически обоснованной репрезентации Дж.Лакофф и К. Бругман (Lakoff, 1987; Brugman, Lakoff, 1989), противопоставленной иерархической, предлагают организацию их компонентов в виде "имидж-схемы" (для обозначения этого понятия Л.Талми (Talmy, 1983) использует термин "схема"). Термин "схема" заимствован из когнитивной психологии и обозначает тот формат, в котором обработанная механизмами восприятия информация хранится в долговременной памяти. Схема также является средством категоризации воспринимаемой информации и "перцептивного предвосхищения, подготовки к отбору информации определенного вида" (Найссер, 1976: 33). По мнению Дж.Лакоффа, схема является тем форматом, который позволяет соотносить воспринимаемую органами восприятия информацию с семантическими структурами.

Схема как представление значения пространственного предлога имеет аналоговый (или картиночный, изоморфный) характер, т.е. является отражением реально существующих конфигураций предметов и пространственных отношений между ними. Схема представляет собой совокупность ролей, задающих параметры предметов, которые могут заполнить эти роли, и пространственные отношения между этими ролями. Роли в схеме и пространственные отношения между ними представляются в терминах точек, отрезков, линий, плоскостей и т.д. Частью схемы могут также быть траектории движения предметов. Схеме свойственна идеализация (игнорирование нерегулярности форм конкретных предметов), абстракция (абстрагирование большого количества деталей конкретного ментального образа) и топология (игнорирование многих геометрических характеристик денотата: его конкретной величины, формы и т.д.). Таким образом, при представлении отдельного значения пространственного предлога в виде схемы отношения между его компонентами являются не иерархическими, а отражением отношений между предметами в воспринимаемой сцене.

Хотя схема и имеет аналоговый характер, она может быть формализована с помощью пропозиций (Johnson-Laird, 1983; Cuyckens, 1993).

Несмотря на критику когнитивными лингвистами "классического" представления значения в виде иерархии семантических компонентов либо в виде их неструктурированного набора, сам термин "компонент" ими не отвергается как таковой и часто используется как

элемент понятийного языка (см., например, Lakoff, 1987; Brugman, Lakoff, 1989; Cienki, 1989). Критика "классического" подхода к выделению семантических компонентов заключается в том, что выделяемые "классическим" подходом компоненты не имеют под собой часто произвольны и не имеют под собой когнитивного обоснования (Lakoff, 1987). Однако, как было отмечено в разделе 1.1, сами когнитивные лингвисты отмечают тот факт, что пока не существует надежных методологий, позволяющих при семантическом исследовании конкретных лексических единиц соотносить выделяемые семантические компоненты с конкретными концептуальными структурами. Поэтому часто когнитивными лингвистами делается допущение, что предлагаемая ими семантическая модель должна быть подтверждена специальными когнитивными исследованиями. Таким образом, задача проверки "когнитивной реальности" выделяемых компонентов в конкретном семантическом исследовании остается пока нерешенной.

7. Анализ основных теорий описания пространственной лексики в рамках когнитивного подхода

7.1. Теория прототипов К.Бругман и Дж.Лакоффа

В семантической модели предлога *over* К.Бругман (Brugman, 1981; 1988), разработанной ей в дальнейшем совместно с Дж.Лакоффом (Lakoff, 1987; Brugman, Lakoff, 1989), термин "прототипические эффекты" используется в двух значениях. Во-первых, он обозначает феномен градуальной принадлежности члена к некой языковой категории: степень принадлежности члена к языковой категории определяется степенью его схожести с прототипом (или центральным членом) этой категории. Авторы выделяют в семантической структуре полисемантического слова значение-прототип (как например значения "above" в семантической структуре предлога *over*) и представляют остальные значения этого слова как периферийные члены категории, место которых в структуре этой категории определяется степенью схожести с прототипом. Таким образом, представив семантическую структуру полисемантического слова в виде категории, авторы избегают необходимости выделять точное количество значений у полисемантического слова и описывать каждое из них,

поскольку степень схожести с прототипом и соответственно степень членства в языковой категории не дискретна, а градуальна.

Во-вторых, "прототипические эффекты" обозначают феномен градуальной схожести денотата со значением. При выборе предлога для обозначения пространственного отношения между двумя предметами говорящий руководствуется тем, насколько параметры этих предметов и отношений между ними согласуются с параметрами ролей в схеме и пространственных отношений между этими ролями. Поскольку это соответствие не дискретно, а градуально, то и носители языка, как правило, для различных денотативных ситуаций отмечают различную степень приемлемости употребления предлога. Таким образом, тот факт, что носители однозначны в оценке приемлемости/неприемлемости употребления слова языка для одних денотатов, но выражают разную степень уверенности относительно относительно других денотатов, авторы объясняют существованием прототипических эффектов при соотношении значения предлога и его денотата.

Так, например, схему "above" как одно из значений предлога *over* (вертикальные отношения между фигурой и фоном, отсутствие контакта между ними) Дж.Лакофф (Lakoff, 1987) рассматривает как представляющее собой отдельную категорию воспринимаемых сцен. Центральные члены этой категории – это сцены, которые однозначно вписываются в эту схему, как например, сцена, где самолет пролетает непосредственно над вершиной горы. Для описания этой сцены, отмечает автор, наиболее приемлемым предлогом будет *over*. Те сцены, которые не вписываются в эту схему, не являются членами этой категории и не могут быть обозначены этим предлогом. Например, сцена, где самолет летит ниже вершины горы и рядом с ее основанием по дугообразной траектории, будет обозначена предлогом *around*. Те сцены, которые лишь частично соответствуют этой схеме, являются ее периферийными членами и носители языка не будут однозначно уверены относительно употребления предлога в применении к этим сценам. Так, чем дальше в сторону от вертикальной оси, проведенной через вершину горы, будет удаляться самолет, тем менее приемлемым будет употребление *over* для обозначения пространственного отношения между самолетом и горой.

Представление полисемантической структуры в виде "прототипической категории" получило широкую критику в последнее время (см., например, Coventry, Mather, 1998;

Лещева, 1997). В частности, сомнения вызывает правомерность определения некоего значения как центрального члена категории, степень схожести с которым определяет членство в ней других членов. Так, очевидно, что значение, определяемое Дж.Лакоффом и К.Бругман как центральное, может иметь очень мало общих признаков с другими значениями, либо не иметь общих признаков вовсе (ср., например, значения "above" и "in every part of" у предлога *over*). Тем не менее, "нецентральные" значения полисемантического слова принадлежат его семантической структуре и нет оснований полагать, что они имеют статус периферийных членов, чем-либо отличающийся от статуса центрального значения. По-видимому о значении, определяемом Дж.Лакоффом и К.Бругман как центральное, можно говорить лишь как о прототипе в диахроническом смысле, т.е. как о значении, давшем начало новым значениям слова путем различных трансформаций своих признаков.

С другой стороны, даже степень сходства с центральным членом категории не всегда является основанием для определения некоей схемы как члена этой категории. Например, схема вроде "вертикальная соположенность, фигура находится не непосредственно над фоном, а в стороне от него" имеет большую степень сходства с центральной схемой у предлога *over* (схема "above": "вертикальная соположенность, отсутствие контакта"), нежели чем другие схемы *over* (такие как "at the other side of", "in every part of"). Однако, несмотря на большую схожесть с центральной членом категории, схема "вертикальная соположенность, фигура находится не непосредственно над фоном, а в стороне от него" не входит в категорию *over* и должна быть именована другой лексической единицей, например *above* или *higher than*.

Таким образом, одна лишь степень сходства некоей схемы с центральным значением предлога не описывает область его денотации. Для описания принадлежности некоей схемы данной семантической структуре необходимо эксплицитно указывать характер конкретных взаимоотношений этой схемы с другими значениями этого полисемантического слова.

Недостатком представления семантической структуры полисемантического слова в виде категории является также и то, что конкретное количество значений в ней не выделяется, эта семантическая структура потенциально имеет любое количество членов. Как заметили С.Фриссон и его коллеги (Frisson, 1996: 641), такое представление семантической структуры предполагает, что количество выделяемых у предлога значений зависит от

степени детальности анализа: чем меньшие различия в денотатах рассматриваются как трансформационные связи между значениями, тем больше значений выделяется у предлога. Таким образом, такое представление полисемантической структуры не позволяет четко разграничить языковое значение и обозначаемые им денотаты.

Так, например, Дж.Лакофф (Lakoff, 1987: 421-422) выделяет следующие значения у предлога *over*:

The bird flew over the yard. (Значение *over* "Фигура представляет собой "траекторию" (Path), соединяющую точку/регион на одной стороне фона с точкой/регионом на другой стороне фона; фигура пересекает фон, но не находится с ним в контакте).

Sam drove over the bridge. (Значение *over* "Фигура представляет собой "траекторию", соединяющую точку/регион на одной стороне фона с точкой/регионом на другой стороне фона; фигура пересекает фон и находится с ним в контакте).

Как видно из этих примеров, признак денотата "фигура находится в контакте с фоном" присутствует в первом примере и отсутствует во втором. Из анализа автора остается неясным, действительно ли этот признак является семантическим компонентом значения предлога. Автор не приводит никаких доводов в пользу того, что этот признак закреплен в значении предлога и не является лишь признаком денотата, нерелевантным при выборе предлога для описания такого рода сцен.

Тот факт, что автор рассматривает отношения значения лишь внутри полисемантического слова, оставляя без внимания отношения со значениями близких синонимов, обуславливает недостаточную раскрытость семантики отдельных значений. Так, неясно, чем отличаются значение *over* "above" (вертикальная соположенность, отсутствие контакта) от значения предлога *above*, чем отличается значение *over* "covering" (вертикальная соположенность, наличие контакта, горизонтальная ориентация предметов) от значения предлога *on*, чем отличается значение *over* "across" (вертикальная соположенность, отсутствие контакта, динамичность фигуры) от значения предлога *across*. Думается, что учет внутриязыковых отношений значения исследуемого слова со значениями близких синонимов могли бы также отчасти предсказать развитие полисемантической структуры, поскольку очевидно, что развитие языковой категории во многом определяется конкуренцией со стороны других языковых категорий.

Поскольку предлагаемые авторами схемы имеют исключительно картиночный (pictorial) характер, т.е. описываются лишь в терминах геометрии, в их семантической модели нет места для экспериенциальных характеристик значения. К.Ковентри и Г.Матер (Coventry, Mather, 1998) отмечают, что Дж.Лакофф и К.Бругман, представляя значения предлога лишь в терминах геометрии, предполагают, что семантические структуры и реальный мир соотносятся друг с другом непосредственно. Такая модель, продолжает К.Ковентри, становится очень похожа на "классический" анализ значения, она не несет в себе никаких экспериенциальных характеристик. К.Ковентри замечает, что в значении *over* присутствуют семантические компоненты, необъяснимые в геометрических терминах. Результаты его исследования показали, что этот предлог несет в себе информацию о неких функциональных отношениях между фигурой и фоном. Так, например, его испытуемые отдавали предпочтение предлогу *over* для описания сцены, где самолет пролетал над зданием, если при этом дополнительно сообщалось, что самолет должен сбросить бомбы на это здание. При этом исследование автора показало, что функциональная информация может играть более важную роль в понимании употребления предлога, чем геометрическая. Так, даже если самолет не находился непосредственно над зданием, испытуемые однозначно употребляли *over*, если присутствовала информация о цели бомбардировать здание с самолета. Подобные результаты дало исследование и Т.Н.Маляр (1996), показавшее, что в семантике предлога *over* присутствует компонент, передающий информацию о том, что фигура находится в некоем пространстве, образуемом функциональными связями фона (ср., например, *Moira stood over the radiator and warmed her hands*, где фигура (*Moira*) находится в пространстве фона (*the radiator*), образуемом теплом, исходящем от него).

Основные выводы из анализа прототипической модели Дж.Лакоффа и К.Бругман заключаются в следующем. Принадлежность некоего значения семантической структуре полисемантического слова не всегда можно представить в терминах его схожести с центральным членом языковой категории. Для описания этой принадлежности необходимо эксплицитно раскрыть характер взаимоотношений между ними. Способ представления значения в этой модели не позволяет провести четкого различия между языковым значением и особенностями денотата, который может быть обозначен исследуемым словом. Семантическая модель Дж.Лакоффа и К.Бругман неполностью раскрывает семантику

предлога: такое представление значения не позволяет отличить его от близких синонимов слова, таких как *on*, *above*, *across*. Представляя значения предлога лишь в терминах геометрии, эта семантическая модель оставляет без внимания важные экспериенциальные характеристики значения, такие как семантические компоненты, отражающие представление о функциональных отношениях между описываемыми предметами.

7.2 Теория типов употребления А.Герсковитс

Теория типов употребления А.Герсковитс (Herskovits, 1986; 1988) является одной из самых значительных теорий семантического описания пространственной лексики, эксплицитно направленной на описание соотношения значения предлогов с их денотатами. Ее семантическая модель привлекла большое внимание со стороны исследователей самых различных областей когнитивных наук, и в частности специалистов, работающих над созданием искусственных систем обеспечения интерфейса между языковым и зрительным форматами представления информации (Schirra, 1993; Herzog, Wazinski, 1995). Целью разрабатываемой теории А.Герсковитс ставит достижение такой формализации значений пространственных предлогов, которая бы позволила предсказывать употребительность/неупотребительность каждого данного предлога в каждом данном контексте.

А.Герсковитс обращает внимание на то, что употребление предлогов непредсказуемо с помощью элементарных геометрических понятий: существует множество факторов, влияющих на употребление предлогов. Среди них – знания человека о физических свойствах описываемых предметов, способах их использования; способы локализации предмета в пространстве; выбор системы координат; видимые конфигурации предметов; намерения говорящих в конкретных коммуникативных ситуациях; концептуализация описываемой сцены. Влияние всех этих факторов на употребление предлогов, утверждает автор, необъяснимо с точки зрения прототипической теории Дж.Лакоффа – автор демонстрирует, что различные случаи употребления предлога не поддаются описанию как представляющие градуальное членство в той или иной категории, а определяются сложным взаимодействием перечисленных факторов. Для формального учета всех этих факторов А.Герсковитс предлагает следующую семантическую модель.

В центре теории А.Герсковитс находится понятие идеального значения (*ideal meaning*). Идеальное значение – это та информация, которая является собственным вкладом предлога в значение предложения, и которая реализуется при употреблении предлога независимо от характера контекста. Идеальное значение представляет собой отражение "перцептивно выделенных" геометрических характеристик предметов (представление их как точек, плоскостей, осей, абстрактных трехмерных объектов) и пространственных отношений между ними (параллельности линий, заключения, пересечения, совпадения контуров). Примерами идеальных значений могут быть топологические отношения замыкания (включения, *enclosure*) для предлога *in*, совпадение с линией или плоскостью (*contiguity with line or surface*) для предлога *on*, геометрические отношения параллельности (*parallelism of lines*) для предлога *along*, вертикальное направление (*vertical direction*) для предлогов *above* и *below*.

Результатом приложения идеального значения к денотату являются различные типы употребления предлога (*use types*). Типы употребления представляют собой варианты идеального значения, часто его трансформациями, а также конвенциональными (немотивированными) употреблениями предлогов. В типы употребления инкорпорированы контекстуальные зависимости значения предлога. На существование того или иного типа употребления оказывают также влияние общие знания о мире (о понятии "общие знания о мире" см. раздел 8.6 данной главы).

Например, предлог *at*, согласно А.Герсковитс (Herskovits, 1986), имеет идеальное значение "совпадение двух точек" (*contiguity*). В предложении *Maggie is at the stove* это идеальное значение реализуется как тип употребления, предполагающий, что фигура вовлечена в какую-то деятельность, связанную с фоном. Предлог *at* в этом предложении передает информацию о том, что человек не просто находится рядом с плитой, но и выполняет какую-то работу над ней (эта информация не будет передана предлогами *by* и *next to* в том же предложении). В предложении *The gas station is at the freeway* идеальное значение *at* реализуется как тип употребления, предполагающий, что положения фигуры и фона не совпадают, и что фигура, хотя и имеет контакт с фоном, но находится от него немного в стороне. Ср. другие типы употребления *at*: *Jim is at the supermarket.*, *The Titanic will never be at sea again.*

А.Герсковитс подчеркивает, что существование типов употребления нельзя рассматривать как полисемию предлогов: предлог имеет одно значение – идеальное значение (идеальных значений у предлога, по-видимому, может быть несколько, что и будет полисемией), которое может быть по-разному эксплуатировано. Типы употребления отличаются от отдельных значений полисемантического слова тем, что они более конкретны, вступают в сложные взаимодействия с контекстом и общими знаниями о мире. Тем не менее, настаивает автор, типы употребления предлогов должны быть отражены в лексиконе.

Влияние факторов, обуславливающих существование типов употребления у предлога, а также влияющих на соотнесение типа употребление с денотатом, автор пытается предсказать с помощью разработанных ею прагматических принципов. Автор отмечает неприменимость выработанных в современной прагматике понятий к описанию этих факторам и выделяет собственные прагматические принципы, наподобие максим Г.Грайса (Grice, 1989): выделенность (*salience*), релевантность (*relevance*), типичность (*typicality*) и толерантность (*tolerance*). Эти принципы автор называет "нестрогие принципы" (*near principles*), поскольку они позволяют лишь отчасти объяснить интерпретации носителей языка тех или иных случаев употребления предлогов.

Выделенность определяет метонимические переносы при описании пространственных сцен. Например, в словосочетании *a waiting line at the counter* с прилавком (*the counter*) соотносится не вся очередь, а только функционально выделенная ее часть, а именно люди, стоящие перед прилавком. Сюда же относятся и другие примеры: *the cat under the table* (кошка не под ножками стола, а под его крышкой), *the block in the circle* (употребление *in* возможно, поскольку перцептивно выделено основание куба, которое и окружено окружностью) и т.д.

Релевантность_ (это понятие соответствует понятию "релевантность" у Г.Грайса), в отличие от выделенности, зависит от коммуникативной цели говорящего в конкретной ситуации. Например, одну и ту же денотативную сцену (капли молока на стенке сосуда) можно описать двумя предлогами: *the milk is in the bowl* и *the milk is on the bowl*, в зависимости от того, что как концептуализируются отношения между каплями молока и сосудом – как содержание молока в сосуде или как контакт молока с сосудом, что и будет выражаться в выборе предлога для описания этой сцены.

Толерантность отражает допустимое отклонение от идеального значения (или от типа употребления). Толерантность во многом определяется тем, что является значимым для говорящего, т.е. релевантностью. Отношения между столом и книгой, находящейся на нем, описываются с помощью предлога *on* (*the book is on the table*), хотя между столом и книгой могут находиться скатерть, другие книги и т.д, и поэтому между предметами может не быть контакта, как это предполагает идеальное значение предлога *on*. Принцип толерантности предсказывает, что наличием других предметов между столом и книгой можно пренебречь, так как оно нерелевантно в данном контексте. А.Герсковитс отмечает, что толерантность, таким образом, в конечном счете зависит от знаний о практической применимости тех или иных предметов.

Типичность определяет такие интерпретации предложений, описывающих пространственные отношения между предметами, которые не выводимы из содержания самого предложения. Например, предложение *The fountain is behind the city hall* подразумевает, что фонтан находится непосредственно за ратушей, что между ними нет значительных архитектурных сооружений ("близость расположения" не является частью значения *behind*, ср: *The treasure is buried 600 feet in a straight line behind you*. (Клад закопан в 600 футах по прямой линии за тобой.)). Таким образом, интерпретация пространственных отношений, передаваемых предлогом, зависит и от типичности интерпретации его значения.

Автор отмечает, что полная экспликация факторов, влияющих на употребление предлога, и их формализация по-прежнему остается нерешенной задачей и применяемые ею прагматические принципы объясняют лишь часть случаев употребления предлогов.

7.2.1. Вопрос о выделении "идеального значения" в семантической репрезентации предлогов

А.Герсковитс показала, что существуют множество факторов, влияющих на употребление предлогов, которые не могут быть сведены к прототипическим эффектам. Однако предлагаемая ею модель учета этих факторов оказывается во многих отношениях неэффективной, т.е. не предсказывает употребления, и неэкономичной в практическом отношении.

Принцип выведения всех типов употребления из одного идеального значения имеет те же недостатки, что и семантическое описание в терминах "общего значения". Как было отмечено Дж.Тэйлором (Taylor, 1988), идеальное значение, выделяемое автором, не может адекватно представить семантику предлога, поскольку должно быть достаточно конкретизированным, чтобы отличаться от значений других предлогов, и в то же время достаточно абстрактным, чтобы охватывать все типы употребления, что едва ли возможно.

Как было показано в разделе 5, все особенности употребления пространственного предлога едва ли можно объяснить с помощью одного значения. Последние работы в этой области лексической семантики (см., например, Маляр, Селиверстова, 1992; 1998; Cuyskens, 1993; 1994) показали, что пространственные предлоги обнаруживают гораздо большую степень полисемантической, чем это предполагалось ранее.

С другой стороны, запись в лексиконе всех типов употребления предлога делает его весьма неэкономичным. Интегрируя в типы употребления прагматические факторы, автор включает в семантическое описание зависимые от контекста факторы, что неоправданно увеличивает семантическое описание, по сути дела сводя его к перечислению контекстов употребления предлога. Будучи отражениями различий в денотативной ситуации, типы употребления становятся слишком конкретизированными, чтобы можно было проследить их употребление к вновь возникающим денотативным ситуациям. Так, например, выделяя у предлога *at* типы употребления "человек в здании, занят в нем какой-л. деятельностью" (*Jim is at the supermarket.*) и "человек работает, используя в своей работе артефакт" (*Maggie is at the stove.*), эта семантическая модель не учитывает тех контекстов, где человек может быть вовлечен в деятельность, связанную не только с зданиями и артефактами, но и с другими предметами: *The doctor is at the patient.* В подобную деятельность могут быть вовлечены не только люди, но и другие предметы: *The bicycle is at the repair shop.* Согласно модели А.Герсковитс, все эти четыре случая употребления предлога, равно как и все остальные случаи, которые имеют различающиеся негеометрические ограничения на употребление, представляют собой различные типы его употребления и должны быть отражены в лексиконе.

7.2.2. Прагматические факторы

Несмотря на то, что автор сама указывает на то, что употребление пространственных предлогов не определяется лишь геометрическими признаками денотата, она не отказывается от чисто геометрической модели их значения. Вся совокупность негеометрических факторов объясняется ей как прагматические принципы употребления предлогов либо как их идиоматичное употребление. Ближайшее рассмотрение негеометрической информации, присутствующей в конкретных случаях употребления предлога, показывает, что она едва ли может рассматриваться как прагматическая.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на трактовку термина "прагматические факторы" в работах А.Герсковитс. Сама автор отмечает, что предмет прагматики в различных работах трактуется по-разному и поэтому в термин "прагматические факторы" она вкладывает свое собственное содержание. (Herskovits, 1986: 4). Кроме того, продолжает автор, для функционирования семантики предлогов в речи свойственны особенности, которые невозможно объяснить в терминах существующих теорий в прагматике. Собственные критерии, которые использует она для отделения прагматики от семантики, заключаются в разделении "того, что определяется самим предлогом, и того, что определяется контекстом, идиоматичного и мотивированного, естественного и "необычного" (там же: 4). Однако автор не указывает на те основания, которые позволяют ей одно содержание рассматривать как "определяемое самим предлогом", а другое – как "определяемое контекстом". Ниже мы покажем, что многие из факторов, которые автором определяются прагматическими, в действительности следует рассматривать вкладом семантики предлогов и слов, употребляемых при них.

Прагматические термины "выделенность" и "релевантность" трактуются по-разному в разных когнитивных теориях, принимающих, что в центре любых познавательных процессов человека находится он сам и мир воспринимается как межсубъективная действительность, все его знания зависят от логически увязанной системы релевантности, которой человек руководствуется в своей жизни (Демьянков, 1996: 22). Согласно такому пониманию прагматики, очевидно, что негеометрические элементы содержания, влияющие на употребление предлогов и заключающиеся в информации об интерактивных свойствах

предметов, следует толковать как прагматические. Однако знания о том, как можно взаимодействовать с тем или иным предметом, могут быть частью семантики слова, обозначающего этот предмет, и не быть ситуационно обусловленным вкладом говорящего. Если же исходить из того, что к прагматике относятся только те факторы, которые зависят от коммуникативных намерений говорящего и не выводимы из семантики слов высказывания, то, очевидно, что к прагматическим факторам следует отнести только то, что А.Герсковитц трактует как релевантность.

Выделенность зависит от знаний говорящего о свойствах предмета – как правило выделяются функционально важные части предметов. Выделенность этих частей предметов всегда неизменна. Например, то, что кошка находится под крышкой стола, а не под его ножками (*The cat is under the table.*, см. пример выше) выводимо не из контекста, а исключительно из знания о том, что именно крышка стола является функционально значимой его частью, а, следовательно, служит как та его часть, относительно которой локализуются другие предметы. Крышка стола является подобным образом выделенной, как правило, во всех случаях осмысления человеком сцен со столом: Дж.Миллер и Ф.Джонсон-Лэйрд (Miller, Johnson-Laird, 1976) в семантическом описании слова "стол" используют компонент "рабочая поверхность", который отражает в себе тот факт, что крышка стола является функционально значимой его частью. Таким образом, выделенность является принадлежностью семантики слов, с которыми употребляется предлог, нежели неким прагматическим фактором.

Толерантность, также как и выделенность, как отмечает сама автор, обуславливается представлением человека о способах взаимодействия между предметами. Толерантность также, по-видимому, нельзя рассматривать как содержание, вкладываемое говорящим в употребление предлога в конкретной коммуникативной ситуации. Например, допущение, что между столом и книгой может находиться скатерть или другие книги при восприятии предложения *The book is on the table.* выводится адресатом речи не из коммуникативных намерений говорящего, а исключительно из семантики слов этого предложения. Это видно из того факта, что информация об этом допущении не может передаваться тем же предложением, употребленном в той же коммуникативной ситуации, но с заменой предлога *on* на какую-либо другую лексему, несущую, также как и *on*, информацию о контакте между

двумя предметами: *The book was touching the table. The book was in contact with the table.* В обоих из этих предложений отсутствие контакта между книгой и столом не допускается – эта информация не может быть привнесена даже какими-либо прагматическими факторами. Из этого можно сделать вывод, что информация о том, что допускается отсутствие контакта между столом и книгой, выводится именно из значения предлога *on*.

Значение французского предлога, эквивалентного английскому *on*, К.Ванделуаз (Vandeloise, 1986) описывает через семантическое понятие "поддержка". Это понятие, отражая негеометрические отношения между фигурой и фоном, позволяет понять, почему геометрическим отношением "контакт фигуры с поверхностью фона" можно пренебречь при употреблении *on*. Предложение *The book is on the table*, в соответствии с этим определением *on*, передает информацию о том, что стол является предметом, "поддерживающим" положение книги, т.е. положение книги определяется положением стола. При этом очевидно, что положение книги в пространстве никак не будет зависеть от того, есть ли между столом и книгой непосредственный контакт или нет. Таким образом, толерантность как допущение отклонения от некоего геометрического идеала также не является прагматическим фактором, а выводима из значения предлога.

Необходимо также отметить, что ряд особенностей употребления предлогов, объясняемых А.Герсковитц как следствие влияние фактора толерантности, вероятно следует, объяснить прототипическими эффектами, т.е. простой степенью схожести геометрических параметров денотативной сцены с геометрическими компонентами схемы-значения предлога.

При рассмотрении типичности, очевидно также, что она не является прагматическим фактором, так как вообще не зависит от коммуникативного контекста, а является стереотипичной интерпретацией описываемых ситуаций, которая обуславливается фоновыми (или общими) знаниями человека об описываемых предметах.

Таким образом, прагматическим фактором следует считать только релевантность, которую следует исключить из семантического описания пространственных предлогов. Выделенность, толерантность и типичность следует рассматривать не как некие прагматические факторы, а как содержание, зависимое от негеометрических семантических

компонентов значений существительных, употребляемых при предлогах, а также от негеометрических семантических компонентов самих предлогов.

7.3. Теория ментальной модели

Включение негеометрических (функциональных) элементов в описание семантики пространственных предлогов было предложено Ф.Джонсоном-Лейрдом (Johnson-Laird, 1983). Денотативную соотнесенность пространственных предлогов автор объясняет с помощью своей теории ментальной модели, которая является промежуточной структурой, которую человек строит при восприятии вербальной информации о пространстве.

Ф.Джонсон-Лейрд замечает, что существуют слова, значения которых напрямую соотносятся с предметами реального мира: *apple, silver, yeti* и называет их "словами естественного типа" (natural kind terms). Существуют также слова, которые автор называет "словами с конструктивной семантикой" (constructive semantics), такие как *home, chair, melody*. Значения последних представляют собой "ментальные конструкции, накладываемые на мир, и хотя они обозначают предметы реального мира, эти предметы не имеют внутренней структуры, которая бы обуславливала их принадлежность экстенсионалу (этих слов – В.П.). Конструктивные слова не имеют объективных коррелятов в реальном мире ... Названия артефактов также конструктивны, поскольку центральной их характеристикой является их функция, а не внутренняя структура." (там же: 196). Примером лексемы, обозначающей артефакт, может быть "стол", значение которой характеризуется через функциональное понятие "рабочая поверхность" (о семантическом анализе этой лексемы, предложенном Ф.Джонсоном-Лейрдом и Дж.Миллером, см. раздел 3.3 данной главы). Автор указывает на ту особенность значений слов, обозначающие артефакты, что они (т.е. значения слов) не характеризуются объективно наличествующими признаками реальных предметов, а информацией о том, как эти предметы используются человеком.

Пространственные предлоги, продолжает автор, принадлежат к словам с конструктивной семантикой. Автор выступает с критикой семантических моделей пространственных предлогов Д.Беннетта (Bennett, 1975), Дж.Купера (Cooper, 1968) и Дж.Лича (Leech, 1969), в которых значения предлогов представляются в терминах объективных

пространственных отношений, существующих в реальном мире. Автор показывает, что, например, семантическое представление предлога *at*, должно включать в себя информацию о том, что фигура находится в регионе фона, где она "может взаимодействовать с фоном социально, физически и любым другим конвенциональным образом" (там же: 196). Из наблюдений за семантикой предлога *at* автор делает вывод, что его семантика конструктивна: "она является конструкцией человеческого разума, а не результатом прямого соотнесения с объективными отношениями реального мира." (там же). Таким образом, семантика пространственных предлогов, согласно Ф.Джонсону-Лэйрду, отражая в себе представление человека о функциональных отношениях между предметами, является промежуточной структурой, налагаемой на отношения между предметами в реальном мире.

Теория ментальной модели в применении к семантике пространственных предлогов была развита С.Гарродом и А. Сэнфордом (Garrod, Sanford, 1989) и К.Ковентри (Coventry, 1998; Coventry, Carmichael, Garrod, 1994; Coventry, Prat-Sala, 1998; Coventry, Mather, 1998). Соотнесение значений пространственных предлогов с их денотатами авторы описывают также с помощью понятия ментальная модель. "Ментальная модель – это структура в кратковременной памяти, служащая в качестве интерфейса между языком и миром." (Coventry, Carmichael, Garrod, 1994: 291). Построение ментальной модели некой пространственной сцены для человека важную роль играет концептуализация функциональных отношений между предметами, таких как содержание, поддержка, совпадение и т.д. При кодировании пространственной информации говорящий осмысливает функциональные отношения между предметами. В соответствии с этой концептуализацией говорящий выбирает предлог, в семантике которого присутствует информация о таких функциональных отношениях. При построении ментальной модели этой пространственной сцены адресат речи соотносит информацию о функциональных отношениях между предметами, передаваемую пространственным предлогом, с функциональной и геометрической информацией о соотносимых предметах. Таким образом слушающий как бы вычисляет из функциональной информации конкретные геометрические характеристики описываемой сцены. При этом, однако, слушающий получает только информацию, релевантную для понимания отношений между предметами описываемой сцены (т.е. ту, информацию, от которой зависит понимание человеком того, как можно эффективно

взаимодействовать с описываемыми предметами). Так, например, согласно (Coventry, Carmichael, Garrod, 1994), предлог *in* передает информацию о функциональном контроле фоном положения фигуры. При концептуализации сцены, изображенной на рисунке 2 (см. приложение 2), говорящий выберет предлог *in*, тем самым кодируя информацию о том, что положение яблока контролируется положением вазы и что, например, при перемещении вазы положение яблока будет также меняться. Тот факт, что яблоко находится вне геометрических границ вазы будет игнорирован как нерелевантный. Адресат речи, восприняв эту информацию, построит такую ментальную модель этой сцены, в которой геометрические отношения между яблоком и вазой могут быть геометрическими отношениями заключения, однако для слушающего эта неправильность геометрической репрезентации не будет релеванта. Релевантным для него будет тот факт, что положение фигуры контролируется положением фона.

К.Ковентри, Р.Кармайкл, С.Гаррод (Coventry, Carmichael, Garrod, 1994) выделяют следующие типы отношений между предметами, которые обычно концептуализируются как функциональные отношения: выделенность функции (например, функция кувшина содержать воду может быть выделена тем фактом, что в него налита вода; функция вазы содержать твердые предметы может быть выделена тем фактом, что в ней находятся твердые предметы); одновременность движения в одном направлении (например, одновременное движение вазы и яблока, находящегося выше его краев обуславливает концептуализацию отношений между ними как функционального контроля); контакт фигуры с фоном посредством других предметов (демонстрация того, что яблоко находится в контакте с другими яблоками, находящимися внутри вазы, обуславливает концептуализацию отношений между яблоком и вазой как функционального контроля), стеретипичная функция предмета (наличие у сосуда ручки обуславливает концептуализацию его функции содержать жидкости, отсутствие ручки – концептуализацию его функции содержать твердые предметы).

Исследования авторов, описывающих значения пространственных предлогов с точки зрения теории ментальной модели показали, что включение в семантическое описание компонентов, передающих информацию о функциональных отношениях между предметами, позволяет сделать это описание более экономичным. Этими исследователями тем самым

было продемонстрировано наличие в семантике пространственных предлогов компонентов, не геометрического характера, а отражающих представление человека о способах взаимодействия между предметами. Эти компоненты, как отметил К.Ковентри (Coventry, 1998: 255), отражают экспериенциальный аспект значения, который был неучтен в работах Дж.Лакоффа, К.Бругман, А.Герсковитс.

Однако сам характер функциональных отношений, обозначаемых пространственными предлогами, остался недостаточно описанным. Так, например, понятие "функциональные отношения" (functional relations) используется К.Ковентри в ряде его работ (Coventry, Carmichael, Garrod, 1994; Coventry, 1998; Coventry, Mather, 1998; Coventry, Prat-Sala, 1998) для описания значений различных английских предлогов: *on, over, under, above, below*. Это понятие трактуется автором как "представления о том, как предметы могут взаимодействовать друг с другом и что является функцией предметов" (Coventry, 1998: 247). Неясным остается, например, какие существуют различия между теми функциональными отношениями, которые может обозначать предлог *in*, и теми, которые могут обозначать обозначать остальные предлоги. Очевидно, что предложенное автором понятие "функция содержания", или "функционального контроля", которое было охарактеризовано выше, едва ли применимо для описания проективных предлогов, а при том широком толковании понятия "функциональные отношения", которое предлагает автор, едва ли это понятие будет удобным для выявления специфики значений отдельных предлогов. Неясным остается также и вопрос о соотношении функциональных и геометрических компонентов внутри структур значений предлогов – существуют ли какие-либо принципы, по которым некоторые геометрические компоненты сочетаются с некоторыми функциональными, или же эти сочетания произвольны.

Подробное рассмотрение сущности функциональных отношений, передаваемых русскими и английскими предлогами и наречиями проксимальной и дистантной семантики, таких как *далеко, близко, поблизости, у, около, рядом, far, near, beside, at, by*, делается в работах О.Н.Селиверстовой и Т.Н.Маляр (1992; 1998). Т.Н.Маляр (1994а; 1994б; 1995) также предлагает детальное описание функциональных отношений, передаваемых английскими предлогами *over* и *under* (автор считает, что *above* и *below* не имеют функциональных признаков). Рассматривая соотношение функциональных и геометрических компонентов

внутри структур значений предлогов в этих работах, авторы полагают, что между ними может не быть никаких взаимозависимостей. Так например, у русского предлога *у*, авторы выделяют два значения: "поссесивное", обозначающее принадлежность различного рода одного предмета другому, и "пространственное". "Поссесивное" *у* "либо вообще не указывает на местоположение пространства нахождения X-а (т.е. фигуры – В.П.), либо им является сам У (т.е. фон – В.П.) или какая-то его часть". "Пространственное" *у* показывает, "что X находится в пространстве, непосредственно примыкающем к У-у", "признак поссесивности у "пространственного" *у* сохраняется" (Селиверстова, Маляр, 1998: 114). Таким образом, "поссесивное" значение *у* может, а может и не употребляться для описания пространственной соположенности предметов, а "пространственное" значение *у* лишь "сохраняет" признак поссесивности, т.е. этот признак видится авторами как непредполагаемый остальными семантическими признаками этого предлога.

Поскольку авторы полагают, что между геометрическими и функциоальными отношениями нет отношений взаимопредположения, то в их семантическом описании должны быть эксплицитно отражены все геометрические и функциональные компоненты значения. На наш взгляд, существуют определенные закономерности сочетания этих типов компонентов внутри значений предлогов, а именно функциональные компоненты обуславливают существование, по крайней мере, большинства геометрических компонентов. Подтверждение этой гипотезы могло бы, во-первых, объяснить, характерную "семантической пластичностью" пространственных предлогов (Herskovits, 1986), т.е. тот факт, что отдельное значение предлога, может описывать настолько геометрически различающиеся денотаты, что невозможно получить репрезентацию значения, которая, с одной стороны, была бы достаточно абстрактной, чтобы охватывать все особенности употребления предлога, и, с другой стороны, была бы достаточно конкретной, чтобы данное значение можно было отличить от значений других предлогов (подробное рассмотрение феномена "семантической пластичности" пространственных предлогов – см. раздел 3.3). Функциональные компоненты в этом случае могут рассматриваться как основание, по которому все столь различные геометрические компоненты предлога объединяются в единую структуру значения. Во-вторых, подтверждение этой гипотезы могло бы объяснить тот факт, что существенные геометрические характеристики денотата могут быть игнорированы в ряде случаев при

выборе предлога при наличии у денотата функциональных характеристик, соответствующих функциональным компонентам предлога. Так, например, признак денотата "отсутствие контакта между фигурой и фоном" игнорируется при обозначении предлогом *на* (*книга на столе*) положения книги на столе, когда между столом и книгой находится скатерть или другие книги, поскольку у денотата присутствует признак "фон выполняет функцию поддержки", соответствующий функциональному компоненту предлога *на*.

Таким образом, из анализа теории ментальной модели можно сделать следующие выводы. Существует ряд неизученных проблем, связанных с ролью прагматических факторов в употреблении предлогов, а также с характером функциональных отношений между предметами, которые могут быть обозначены предлогами. Необходимо специальное изучения характера функциональных семантических компонентов и их соотношения с геометрическими. Раскрытие зависимостей между этими двумя типами семантических компонентов предлогов могло бы объяснить многие особенности денотативной соотнесенности предлогов и значительно оптимизировать их семантическое описание.

8. Обзор существующего понятийного языка описания пространственной лексики

8.1. Фигура и фон

Понятия "фигура" и "фон" были впервые предложены в гештальтпсихологии для описания анализа восприятием зрительных стимулов. Эти понятия впоследствии стали широко применяться для описания значений пространственных лексических единиц (Talmy, 1983; Herskovits, 1986; 1988; Cienki, 1989; Ullmer-Ehrich, 1982; Coventry, 1998). Понятия "фигура" и "фон" в этих работах соответствуют описанным гештальтпсихологами частям членения пространственной сцены, которые в языке обозначаются существительными (или словосочетаниями) – комплементами пространственных предлогов; значение существительного, находящегося перед предлогом, соответствует "фигуре", а значение существительного, находящегося после предлога, – "фону". Поэтому порядок обозначения языком результатов анализа восприятием пространственных сцен можно представить в виде: "фигура+предлог+фон" (*книга на столе, цветы в вазе, a book on a table, flowers in a vase* и

т.д.). В работах по семантике пространственных предлогов также используются соответственно термины "Trajector" и "Landmark" (Lakoff, 1987; Brugman, 1988; Langacker, 1991; Taylor, 1988), "X" и "Y" (Кобзарева, Лахути, 1971; Селиверстова, Маляр, 1998), "referent" и "relatum" (Levelt, 1986; 1996). Такой способ описание положения одного предмета по отношению к другому свойственен всем известным языкам (хотя синтаксическая организация словосочетаний, описывающих сопологаемые предметы, может быть самой разнообразной: в тюркских и финноугорских языках пространственная лексема стоит после обоих существительных, пространственное отношение может передаваться морфемами, присоединяемыми к существительным).

Особенности определения предмета как фигуры состоят в следующем: он более подвижен, имеет меньший размер, появился в фокусе внимания позже, ситуационно выделен. Особенности определения предмета как фона: имеет перманентное положение, больший размер, появился в фокусе внимания раньше, ситуационно составляет задний план.

Часто различия между фигурой и фоном понимаются как различия между темой и ремой высказывания (Herskovits, 1986; Johnson-Laird, 1983).

8.2. Система координат

Многие пространственные лексические единицы описывают положение того или иного предмета относительно не только некоего другого предмета, но и относительно других ориентиров в пространстве, как например, наблюдателя сцены, или неких неизменных координат как стороны света. Например, русские предлоги *перед* и *за* способны сообщать о положении фигуры как относительно только лишь фона, так имплицитно положение наблюдателя в описываемой сцене: *мяч перед стулом* (положение наблюдателя не имплицитно), *мяч перед камнем* (мяч находится между наблюдателем и камнем). Эти особенности употребления пространственных предлогов отражают тот факт, что положение предмета в пространстве человек может описывать в трех системах координат (frame of reference): эгоцентрической, относительной и абсолютной (Levinson, 1996; Levelt, 1986; Regier, 1996; Hill, 1982; Carlson-Radvansky, Irwin, 1993; 1994).

Эти понятия частично соответствуют понятиям "положение наблюдателя" (Селиверстова, Маляр, 1998, Яковлева, 1990, 1994), "ориентированность предметов" (Кобзарева, Лахути, 1971), "абсолютная и относительная ориентация предметов" (Кравченко, 1996а), также используемым для описания семантики пространственных предлогов.

Система координат (СК) – это трехмерная модель пространства, строящаяся с помощью трех осей – фронтальной (перед-зад), латеральной (лево-право) и вертикальной (верх-низ), и позволяющая пространственно соотносить описываемые предметы. В зависимости от того, какой предмет выбирается в качестве центра системы координат – наблюдатель, предмет внимания наблюдателя или некий фиксированный в пространстве ориентир – система координат может быть соответственно эгоцентрической (другой термин – дейктическая СК), относительной или абсолютной.

Эгоцентрическая СК (*egocentric, deictic, viewer-centered frame of reference*) образуется тремя осями, проходящими через тело наблюдателя: фронтальная (органы зрения – спина), латеральная (правая – левая сторона тела), вертикальная (голова – ноги). Положение предмета в пространстве описывается так, как оно видится наблюдателем.

Относительная СК (*intrinsic, relative, object-centered frame of reference*) образуется тремя осями, проходящими через шесть сторон предмета, при чем эти стороны также концептуализируются как перед, зад, лево, право, верх и низ предмета. Например, у дома фасад концептуализируется как перед, крыша как верх и т.д.

Абсолютная СК (*allocentric, environment-centered, perspective-free frame of reference*) в индоевропейских языках обычно образуется четырьмя сторонами света и осью земного притяжения – из двух положений считается "верхом" то, которое находится дальше от земли относительно оси притяжения.

Каждая из трех систем координат является психологическим конструктом, который находит отражение и в языке (Bryant, 1992). Так, при исследовании некоего пространства наблюдатель сначала определяет положение предметов по отношению к себе самому, т.е. определяет положение предметов в эгоцентрической СК. По мере своего перемещения, положение одних предметов он фиксирует по отношению к другим. После того, как некое пространство оказалось в достаточной степени изучено, наблюдатель составляет "когнитивную карту" этого пространства – она не зависит от положения наблюдателя и

отдельных предметов, а является некой ментальной картой, которой он в дальнейшем руководствуется, передвигаясь по данной территории. Каждая из трех СК находит отражение и в языке. Так, предлоги *справа, слева, за, перед* и их соответствия в индоевропейских языках могут интерпретироваться как описывающие положение предмета либо в эгоцентрической (*собака перед деревом* – по отношению к наблюдателю: собака ближе к наблюдателю, чем дерево), либо в относительной (*фонтан перед домом* – положение фонтана определяется относительно фасада дома). Абсолютная СК сравнительно мало употребительна в индоевропейских языках (*севернее, южнее* и т.д.), но является основной СК описания положения предметов в ряде языков Австралии, Океании, Южной Америки, Африки (Levinson, 1996; Pederson et al, 1998). Абсолютная СК может строиться относительно каких-то астрономических ориентиров (стороны света, небесные тела), а также относительно направления сезонных ветров, самой большой горы на острове и т.д.

Положение одного и того же предмета в одной и той же ситуации может быть описано в любой из трех СК в зависимости от психологического контекста:

Собака справа от дерева. (эгоцентрическая СК, подразумевается, что собака находится на воображаемой линии, проведенной от дерева направо от наблюдателя, наблюдатель стоит лицом к дереву).

Собака перед домом. (относительная СК, точка зрения наблюдателя не принимается во внимание, собака находится на линии, проведенной из центра дома через его фасад.).

Собака к северу от дома. (абсолютная СК, ни точка зрения наблюдателя, ни конкретная геометрия дома во внимание не принимаются, относительное положение собаки определяются по неизменным координатам – сторонам света).

Интересующая нас вертикальная соположенность предметов, таким образом, может быть трех типов – эгоцентрической (с точки зрения наблюдателя фигура находится дальше фона на оси ноги-голова), относительной (фигура находится на оси, проведенной из центра фона через его верхнюю сторону) или абсолютной (фигура расположена дальше от земли, чем фон).

8.3. Топологические отношения

Термин "топологические отношения" был заимствован из математики и многие топологические понятия, такие как "замыкание", "окрестность" применяются для описания семантики пространственных предлогов (Talmy, 1983; Herskovits, 1986; Vandeloise, 1986, Cuyskens, 1997; Кобзарева, Лахути, 1971; Том, 1975).

Топологические отношения, обозначаемые пространственными предлогами, являются отношениями, абстрагированными от конкретных геометрических признаков пространственно соотносимых предметов и отношений между ними – от их конкретных контуров, величины, расстояния. Так, как заметил Л.Талми (Talmy, 1983), предлог *across* употребляется независимо от конкретной величины предметов описываемой сцены: *The ant crawled across my palm. The man walked across the field. The bus drove across the country.* В качестве примеров топологических отношений, передаваемых предлогами А.Герсковитс (Herskovits, 1986) приводит отношения контакта между предметами (предлог *on*), замыкания (*enclosure, in, inside, around*), совпадения контуров (*contiguity, on, over*), совпадения точек (*coincidence of points, at*), параллельности (*along*), пересечения (*across*).

Несмотря на типичную для предлогов большую степень абстрагирования от конкретных геометрических параметров денотата, существуют лексические единицы, в которых отдельные геометрические параметры денотата представляются чрезвычайно конкретно. Так, например, Е.С.Яковлева показала, что русским наречиям *в отдалении, поодаль* свойственно абсолютное определение пространства, т.е. минимальное и максимальное расстояние между соотносимыми предметами, обозначаемое этими наречиями, неизменно в различных денотативных ситуациях (Яковлева, 1990). Л.Талми (Talmy, 1983) приводит данные, свидетельствующие о том, что обозначение топологических отношений свойственно далеко не всем языкам мира. В частности, в мексиканском языке Атцугеви нет пространственных лексических единиц, которые бы обозначали топологические отношения. Значения пространственных флексий в этом языке отражают весьма конкретизированные геометрические признаки денотата.

8.4. Проективные отношения

Проективные отношения между предметами, обозначаемые пространственными предлогами, устанавливаются на основе определения положения фигуры на одной из трех осей, проведенных через перпендикулярные стороны фона (т.е. перед/зад (фронтальная ось), верх/низ (вертикальная ось), право/лево (латеральная ось)). Например, предлог *передо* в предложении *Стул стоит передо мной* сообщает о том, что фигура (*стул*) находится на фронтальной оси фона (т.е. наблюдателя). Именно такое выделение проективных осей определяется расположением органов чувств у человека и его способностями воспринимать предметы в каждый отдельный момент времени, способом его передвижения в пространстве, а также тем фактом, что человек постоянно отслеживает положение своего тела относительно оси земного притяжения (Jackendoff, 1987; 1995; Vandeloise, 1986). Таким образом, выделение в языке трех проективных осей является свидетельством того, что значения пространственных предлогов несут на себе характеристики, отражающие биологически обусловленные способы взаимодействия человека с окружающим миром.

То, что определение положения фигуры относительно проективных осей человека является аспектом неязыковой категоризации пространства, видно также из того факта, что выделение трех проективных осей является свойственным для самих различных в типологическом отношении языков, несмотря на значительные различия в их концептуализации пространства. Например, в михтеке – одном из языков мексиканских индейцев – пространственные отношения, обозначаемые в английском языке предлогами *under* и *over*, передаются лексемами, обозначающими части тела (Regier, 1996): "под столом" поэтому с этого языка дословно переводится как "на брюхе стола", "на дереве" – "на голове дерева". Использовать названия частей тела для обозначения пространственных отношений также типично для индоевропейских (ср. русс. *сзади, спереди, сбоку*, англ. *ahead, back, beside* и т.д.) и тюркских языков (ср. тат. и башк. *башинда* от *баш* – "голова", т.е. *над, выше* для обозначения положения фигуры относительно вертикально протяженного фона).

Проективные оси, выделяемые относительно человеческого тела, могут переноситься на другие предметы, так что практически любой предмет может концептуализироваться как имеющий "перед", "зад", "лево", "право" и т.д., хотя он не обладает никакими объективно

наличествующими признаками, которые бы обусловили его такую концептуализацию (ср. *перед камнем, сбоку от стула* и т.д.)

8.5. Функциональные отношения

Под "функциональными отношениями" между предметами, которые могут обозначать пространственные предлоги, обычно понимаются представления о том, как эти предметы могут взаимодействовать друг с другом – "физически, социально или любым иным конвенциональным способом" (Miller, Johnson-Laird, 1976). К.Ковентри отмечает, что способность пространственных предлогов обозначать функциональные отношения между предметами является отражением того факта, что значения предлогов соотносятся с реальным миром не напрямую, а несут на себе признаки, релевантные для организмов, которые взаимодействуют с ним (Coventry, 1998: 255-256).

Зависимость употребления пространственных предлогов от наличия функциональных отношений между предметами отмечалась во многих работах по пространственной семантике (Яковлева, 1990; 1994; Ли Тоан Тханг, 1990; Cienki, 1989; Herskovits, 1986; 1988; Lindkvist, 1972 и др.). Существуют, однако, разногласия среди исследователей о том, чем объясняются связанные с этим ограничения на употребление пространственных предлогов. Одни исследователи считают, что функциональная интерпретация употреблений пространственных предлогов обуславливается прагматическими факторами (Herskovits, 1986; Cienki, 1989). В настоящее время большинство исследователей полагают, что эта информация является неотъемлемой частью семантики предлогов (Miller, Johnson-Laird, 1976; Coventry, 1998; Vandeloise, 1986; 1992; Aurnague, Vieu, 1993; Маляр, 1994а; 1994б; 1995; 1996; Газизова, 1999).

Совокупность функциональных отношений, которые имеет/может иметь предмет, часто рассматривается как составляющая некий участок пространства вокруг этого предмета. Нахождение другого предмета внутри этого участка является условием для возникновения функциональных отношений между предметами. Для обозначения таких участков пространства различными исследователями используются понятия "пространство говорящего" (Ли Тоан Тханг, 1990), "окрестность говорящего" (Яковлева 1994),

"функциональная область" (Маляр, Селиверстова, 1998), "интерактивный фокус" (interactional focus, Lindner, 1983), "регион взаимодействия" (region of interaction, Miller, Johnson-Laird, 1976). В этом отношении значения пространственных предлогов схожи со значениями дейктических наречий и местоимений *здесь, там, вон, вот, этот, тот*, при употреблении которых, как замечает Ю.С.Степанов, положение предметов "определяется не физической, а психологической близостью" (Степанов, 1975). Подобное выделение участков пространства отражается, по-видимому, и в значениях дейктических глаголов, таких как английские глаголы *to come* и *to go* (Radden, 1989; 1996).

О.Н.Селиверстова и Т.Н.Маляр (1992; 1998) отмечают, что областью, образуемой функциональными отношениями, могут обладать и неодушевленные предметы. Например, авторы выделяют у предлога *возле* значение "нахождение в психосоциальной или функциональной области У-а". У-у (т.е. фону) при этом соответствуют объекты типа зданий, которые характеризуются по своей функциональной предназначенности (например, общежитие, завод, дом, полицейский участок). Эта функциональная предназначенность фона при этом представлена как накладывающая отпечаток на примыкающее к нему пространство, т.е. нахождение фигуры в области фона предполагает тот или иной вид взаимодействия с фоном: *Захоронения были обнаружены и возле полицейских участков. Кто-то бродит по ночам возле нашего дома.*

Т.Н.Маляр и О.Н.Селиверстова (1998) отмечают недостаточность выделения понятия "функциональные отношения" как далее неделимого компонента, как это делается в работах Дж.Миллера, Ф.Джонсона-Лейрда (Miller, Johnson-Laird, 1976), К.Ковентри (Coventry, 1998). Авторы демонстрируют, что для выявления специфики отдельных языковых единиц необходима детализация этого понятия. В своем анализе английских и русских предлогов и наречий дистантной и проксимальной семантики они выделяют такие типы функциональных отношений как посессивные, актантные, области предметов могут определяться психосоциальными отношениями между предметами. Сущность функциональных отношений, передаваемых другими пространственными предлогами, остается слабо изученной. В частности, из существующих исследований семантики проективных предлогов неясно, есть ли какие-либо различия в функциональных отношениях, передаваемых проективными предлогами и другими предлогами.

8.6. Общие знания о мире

Под "общими знаниями о мире" ("general world knowledge", Herskovits 1986; Talmy, 1983) понимается та информация о денотативной ситуации, которая не передается значениями слов высказывания говорящего, а дополняется слушающим на основе его собственных представлений о нормальной форме, функционировании и т.д. описываемых предметов. Для обозначения этого понятия также иногда используется термин "фоновые знания" (Шабес, 1989). А.Герсковитс приводит следующий пример, демонстрирующий роль общих знаний о мире в интерпретации употреблений пространственных предлогов. Предложение *The teapot is on the table* интерпретируется как "стол находится на горизонтальной плоскости, ножки стола находятся внизу, чайник поддерживается столом", а не "стол сделан из имбирного пряника, подвешен за ножки к потолку, а чайник приклеен к нему" (Herskovits, 1986: 21). Иными словами, интерпретация отношения между столом и чайником как вертикального зависит не от особенностей значения предлога *on*, а от общих знаний о мире. Таким образом, хотя общие знания о мире и играют важную роль в интерпретации употребления предлога, они не должны включаться в семантическое описание.

Если говорящий предвидит, что общие знания о мире заставят слушающего интерпретировать его высказывание неверно, тогда пространственное отношение между предметами уточняется им с помощью описания их ориентации по отношению к каким-либо своим сторонам (Кобзарева, Лахути, 1971). Например, "афиша на стене" с учетом общих знаний о мире интерпретируется как "афиша прикреплена к вертикальной поверхности стены". Однако, если афиша лежит на горизонтальной верхней плоскости стены, то тоже самое словосочетание будет неприемлемо – необходимо уточнение пространственного отношения: "афиша на торце стены".

Общие знания о мире иногда рассматриваются как прагматический аспект употребления предлога на том основании, что они не зависят от семантики языковых единиц, составляющих предложение (Herskovits, 1986).

8.7. Локус и область предмета

Термин "локус" нами будет использоваться в том же смысле, что и в работах Т.Н.Маляр и О.Н.Селиверстовой (1994, 1998) и М.Е.Всеволодовой и Е.Ю.Владимирского (1982). "Локус" предмета - это тот участок пространства, который непосредственно занимает фигура (например, участок пола, на котором стоит человек). Размеры локуса предмета поэтому равны размерам самого предмета. "Область" предмета соответствует одной из интерпретаций понятия "местонахождение", используемого в работе Т.Н.Маляр и О.Н.Селиверстовой (1998). "Область" - это то пространство, какую-то часть которого занимает объект, явление (например, комната, в которой находится человек). Границы этого последнего пространства могут меняться в зависимости от ситуации (*в комнате - в городе - в стране* и т.д.). Таким образом, локус предмета всегда меньше его области и находится внутри нее.

Если локус предмета является объективным, неизменно наличествующим атрибутом предмета, и поэтому передача информации о его существовании обеспечивается самим фактом названия предмета, то область предмета определяется характером описываемой ситуации и должна быть названа соответствующим предлогом. Например, в предложении *Стоянка альпинистов находится выше этого поселения* наречие *выше* указывает на область фигуры как ограничивающейся лишь воображаемой горизонтальной линией, проходящей через поселение. Именно такое выделение области релевантно для данной ситуации (например, важен факт преодоления данного уровня высоты). Локус фигуры в этом случае остается неизвестным, но его размеры определены существительным *стоянка*.

Если локус фигуры должен быть более точно установлен, то используются предлог или группа предлогов, выделяющих такую область предмета, которая по размерам ограничивается до его локуса. Например, в предложении *Стоянка альпинистов над этим поселением* предлог *над* значительно больше ограничивает область предмета (*стоянка*), максимально приближая ее к размерам его локуса.

Различия в значениях между словами, выделяющими обширную область предмета, и словами, ограничивающими область предмета до его локуса, иллюстративно

демонстрируются результатами исследования семантики пространственных наречий *вдали* и *вдалеке*, а также *вблизи* и *невдалеке*, проведенного О.Н.Селиверстовой и Т.Н.Маляр (1998).

"Наречие "вдали", - пишут авторы, - "указывает на всю ту пространственную полосу, которая примыкает к внешней границе доступного восприятию пространства. ... Напротив, "вдалеке" несет информацию о той части пространства, которую занимает или должен занимать объект, т.е. о локусе X-а, причем его локус не должен быть равен всей полосе пространства, примыкающей к внешней границе." (Селиверстова, Маляр 1998, 53). Иными словами, область предмета, выделяемая наречием "вдали" равна полосе пространства, примыкающей к горизонту, а область предмета, выделяемая наречием "вдалеке" максимально приближается к локусу предмета. Эти семантические признаки обуславливают следующие особенности употребления этих наречий.

Во-первых, только *вдали* (как и *вблизи*), но не *вдалеке*, употребляется при предикатах *светло*, *темно*, *заволокло туманом* и т.д.: *Хотя лагерь еще был окутан туманом, вдали (*вдалеке) совсем просветлело.*

Далее, *вдали* и *вблизи* выбираются, если речь идет о множестве объектов, фактически покрывающих все описываемое пространство: ... *и вблизи, и вдали, - а далеко было видно, хотя глаз многого не понимал из того, что видел, - все покоилось. (*... и вдалеке ... все покоилось).*

Наречия *вдали*, *вблизи* чаще встречаются при указании на незаполненность субъектной позиции, так как в поле наблюдения здесь попадает все пространство: *Ни вдали, ни вблизи никого не было. (*... вдалеке никого не было.)*

Наречия *вдали* и *вблизи* не могут употребляться при других локативах, которые были бы кореферентными с ними, т.е. словами, как и предлог, служащими для уточнения положения фигуры: **Но тут вдали и вверху замигал огонек какой-то лампадки. (ср. ... вдалеке и вверху ...).*

8.8. Расстояние

При описании семантики пространственных предлогов мы пользуемся понятием "расстояние", заимствованным из работы О.Н.Селиверстовой и Т.Н.Маляр (1998).

"Расстояние", как это понятие толкуется авторами, - это присутствующая в семантике пространственных предлогов информация о дистанции между двумя пространственно соотносимыми предметами. Необходимо подчеркнуть, что эта информация является семантической, т.е. передается языковыми средствами и по этой причине имеет свои особенности, отличающие ее от информации об объективной (или "абсолютной") величине расстояния. Поэтому наряду с понятием "расстояние" как элементом семантического языка будет использоваться и понятие "объективное расстояние". Далее будет подробнее охарактеризовано понятие "расстояние" и его отличие от "объективного расстояния".

Главное отличие понятия "расстояние" от понятия "объективное расстояние" заключается в том, что присутствие в семантике слова семантического признака "расстояние" обуславливает возможность его употребления там, где информация об объективном расстоянии входит в ассерцию высказывания. Если же в семантике предлога нет признака "расстояние", то этот предлог не может употребляться в таких высказываниях. В последнем случае информация об объективном пространстве не может быть передана напрямую, а только имплицироваться. Так, признак "расстояние" присутствует в значении наречия *близко*, но отсутствует у предлогов *у*, *около*, *возле*. Это обуславливает следующие ограничения на их употребление в предложении, где информация об объективном расстоянии входит в ассерцию (цель высказывания - показать величину расстояния между фигурой (*она*) и фоном (*меня*): *Она стояла так близко от меня, что ее волосы касались моего лица. (*Она стояла так у (около, возле) меня ...)*.

При употреблении предлогов *у*, *около* и *возле*, как это очевидно, оказывается возможным благодаря их имплицатурной структуре вычислить, что объективное расстояние между двумя предметами было невелико. Однако из этого примера видно, что тем не менее эти предлоги не могут употребляться с целью передачи информации о величине расстояния между предметами. Наречие *близко*, напротив, может употребляться в таких ситуациях, что доказывает факт наличия в его значении компонента "расстояние". Предлоги и наречия вроде *у*, *около*, *возле* как правило используются для описания местоположения ("области" предмета, см. выше). Имплицуемая при их употреблении информация об объективном расстоянии служит для уточнения местоположения предмета. На этом основании, т.е. в зависимости от того, возможно ли при употреблении слова вхождение в ассерцию

высказывания информации об объективном расстоянии или такая информация только имплицитруется, О.Н.Селиверстова и Т.Н.Маляр (1992, 1998) классифицируют различные пространственные предлоги и наречия соответственно как "дистанционные" или "пространственно-дистанционные".

Глава III. Методы семантического исследования пространственной лексики

Ведущим в проведении исследования является гипотетико-дедуктивный метод, применение которого обеспечивает научно обоснованное построение хода исследования: отвечающую задачам исследования формулировку гипотез, их верификацию, анализ полученных результатов и их обобщение. Этот метод обуславливает общее построение хода исследования семантики предлогов: от сбора и анализа фактического материала, через формулировку гипотез о структуре значений предлогов, их верификацию, к созданию их семантических моделей.

1. Метод компонентного анализа

Моделирование структур значений исследуемых предлогов проводится с помощью метода компонентного анализа. Основной идеей компонентного анализа является понимание значения слова как структуры, состоящей из дифференциальных и интегральных компонентов. Дифференциальные и интегральные компоненты значения выявляются путем сопоставления значений слов-ближайших синонимов. Поэтому в настоящем исследовании структура значений предлогов *above* и *over* раскрывается через их противопоставление друг другу, а значение предлога *над* – через его противопоставление значениям предлога *на* и наречия *выше*.

Рассмотрим процедуру определения в значении исследуемых единиц интегральных и дифференциальных компонентов. О.Н.Селиверстова (1980) формулирует следующие условия, в соответствии с которыми каждый признак может быть либо интегральным, либо дифференциальным.

"Признак является дифференциальным, если его составляет информация о дифференцирующем свойстве, представленном по крайней мере в двух вариантах (например, признак пола, распадающийся на два значения женский (мужской), причем информация об отдельных вариантах входила бы в разные означаемые. ... Под интегральным признаком мы

будем понимать элемент информации, общий по крайней мере для двух языковых единиц и принадлежащих к более высокому иерархическому уровню по сравнению с теми элементами значения, по которым эти единицы различаются между собой, т.е. дифференцирующие элементы этих единиц должны быть частными по сравнению с общим элементом значения, их объединяющим." (там же: 288).

В соответствии в этими формулировками, при сопоставлении значений предлогов *above* и *over* интегральным компонентом будет компонент "расположенность фигуры выше фона на вертикальной оси". Задача описания семантики исследуемых предлогов заключается в выявлении их дифференциальных компонентов.

О.Н.Селиверстова (1980) формулирует условия, в соответствии с которыми каждый признак или некоторая совокупность признаков, участвующих в дифференциации значения языковых единиц, могут быть признаны отдельными дифференцирующими компонентами значения.

Первое условие. Если у некоторых языковых единиц выделяется общий для них интегральный признак, то и те признаки, по которым они различаются, также составляют по крайней мере один компонент.

Поскольку не всегда очевидно, образуют ли элементы значения разных языковых единиц дифференциальный признак, разделяющий эти единицы на две подгруппы, отметим следующий критерий неотделимости признака в качестве самостоятельного компонента: если языковые единицы различаются по некоторому признаку *I*, но этот признак является частью более общего признака *G* и не существует таких двух единиц, которые бы различались по *I*, но не по *G*, то признак *I* не выделим в качестве отдельного дифференциального признака.

Второе условие. Если две языковые единицы, имеющие общий интегральный признак, различаются по нескольким дифференциальным признакам, то каждый из этих признаков вычленим при существовании условий нейтрализации других признаков. В противном случае та совокупность элементов, по которым различаются языковые единицы, выступает как целое, которое может составлять определенный образ. Разновидностью второго условия является такой случай, когда отдельные дифференциальные компоненты обычно реализуются в разных контекстах, т.е. они образуют особые варианты значения.

Третье условие. Если две единицы, имеющие общий интегральный признак различаются по многим элементам, причем некоторые из этих элементов одной языковой единицы связаны с элементами другой через наличие общего основания, а остальные элементы принадлежат к более низкому иерархическому уровню и вычлняются в особый компонент в результате соотношения рассматриваемых единиц с некоторыми другими, то вычлняются по крайней мере в один особый компонент и элементы верхнего уровня, причем именно они являются ведущими в различении рассматриваемых единиц.

Четвертое условие. Если в значении двух языковых единиц, имеющих общий интегральный признак, но принадлежащих к разным подгруппам, обнаруживаются элементы, представляющие значение одного дифференциального признака, причем другие различия в определенных условиях могут нейтрализоваться, то данный дифференциальный признак выделяется в особый компонент.

Исходя из предложенного выше обоснования компонентного анализа, вычлнимые части значения, составляющие отдельные компоненты, могут быть результатом слияния нескольких или даже многих признаков. Кроме того, даже в тех случаях, когда языковые единицы различаются только по одному признаку, этот признак может быть результатом сложного обобщения и абстрагирования.

2. Текстовый анализ

Текстовый анализ при семантическом исследовании заключается в определении дистрибуции исследуемого слова, которая в последствии рассматривается как данные о его содержательной стороне. Как отмечают Г.Куйкенс, Д.Сандра и С.Райс (Cuyskens, Sandra, Rice, 1997: 45), анализ значения лексических единиц может проводится путем классификации и сортировки отдельных случаев употребления исследуемой единицы в группы и затем путем соотнесения этих групп друг с другом для составления представления о структуре значения этой единицы. Такой анализ, продолжают авторы, представляется более надежным, нежели использование исследователем своих собственных примеров употребления исследуемой единицы.

В настоящем исследовании текстовый анализ проводился с целью формулировки первоначальных гипотез о структурах значения исследуемых предлогов. Проводился сбор и анализ примеров употребления исследуемых предлогов методом сплошной выборки из аутентичных текстов. Дистрибутивный анализ употребления предлогов в этих примерах был дополнен результатами серии поисковых тестов, что позволило сформулировать гипотезы о структуре значения исследуемых предлогов в виде их дифференциальных компонентов.

3. Экспериментальный метод

В качестве метода выявления семантических компонентов в данном исследовании используется метод лингвистического эксперимента как способа изучения фактов языка в условиях, контролируемых исследователем. Основой применения эксперимента в лингвистике является тезис о единстве теоретического и эмпирического уровней познания. В современной лингвистике термин "эксперимент" не является четким, зачастую исследователи говорят об использовании экспериментальных методов там, где имеет место наблюдение за фактами языка. Объектом эксперимента в лингвистике всегда является носитель языка, порождающий и воспринимающий тексты, выступающий в качестве информанта для исследователя.

Эксперимент в семантических исследованиях широко применяется как в отечественной (Леонтьев, 1971; Василевич, 1987; Сахарный, 1989; Селиверстова, 1975; 1980; Фрумкина, 1974; 1981; 1989; 1982; Шмелев, 1975; Шмелев, 1983; Залевская, 1980; Брудный, 1989; Левицкий, Стернин, 1989; Шабанова, 1998а; Сулейманова, 1986; Норман, 1994 и др.), так и в зарубежной лингвистике (Найда, 1989; Лич, 1989; Frisson et al, 1996; Cuyskens, Sandra, Rice, 1997; Coventry, 1998).

Эксперимент, будучи средством изучения семантики, дающим наиболее объективные результаты, видится как альтернатива методам, широко используемым в структуралистской парадигме, таким как толкование, перефразирование, различные виды трансформационного анализа, а также интроспекции (Фрумкина, 1989). Использование эксперимента особо актуально при изучении неочевидного семантического содержания исследуемой языковой единицы. Необходимо при этом также отметить, что существующие исследования

пространственной лексики, которая несет в себе подобные неочевидные понятия (Шяшкаускене, 1995; Маляр, Селиверстова, 1998; Дудочкина, 1999; Газизова, 1999), изучалась преимущественно методом интроспекции, в том числе в работах, созданных в рамках когнитивной лингвистики (Lakoff, 1987; Brugman, Lakoff, 1988; Herskovits, 1986 и др.)

В настоящее время разработаны различные методики экспериментального исследования семантики лексических единиц, такие как свободная атрибуция признаков значению, номинативный тест, направленное комментирование словоупотребления, интерпретационный тест, контекстуальное перефразирование, заполнение сравнительной конструкции, кластерный анализ, дополнение тестовой фразы, сортировки примеров употребления, генерация "типичных примеров" (Левицкий, Стернин, 1989; Гербек, 1997; Cuyskens, Sandra, Rice, 1997).

В настоящем исследовании такие особенности пространственных предлогов как закрытость этой лексической группы, небольшое число синонимов, наличие в их семантике содержания, редко осознаваемого информантами, обусловили использование экспериментальной методики, разработанной О.Н.Селиверстовой (1975; 1980). Эта методика позволяет, с одной стороны, детально изучить денотативную соотнесенность исследуемых лексических единиц, а с другой – получить надежные результаты верификации гипотез о структурах их значений.

Используемая экспериментальная методика состоит из четырех ступеней, каждая из которых направлена на поэтапную проверку присутствия в значениях предлогов проверяемых компонентов. Присутствие проверяемых компонентов верифицируется через варьирование параметров денотативных сцен, соответствующих этим компонентам, и отслеживание изменений в оценках информантов. На завершающем этапе эксперимента проводится проверка обобщающей способности предлагаемых семантических моделей, т.е. их способности предсказать употребление предлогов для вновь возникающих денотативных ситуаций (подробнее об использованной в настоящем исследовании методике см. раздел 1 четвертой главы).

4. Сопоставительный метод

Сопоставительный метод – это система приемов и методики анализа, используемая для выявления общего (всеобщего) и особенного в сравниваемых языках (Кодухов, 1974).

В последнее время сопоставительные исследования семантики получают интенсивное развитие в связи с их актуальностью, определяемой рядом причин. Во-первых, развитие межнациональных связей, культурных и экономических контактов между народами обуславливает все большее внимание к проблемам изучения языковой картины мира, являющейся "выработанным многовековым опытом народа и осуществляемым средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира ..." (Шведова, 1999: 15). Во-вторых, актуальность таких исследований объясняется неразработанностью вопроса о семантических универсалиях. Традиционно в сопоставительном языкознании главное внимание уделялось сравнению внешних средств языкового содержания, неизученным при этом оставалась содержательная сторона языковых единиц (Васильев, 1999). В-третьих, особое значение сопоставительные исследования семантики, особенно на материале многих разносистемных языков, имеет для когнитивной лингвистики, поскольку такие исследования часто рассматриваются как способные раскрыть важные факты об организации концептуальной системы человека. Кроме того, сопоставительный метод находит применение и в прикладных лингвистических дисциплинах – теории и практике составления двуязычных словарей и перевода, в методике преподавания второго (третьего) языка.

Проблемы языковой номинации и отражения картины мира в языке рассматриваются в коллективных трудах и монографиях многих лингвистов (Б.А.Серебрянников, В.Н.Ярцева, М.М.Маковский, В.Г.Гак, Н.Д.Арутюнова, Е.С.Кубрякова, А.А.Уфимцева, Г.В.Колшанский, В.Н.Телия, Ю.С.Степанов, Т.Н.Булыгина, А.Г.Шмелев, Н.Ю.Шведовой, В.И.Постовалова).

Сопоставительный анализ семантики языковых единиц видится как средство раскрытия их индивидуальных значений – он дает возможность изучить общеязыковые и индивидуально-языковые свойства изучаемых явлений, тем самым более четко обнаружить их специфику.

Важными приемами сопоставительного изучения языков являются приемы установления основания сопоставления и сопоставительная интерпретация.

Основание сопоставления устанавливается при помощи языкового и признакового сопоставления. Прием языкового сопоставления состоит в том, что основой для сопоставления выступает какой-то один язык. Выбор языка – основы сопоставительного изучения – обуславливается либо задачами исследования, либо степенью изученности сопоставляемых языков. Прием признакового сопоставления состоит в том, что основанием для сопоставления избирается какое-либо явление того или иного языка, признаки этого явления.

При сопоставительном исследовании содержательной стороны языковой единицы возможны два подхода: формально-семантический и функционально-семантический. При формально-семантическом сопоставлении основанием сопоставления служат факты и явления материальной стороны языковых единиц, например, морфемы и их категории. При функционально-семантическом сопоставительном изучении основанием сопоставления служат факты и явления идеальной стороны языковых единиц, исследование идет от значения к средствам его выражения. В последнем случае исследование направлено на выявление семантических универсалий и специфику содержательной стороны единиц конкретных языков.

При проведении сопоставительных исследований семантики, отмечает Л.М.Васильев (1999), основанием сопоставлений должны быть семантические и понятийные категории, если исследование имеет некультурологический характер и направлено на изучение языковой семантики. Если исследование ставит целью выявление культурологических особенностей понимания окружающего мира, то основанием сопоставления должны стать когнитивные категории, которые имеют культурный характер.

После установления основания сопоставления исследователь пользуется приемами сопоставительной интерпретации, которые позволяют указать способы проведения сопоставительного анализа, применения приемов обработки материала, его интерпретацию и получение теоретических выводов.

Сопоставительная интерпретация при проведении семантических исследований осуществляется главным образом с помощью методики параллельного изучения, которая

состоит в том, что явления сравниваемых языков изучаются в каждом языке с использованием приемов и методики описательного метода, а полученные результаты сопоставляются.

Глава IV. Семантика английских предлогов вертикальной соположенности *above* и *over* и русского *над*

1. Экспериментальное исследование значений предлогов *above*, *over* и *над*

Моделирование семантики исследуемых предлогов заключается в выявлении тех семантических компонентов, на основании которых этот предлог противопоставляется своим ближайшим синонимам. Поэтому разработка и верификация гипотез относительно дифференциальных компонентов *above* и *over* проводились посредством их противопоставления друг другу. Семантика предлога *над* выявлялась путем его противопоставления предлогу *на* и наречию *выше*.

Для формулировки гипотез о структурах значения исследуемых предлогов был собран и проанализирован текстовый материал. Всего было собрано около 300 примеров употребления предлога *above*, около 300 – *over* и около 200 – *над*. Текстовый материал был дополнен материалом, полученным при проведении поисковых тестов, который представлял собой предложения, построенные самими информантами.

На основе анализа собранного материала были сформулированы гипотезы в виде дифференциальных семантических компонентов, свойственных предлогам *above*, *over* и *над*. Гипотезы формулировались следующим образом. Например, у предлога *above* предполагалось наличие дифференциального компонента "Значительность расстояния между фигурой и фоном". Согласно гипотезе, предлог *above* передает информацию о значительном, несравнимом с размерами фигуры и фона, расстоянии.

*The aeroplane above (*over) him was far off.*

Употребление *over* в этом примере создало бы впечатление о близком расположении фигуры *aeroplane* к фону *him*, о зависании фигуры над фоном. Это противоречило бы общим знаниям о мире (самолет не может "зависнуть" над человеком, находясь на небольшом расстоянии от него), а также значению слова *far*. Предлог *above* же передает в этом случае адекватную информацию о пространственных отношениях между фигурой и фоном.

Были также сформулированы гипотезы о характере функциональных отношений (далее – ФО), влияющих на выбор предлогов. Например, предполагалось, что предлог *over*, в

отличие от *above*, несет в себе информацию о том, что один предмет является источником тепла, распространяющегося на другой предмет:

*I held the plastic over (*above) the match so as to melt it.*

Гипотезы были направлены на уточнение существующего понятия "ФО", использованного уже в семантических описаниях О.Н.Селиверстовой, Т.Н.Маляр, К.Ковентри, М.Орнаю, Л.Вье, Ф.Джонсона-Лейрда и др., для описания семантики исследуемых предлогов.

1.1. Характер задания

Сформулированные гипотезы верифицировались с помощью экспериментальной методики. В ходе эксперимента испытуемым предлагалось оценить употребление предлогов в отобранных для теста примерах по пятибалльной шкале (5 – "употребление предлога полностью приемлемо", 1 – "совершенно неприемлемое употребление"). На каждом этапе эксперимента информанты оценивали около 50 предложений в течении 30 минут (пример опросника – см. приложение 3.). Затем следовало интервьюирование, в ходе которого информантам предлагалось прокомментировать свои оценки. Интервьюирование проводилось для уточнения правильности понимания предложения и получения новых сведений о семантике предлогов, которые возможно оказались неучтенными при составлении гипотез.

1.2. Материал эксперимента

Материал исследования представлял собой примеры употребления предлогов, взятые из аутентичных текстов (иногда эти примеры редактировались, чтобы облегчить понимание информантами предложений), а также примеры употребления предлогов, предложенные информантами в ходе поисковых тестов (список литературных произведений, из которых собирались примеры употребления, см. приложение 1).

1.3. Информанты

"Одна из главных особенностей лингвистического эксперимента," – пишет О.Н.Селиверстова (1980: 307), – "состоит в том, что лингвистическое явление воспроизводит человек, носитель языка, носитель языка (информант) может также оценить правильность - неправильность воспроизведения языковой единицы кем-либо. Иными словами, человек является тем инструментом, который создает явление и тем прибором, который его регистрирует... Проведение эксперимента опирается не только на знание испытуемым языка, но и на его знание, умение воспринимать и осознавать мир, а также на его знание и использование логики". Поэтому, отмечает автор, предпочтительнее выбирать информантами аспирантов, научных сотрудников, преподавателей, редакторов и т.д.

Для обеспечения точности результатов, по мнению О.Н.Селиверстовой, в исследовании должно участвовать 12-15 информантов. Исследование О.А.Сулеймановой (1986) показало, что для верификации гипотезы о значении слова достаточно участие 8 информантов и увеличение его числа выше этой цифры не оказывает существенного влияния на результат эксперимента. Т.Д.Шабанова (1998а) считает достаточным участие в эксперименте 15 информантов.

В качестве информантов в экспериментах на материале русского выступали 26 студентов и аспирантов факультета иностранных языков БГПУ. В качестве информантов в экспериментах на материале английского языка выступали 15 граждан США и Великобритании, среди которых – главным образом лица с высшим образованием: преподаватели, бизнесмены, журналисты.

1.4. Интерпретация данных

При интерпретации результатов эксперимента выяснялось предпочтение одного предлога другому в одной и той же денотативной ситуации. Оно расценивалось нами как подтверждение наличия у него проверяемого семантического компонента и его отсутствие у другого предлога. Одинаковые оценки, проставленные обоим предлогам, употребленным в одной и той же денотативной ситуации, независимо от их конкретного показателя,

свидетельствовали об отсутствии проверяемого дифференциального компонента в структурах обоих предлогов, либо об отсутствии этой семантики в личном языковом коде информанта.

Присутствие компонента в семантической структуре предлога считалось доказанным, если оно подтверждалось в 80 процентах от общего числа предложений, в которых проверялся этот компонент.

1.5. Ход экспериментального исследования

Экспериментальное исследование состояло из четырех этапов. В ходе эксперимента проверялась "лексическая солидарность" между предлогом и его окружением. Задача первого этапа заключалась в проверке пригодности самих предложений, предлагаемых для оценки, для использования в тестах. Здесь необходимо было определить, однозначно ли осмысливаются информантами денотативные ситуации этих предложений, так как в некоторых случаях могут возникать несовпадения в ответах информантов, вызванные двусмысленностью самих предложений. Например, один из информантов оценил употребление предлога *over* как "совершенно верное" в предложении *There were two sketches on the wall, one over the other*. Свою оценку он объяснил тем, что *over* в этом предложении будет означать, что рисунки были наложены друг на друга. Однако исследователь предполагал, что это предложение будет означать, что рисунки были расположены один над другим. Остальные информанты, осмыслив это предложение в соответствии с ожиданием исследователя, выставили ему низкие оценки.

Второй этап эксперимента проводился одновременно с первым. На этом этапе проверялось, действительно ли предложения тестов передают информацию, соответствующую предполагаемым компонентам значения предлогов. Если ответы информантов подтверждали, что некоторое предложение несет в себе проверяемую информацию, то это говорило о пригодности этого предложения для дальнейшей работы над ним. Если в некотором предложении информанты воспринимали иную, не соответствующую предполагаемым компонентам значения информацию, то это свидетельствовало о присутствии в структуре предлога некоего семантического компонента, наличие которого не

предполагалось в предварительных гипотезах. Таким образом, на этом этапе осуществлялась не только проверка наличия у предлогов предполагаемых дифференциальных компонентов, но и поиск еще не обнаруженных.

После того как анализ результатов тестирования на этом этапе показал наличие в семантических структурах предлогов дополнительных дифференциальных компонентов, в гипотезы был внесен ряд изменений – была изменена формулировка некоторых гипотез.

Задача третьего этапа заключалась в установлении зависимости употребления предлога от изменения параметров денотативной ситуации. После того как было выяснено, что в предложениях тестов действительно имеется проверяемая информация о дифференциальных компонентах, необходимо было доказать, что эта информация есть вклад именно анализируемого предлога, а не лингвистического контекста. Чтобы показать, что передача информации о каком-либо признаке денотативной ситуации однозначно зависит от употребления данного предлога, проводилось экспериментирование с денотатом – он изменялся по некоторому параметру таким образом, чтобы потерять свойство, соответствующее предполагаемому компоненту значения предлога. Например, если в целом предложение *He pulled his cap down over his eyes* было признано информантами приемлемым, исследователь верифицировал гипотезу о том, что в значении *over* присутствует компонент "Цель движения фигуры вниз", путем изменения соответствующего признака денотата. Для этого информантам предлагалось оценить предложение *He pulled his cap up over his eyes*. Если изменения в оценках этого предложения обнаружено не было, то гипотеза считалась опровергнутой, а если оценки приемлемости понижались, то гипотеза считалась верифицированной.

При тестировании информантов на третьем этапе было получено некоторое количество ответов, опровергающих первоначальные гипотезы. Поэтому возникла необходимость выяснить, чем были вызваны эти отрицательные результаты. Здесь можно выделить три основные причины:

Во-первых, отрицательные результаты, если их количество невелико, могут быть вызваны отсутствием в языковом коде отдельных информантов проверяемого семантического компонента для данного предлога.

Во-вторых, отрицательный ответ может объясняться тем, что в данной ситуации для информанта больший вес будет иметь некий другой признак денотата, а не соответствующий проверяемому компоненту значения предлога.

В-третьих, отрицательный результат может быть вызван влиянием конфигуративных признаков на употребление предлога. В таких случаях, даже если денотат осмыслен в соответствии с ожиданием исследователя, информанты оценивали предложение как “незвучащее”.

При проведении эксперимента может возникнуть ряд сложностей:

Во-первых, трудно установить, действительно ли контекст изменяется по одному данному признаку.

Во-вторых, трудно показать, что алогичность полученного высказывания обусловлена именно проверяемой информацией, а не каким-то компонентом, который остался не выявленным.

В-третьих, алогичность высказывания может быть следствием конфигуративного, а не проверяемого смыслового признака.

Эти трудности могут быть преодолены с помощью использования большого количества примеров употребления-неупотребления исследуемой единицы: если, изменяя самые разнообразные контексты таким образом, чтобы они противоречили проверяемой информации, исследователь каждый раз получает неправильные, алогичные высказывания, то можно с большой вероятностью утверждать, что проверяемая информация входит в значение проверяемой единицы.

Задача четвертого этапа состояла в проверке достаточности выделенных компонентов значения для предсказания возможности/ невозможности их употребления в иных денотативных ситуациях, а также в выявлении возможных дополнительных компонентов значения предлогов.

Для этого были составлены новые тесты, предложения которых были сконструированы таким образом, чтобы определенные на третьем этапе признаки денотата, соответствующие компонентам значения предлогов, предопределяли употребление того или иного предлога.

Положительные оценки, проставленные этим предложениям, свидетельствовали о том, что определенная на третьем этапе закономерность носит не частный, а обобщающий характер, т.е. распространяется на все случаи употребления предлогов в подобных денотативных ситуациях. Полученные результаты дали также основание полагать, что данное семантическое описание полно, т.е. в семантических структурах предлогов не осталось не выявленных компонентов.

2. Семантика предлогов *above* и *over*

2.1. Функциональные отношения

В ходе экспериментального исследования был уточнен характер функциональных отношений, обозначаемых предлогами *above* и *over*. Под понятием "функциональные отношения" при описании значений предлогов *above* и *over* понимается информация о реальных или ожидаемых действиях одного предмета, имеющих последствием изменение каких-либо характеристик другого предмета. Эти характеристики могут быть как физическими (изменение формы, целостности, температуры и т.д. предмета), так и функциональными (наделение или лишение предмета какой-либо функции).

Исследование показало, что предлог *over* сообщает о наличии ФО между фигурой и фоном, а предлог *above* – об отсутствии ФО между фигурой и фоном. Рассмотрим подробнее эту информацию в значениях этих предлогов.

Во-первых, *over* может передавать информацию о том, что фигура выступает в роли агенса некоего действия, производимого в описываемый момент времени, а фон - в роли актанта этого действия. Предлог *above*, напротив, несет информацию об отсутствии или невозможности установления такого воздействия фигуры на фон. Например:

- (1) *He held the candle over the basket for her to see the puppies. (*He held the candle above the basket for her to see the puppies).* (Steinbeck.)
- (2) *The doctor bent over the sick child. (*The doctor bent above the sick child.)* (OED)
- (3) *The defensemen can't do anything, Blake is still all over the puck. (*... Blake is still all above the puck.)*

Во всех трех предложениях передается информация о некоем эффекте, который оказывает фигура на фон: свеча освещает корзину в (1), врач осматривает больного ребенка в (2), игрок контролирует шайбу в (3). Поскольку ведущими в дифференциации предлогов *above* и *over* являются их соответствующие признаки "Отсутствие ФО" и "Наличие ФО", замена одного предлога на другой обуславливает либо иную интерпретацию предложения, либо неприемлемость такой замены. Так, при замене *over* на *above* предложение (1) становится "плохо звучащим", т.е. получает более низкие оценки информантов. Предложения (2) и (3) после замены *over* на *above* совершенно отвергаются информантами, поскольку при употреблении *above* будет восприниматься функциональная "независимость" врача и больного в (2), игрока и шайбы в (3), что противоречит "общим знаниям о мире", т.е. наиболее вероятной интерпретации этих предложений.

Агентом действия, протекающего в описываемый момент времени, может выступать и фон, а его пациенсом, соответственно, фигура:

- (4) *A kettle steaming over the fire. (*A kettle steaming above the fire.)* (London.)
- (5) *They say it is hazardous to stand over this crater because of its poisonous evaporations. (*They say it is hazardous to stand above this crater because of its poisonous evaporations.)*
- (6) *He melted the plastic by holding it over a candle. (*He melted the plastic by holding it above a candle.)*

В этих предложениях, напротив, фон оказывает влияние на фигуру - костер на чайник в (4), газы кратера на людей в (5), огонь свечи на пластиковый предмет в (6). Присутствующая в предложении информация о взаимодействии между предметами (*steaming* в (4), *hazardous, poisonous* в (5), *melted* в (6)) противоречит значению *above* и поэтому не позволяет замену *over* этим предлогом. Если же контекст предложения не указывает на взаимодействие между предметами, то употребление *above* возможно:

- (7) *The kettle is above your head.*
- (8) *The bird is above the mountain peak.*

Чтобы подчеркнуть отсутствие взаимодействия между предметами в предложениях (7) и (8) слова *fire* и *crater* были заменены на другие, поскольку концепты "огонь" и "кратер" сами по себе обычно ассоциируются с тепловой энергией, исходящей от них вверх.

Во-вторых, предлоги могут передавать информацию о такой функциональной зависимости между ними, когда один предмет представляется как защищающий другой предмет от какого-либо влияния извне:

(9) *He carefully held his hat over (*above) the candle to protect it from the rain.*

(10) *The fog over (*above) the river prevented detection from airplanes.*

В (9) фигура *hat* защищает фон *candle* от дождя, в (10) фигура *fog* защищает фон *river* от обнаружения сверху.

В-третьих, рассматриваемые предлоги передают информацию о таком влиянии одного предмета на другой, которое необязательно осуществляется в текущий момент времени – оно может в действительности отсутствовать, один же из предметов лишь обладает потенциалом в самый короткий промежуток времени установить такое влияние. Дж.Миллер и Ф.Джонсон-Лейрд (Miller, Johnson-Laird, 1976) для обозначения такой информации в своем описании лексемы "стол" использовали термин "функциональный потенциал".

(11) *A sword suspended over Damocles' head. (*A sword suspended above Damocles' head.)*

(Пример из (Lindkvist, 1972))

(12) *A dark stormy cloud over the village. (?A dark stormy cloud above the village.)* (OED)

В этих предложениях *over*, в отличие от *above*, сообщает о возможности падения меча на голову Дамокла (11), дождя на деревню (12). Это особо очевидно иллюстрируется предложением (12) - при замене *over* на *above* информанты замечали, что грозовая туча необязательно находилась над деревней, а могла быть в отдалении от нее. Предлог *over* не может быть употреблен, если дополнительный контекст эксплицитно указывает на невозможность мгновенного установления ФО между тучей и деревней:

(13) **We see a dark stormy cloud over the village. If the wind remains strong, in about an hour it will pour on the village. (We see a dark stormy cloud above the village. If the wind remains strong, in about an hour it will pour on the village.)*

Присутствующая в этом предложении информация о невозможности мгновенного установления ФО между фигурой и фоном ("*If the wind remains strong, in about an hour...*") не позволяет употребить *over*. Заметим, что *above* в этом же контексте вполне употребим, что

свидетельствует о способности этого предлога передавать информацию об невозможности, отсутствии ожидания ФО между предметами.

В-четвертых, как ФО между предметами рассматриваются такие отношения между предметами, когда между предметами нет действительного физического взаимодействия, подобное взаимодействие не ожидается, но один из предметов ассоциируется с каким-то его типичным использованием, которое способно оказать влияние на другой предмет. Подчеркнем, что типичная функция предмета может остаться нереализованной и не иметь потенциала быть реализованной

(14) *Clutching a limb of a tree, the monkey was hanging head-down over the fruit, but still could not reach it.*

(15) *He held the plastic over the candle, but it would not melt.*

Хотя в этих предложениях эксплицитно указывается на невозможность установления ФО между фигурой и фоном (обезьяна не может достать фрукт в (14) и пластмассовый предмет не плавится от огня (15)), употребление *over* возможно, поскольку знания о типичных функциях предметов (огонь свечи, обезьяна) обуславливают ожидание установления ФО в этих ситуациях.

Отметим, что подобные результаты дало исследование предлогов *in*, *on* и *over* К.Ковентри (1994), продемонстрировавшее, что знания о типичных функциях предмета могут доминировать над знаниями о его функции в конкретной ситуации. Исследователь, исходя из гипотезы, что *in* и *over* не употребляются для описания "нефункциональных" ситуаций, тем не менее регистрировал предпочтение испытуемых описывать именно с помощью этих предлогов сцены, где типичная функция предмета была "заблокирована". Например, блокировка действительного физического взаимодействия между предметами демонстрировалась в сценах, где вода из стакана лилась на чашу, закрытую крышкой. Несмотря на это испытуемые К.Ковентри предпочитали предлог *over* для описания этих сцен: *a glass over the bowl*. Влияние знаний о типичной функции предмета демонстрируются и серией опытов, при которых одна и та же сцена описывалась с помощью разных предлогов в зависимости от того, как называются предметы, а следовательно и какая их функция ожидается: *an apple on the plate* и *an apple in the bowl*. Использование в этих предложениях слова *plate* говорит о ожидании того, что сосуд будет лишь служить опорой для некого

предмета, а использование *bowl* – что сосуд будет ограничивать положение содержимого с пяти сторон. Похожие наблюдения о влиянии знаний о стереотипичной функции предмета на употребление пространственных предлогов приводятся и в работах А.Герсковитс (Herskovits, 1986; 1988) и К.Ванделуаза (Vandeloise, 1988).

В-пятых, ФО могут носить психосоциальный характер, т.е. быть такими отношениями, при которых один их участник вызывает в другом какое-либо эмоциональное состояние – любовь, страх, спокойствие и т.д. Как и в случае с действительным физическим влиянием, как фигура, так и фон может быть и агенсом, и актантом такого действия:

(16) *She stood menacingly over Jean. (*She stood menacingly above Jean.)* (Armstrong.)

(17) *She felt some unusual comfort to stand over the cradle. (*She felt some unusual comfort to stand above the cradle.)*

Если в (16) фигура *she* вызывает эмоции страха у фона *Jean*, то в (17), наоборот, фон *cradle* является источником эмоций фигуры *she*. Как и в предыдущих примерах, *over* не может быть заменен на *above*, что противоречит присутствующей в предложениях информации о психосоциальном влиянии одного предмета на другой (*menacingly* в (16) и *comfort* в (17)).

2.2. Семантические компоненты предлога *above*

Результаты экспериментального исследования показали, что в значении предлога *above* присутствуют следующие дифференциальные компоненты.

1. "Отсутствие ФО между фигурой и фоном".

Функциональные отношения, обозначаемые этим предлогом могут быть самого различного типа (см. раздел 2.1). Понятие "Отсутствие ФО", по-видимому, соответствует в каких-то отношениях понятию "инобытие", используемому Е.С.Яковлевой (1990) для семантического описания наречия *далеко*. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих присутствие признака "Отсутствие ФО фигурой и фоном" в значении *above*:

(18) *Measured footsteps thumped down above them. (*Measured footsteps thumped down over them.)* (Bennett.)

(19) *... she held edges of her skirt above water so as not soak it. (*... she held edges of her skirt over water so as not soak it.)* (Eliot.)

(20) ... *but as he struck upward, his weapon raked only thin air, for the ape-man had sprung lightly aloft with a catlike leap that carried him above the threatening horn ...* (*...a catlike leap that carried him over the threatening horn ...) (Burrough.)

В (18) фигура *footsteps* не имеет ФО с фоном *them* – шаги звучат на некотором расстоянии от людей. При употреблении в этом же предложении *over* будет передаваться информация о том, что фигура вступает в ФО с фоном. В (19) фигура *skirt* находится на таком расстоянии от фона *water*, чтобы на нее не попала вода, т.е. чтобы предметы не вступили в ФО. Предлог *over* в этом же предложении непримелем, поскольку осознанное ("*she held ... so as ...*") установление ФО между фигурой и фоном представляется неестественным и, кроме того, противоречит информации о желании девушки недопустить попадание воды на юбку ("*so as not soak it.*"). В (20) между фигурой *him* и фоном *horn* также отсутствуют ФО, на что эксплицитно указывается в предложении ("*his weapon raked only thin air*"). При замене *above* на *over* будет воспринята информация о том, что фигура и фон вступили в ФО, т.е. человек оказался раненным.

Экспериментальное исследование показало, что употребление предлога *above* зависит от присутствующей в предложении информации о различных типах вертикального движения фигуры. В соответствии с этим выделяются следующие компоненты этого предлога (в дальнейшем, все компоненты предлогов, отражающие объективно присутствующие признаки денотата, такие как расстояние между предметами, ориентация предметов, размеры областей фигуры, различные типы их движения, и противопоставляющиеся функциональным признакам денотата, будут именоваться геометрическими).

2. "Цель движения фигуры вверх от фона".

При выделении области фигуры после ее происходящего или завершеного движения, мы находим удобным пользоваться введенными структуралистами понятиями "источник", "путь" и "цель" (Source, Path, Goal; см., например, Bennett, 1975, Jackendoff, 1990), которые описывают область фигуры как, соответственно, начальный пункт, траекторию и конечный пункт ее перемещения.

Предлог *above* обозначает цель – конечную точку движения фигуры – вверх от фона:

(21) *The balloon rose up above the town* (**The balloon rose up over the town.*)

(22) *He raised his cap above his eyes* (**He raised his cap over his eyes.*)

В (21) и (22) предлог означает конечную точку движения фигуры (*balloon* в (21) и *cap* в (22)) вверх (*rose up* и *raised*, соответственно) от фона (*town* и *eyes*, соответственно).

Отметим неприемлемость употребления этого предлога для описания движения вниз по вертикальной оси по направлению к фону, т.е. в нем отсутствует компонент "Цель движения вниз к фону", присутствующий у предлога *over*:

(23) **He pulled his cap down above his eyes. (He pulled his cap down over his eyes.)*

(24) **The lamp was pulled low above her desk. (The lamp was pulled low over her desk.)*

3. "Источник движения фигуры вниз к фону".

Предлог *above* способен обозначать начальную точку движения вниз к фону:

(25) *A meteorite falling from above us... (*A meteorite falling from over us...)*

(26) *He grasped the lamp above his sheets and pulled it down towards them. (*He grasped the lamp over his sheets and pulled it down towards them.)*

В этих предложениях предлог означает начальную точку (*from* в (25) и место действия, предшествующего движению вниз в (26)) движения фигуры (*meteorite* в (25) и *lamp* в (26)) вниз (*falling* и *pulled it down*, соответственно) к фону (*us* и *sheets*, соответственно).

Предлог *above* не употребляется в предложениях, где необходимо указать начальную точку движения фигуры вверх от фона, т.е. в его значении отсутствует признак "Источник движения фигуры вверх":

(83) **Richard removed his axe from above John's head. (Richard removed his axe from over John's head.)*

(84) **He removed the lamp from above his sheets. (He removed the lamp from over his sheets.)*

4. "Выбор эгоцентрической системы координат (СК) описания положения предметов".

Предлог *above* используется при описании положения предметов в эгоцентрической СК, т.е. когда фигура локализуется не на вертикальной оси фона, а относительно вертикальной оси наблюдателя. Поэтому при описании положения предметов в этой СК фигура может в действительности находиться на значительном удалении от фона, точка зрения наблюдателя всегда определена, все три предмета – наблюдатель, фигура и фон – находятся на одной горизонтальной линии. Функциональный аспект сцены остается без внимания, важен только факт фиксации их локусов наблюдателем.

При использовании эгоцентрической системы координат для описания положения предметов предлог *above* обычно сочетается с глаголами зрения типа *to see, to look at, to discern, to notice, to fix one's eyes on*, а также с глаголами, описывающими появление предмета в поле зрения наблюдателя: *to appear, to show* и т.д.

(27) *He was a very tall man and whenever he happened to be in the crowd his head was always above other peoples'. (*He was a very tall man and whenever he happened to be in the crowd his head was always over other peoples'.)*

(28) *Even from this long distance the tops of the oil rigs were still seen above the hills. (*Even from this long distance the tops of the oil rigs were still seen over the hills.)*

В обоих предложениях фигура (*head* в (27) и *tops of the oil rigs* в (28)) представляется как находящаяся выше фона (*other peoples' (heads)* в (27) и *hills* в (28)), но не на его оси, а на оси "голова - ноги" наблюдателя, чья точка зрения имплицитно как находящаяся не некотором отдалении от описываемой сцены. Описание этой же сцены с помощью *over*, который употребляется только при использовании относительной СК, обусловило бы восприятие информации о локусе фигуры на вертикальной оси фона, что совершенно не может соответствовать реальному положению вещей.

Предлог *above* может употребляться для описания положения предметов в эгоцентрической СК только в том случае, если эта СК совпадает с абсолютной СК, т.е. вертикальная ось наблюдателя совпадает с осью земного притяжения. Если такого совпадения этих систем координат нет, то *above* употребляться не может:

(29) **Lying on his side the man pointed to a screw-driver placed on the floor next to the hammer and said: "Pass me the screw-driver, it's above the hammer."*

(30) **As he was lying on his side, the ball appeared to him as being above the chair.*

В этих предложениях хотя и фигура (*screw-driver* в (29) и *ball* в (30)) находится на вертикальной оси наблюдателя, тем не менее наблюдатель не использует предлог *above*, поскольку эгоцентрическая СК в этом случае противоречит абсолютной. Вместо *above* употребляются предлоги и наречия, описывающие локус фигуры как располагающийся в горизонтальной плоскости, параллельной земле: ... «*Pass me the screw-driver, it's next to (near, to the left of, to the right of) the hammer.*»; ... *the ball appeared to him as being it's next to (near, to the left of, to the right of) the chair.*

5. "Наличие расстояния между фигурой и фоном".

Понятие "расстояние", используемое здесь, обозначает не объективно наличествующее расстояние между предметами, а лишь ее концептуализацию говорящим как ситуационно выделенной части сцены. Информация о расстоянии в этом случае входит в ассерцию высказывания, т.е. расстояние между предметами видится как важная информация для понимания всего смысла высказывания (подробнее о понятии "расстояние", см. раздел 8.8 второй главы).

Присутствие этого компонента в значении предлога *above* обуславливает следующие особенности его употребления.

Предлог *above* употребляется со словами, обозначающими большое, значительное расстояние между предметами, такими как *high, far* и т.д.:

(31) *A balloon far off above us. (*A balloon far off over us.)*

(32) *One after another the brave fellows, holding their colors high above their heads ... (*One after another the brave fellows, holding their colors high over their heads...)* (Burroughs.)

В (31) и (32) локус фигуры (*balloon* и *colors*) видится как находящийся на значительном расстоянии (*far off* и *high*) над фоном (*us* и *heads*).

Предлог *above* может сочетаться со словами, выражающими величину объективного расстояния между предметами, такими как *a little, slightly, twelve floors, seventy feet* и т.д. Присутствие этих слов в предложении говорит о направленности внимания говорящих на расстояние между предметами. Это расстояние может быть сколь угодно малым, цель таких высказываний – лишь проинформировать о наличии расстояния между предметами и указать ее величину. Например:

(33) *... she did what she had very often done before—stuck the rose in her hair a little above the left ear. (*... she did what she had very often done before—stuck the rose in her hair a little over the left ear.)* (Eliot.)

(34) *He had a scar slightly above his eyebrow. (*He had a scar slightly over his eyebrow.)*

(35) *The balloon was already seventy feet above the lawn. (*The balloon was already seventy feet over the lawn.)*

При описании расстояния между фигурой и фоном фон часто представляется как уровень или ориентир для определения вертикального расстояния между ним и фигурой. В

таких случаях фон обычно означаетя словами *horizon, longitude, sea level, sea, clouds, ground, mark, notch* и т.д.:

(36) *In the summer the river usually dried up and did not run above ground at all. (*In the summer the river usually dried up and did not run over ground at all.)* (Steinbeck.)

(37) *Keep your head above water, or you will flounder badly. (*Keep your head over water ...)*
(Пример из (Lindkvist, 1972))

(38) *There was a hard layer of clay above the ore. (? There was a hard layer of clay over the ore.)*

Отметим при этом, что между фигурой и фоном может присутствовать контакт (см. (36) и (38)), что говорит о нерелевантности этого признака для дифференциации *above* и *over* в значении, типично трактуемого в словарях как "so as to cover".

Таким образом, семантическое содержание, присутствующее в значении предлога *above* и обозначаемое в настоящей работе как "расстояние", во многом соответствует понятию "расстояние", использовавшемуся О.Н.Селиверстовой и Т.Н.Маляр (1998) для описания семантики таких английских и русских наречий как *far, near, далеко, близко*, которые также сообщают о концептуализации расстояния между предметами. Существует, однако, ряд таких сочетаемостных характеристик этих наречий, которые нетипичны для *above*. Так, например, хотя *above* может сочетаться со словами, выражающими степень удаленности/приближенности одного предмета к другому, такими как *a little, slightly* и т.д., он не может употребляться со словами вроде *very, so, quite, relatively* и т.д. Это говорит, по-видимому, о том, что концепт "расстояние" не является доминирующим в значении *above*, в отличие от этих наречий; *above* способен также передавать информацию о той части пространства, в котором находится фигура (ср. компоненты "Обширная область фигуры", "Описание локуса фигуры"). Таким образом, предлог *above*, очевидно, сочетает в себе характеристики как дистанционных, так и пространственно-дистанционных слов, описанных О.Н.Селиверстовой и Т.Н.Маляр.

6. "Фигура концептуализируется как точка"

Употребление предлога *above* говорит о том, что размеры фигуры представляются говорящим как несравнимо меньшие, чем размеры фона.

(39) *She fixed her eyes on a point above the crowd. (*She fixed her eyes on a point over the crowd.)*

(40) *There was some insect on the ceiling above the table. (*There was some insect on the ceiling over the table.)*

В этих предложениях размеры фигуры (*point* в 39 и *insect* в 40) несравнимо меньше размеров фона (*crowd* в 39 и *table* в 40), фигура видится как точка (ср. неприемлемость употребления в этих предложениях *over*, который, напротив, передает информацию об обширных размерах фигуры).

7. "Обширная область фигуры"

При употреблении предлога *above* область фигуры, т.е. та часть пространства, где адресат речи ожидает локализовать ее (об этом понятии, см. раздел 8.7. второй главы), мало ограничена. По этой причине употребление одного лишь этого предлога недостаточно для того, чтобы установить локус фигуры. Для максимально определенной локализации предмета предлог *above* используется вместе с другими, кореферентными пространственными предлогами и наречиями (см. ниже). Присутствие в значении *above* этого компонента обуславливает следующие особенности его сочетаемости.

Предлог *above* может сочетаться со словами и словосочетаниями, указывающими на то, что локус фигуры неизвестен говорящему, т.е. такими как *somewhere, anywhere, anyplace*:

(41) *He seemed to hear some female chatter somewhere above him. (*He seemed to hear some female chatter somewhere over him.)* (Armstrong.)

(42) *The enemy may appear anyplace above you, so watch it! (*The enemy may appear anyplace over you, so watch it!)*

В этих предложениях область фигуры видится как обширная, локус предмета установить сложно.

Предлог *above* может сочетаться со словами, указывающими на незаполненность той части пространства, где ожидается расположение фигуры, т.е. когда фигура описывается с помощью таких местоимений как *nobody, nothing, no, nowhere*:

(43) *There are no settlements above this camp. (*There are no settlements over this camp.)*

(44) *There is no sense in looking for archeological evidence above this village. (*There is no sense in looking for archeological evidence over this village.)*

В 43 передается информация об обширной области фигуры – отрицается возможность обнаружения фигуры *evidence* не в конкретном месте, а в обширной части пространства.

Предлог *above* может употребляться в тех случаях, когда фигурой выступает некая аморфная сущность, локус которой невозможно установить с достаточной степенью определенности, т.е. с такими словами как *air, mist, darkness, daylight*:

(45) *He was aware that it was already daylight above him. (*He was aware that it was already daylight over him.)*

(46) *The air above the mountains was very humid. (*The air over the mountains was very humid.)*

8. "Описание локуса фигуры"

Несмотря на то, что предлог *above* выделяет обширную область фигуры, этот предлог используется в ситуациях, где стоит задача максимально точно описать локус фигуры. Для максимального определения пространства, где может находиться локус фигуры, *above*, как правило, употребляется с кореферентными словами, т.е. словами, которые, как и *above*, служат для описания локуса одного и того же предмета.

(47) *To the right of the lamp, just above the trunk she noticed a crack between the planks of the roof. (? To the right of the lamp, just over the trunk she noticed a crack between the planks of the roof.)*

(48) *... an immense inner chamber which towered from the first floor, two stories below me, to the dome-like roof of the building, high above my head. (Burrough.)*

В (47) локус фигуры *crack* описывается с помощью дополнительных, кореферентных пространственных предлогов *to the right* и *between*. Предлог *over* в подобных контекстах не употребляется, по-видимому, потому, что этот предлог сам по себе описывает локус предмета с достаточной степенью определенности – фигура всегда находится в непосредственной близости над фоном. В (48) локус фигуры ("*an immense inner chamber ... to the dome-like roof*") вычисляется из всего контекста – для точного установления локуса верхнего края камеры, находящейся внутри другого помещения, достаточно лишь указать на какой высоте от наблюдателя он находится.

Реализация этого семантического компонента предлога *above* оказывается связанной с реализацией ряда других его семантических компонентов.

Поскольку *above* несет в себе компонент "Описание локуса фигуры", то этот предлог часто употребляется в предложениях, где описывается, как наблюдатель заметил, разглядел

один предмет над другим (см. (27), (28)). Другими словами, компонент "Описание локуса фигуры" часто реализуется одновременно с компонентом "Выбор эгоцентрической СК".

При употреблении *above* локус фигуры может уточняться и с помощью слов и словосочетаний, указывающих на величину расстояния между фигурой и фоном, такими как *slightly, two inches, one meter* и т.д. (см. (33), (34), (35)), тем самым реализовываясь одновременно с компонентом "Наличие расстояния между фигурой и фоном".

9. "Вертикальная ориентация фигуры и/или фона"

Предлог *above* употребляется в тех случаях, когда либо фигура, либо фон, либо оба предмета одновременно своими большими сторонами располагаются параллельно оси земного притяжения.

(49) *All the windows above the tenth floor were on fire. (?All the windows over the tenth floor were on fire.)*

(50) *The lower half of the walls was paneled up and above the panels the walls were painted blue. (*The lower half of the walls was paneled up and over the panels the walls were painted blue.)*

(51) *During the match we sat above the main entrance to the stadium. (*During the match we sat over the main entrance to the stadium.)*

В (49) фигура *all the windows* (при интерпретации этого словосочетания как "окна всех этажей выше десятого этажа") простирается вертикально над фоном *the tenth floor*. Употребление *over* в этом же предложении возможно только в том случае, если словосочетание *all the windows* понимается как "окна только одного этажа над десятым", т.е. если фигура не ориентирована вертикально. В (50) и фигура *panels*, и фон *walls* ориентированы вертикально. В (51) только фон *the main entrance to the stadium* ориентирован вертикально.

2.3. Семантические компоненты предлога *over*

Результаты экспериментального исследования показали, что в значении предлога *over* присутствуют следующие дифференциальные компоненты.

1. "Наличие ФО между фигурой и фоном".

Функциональные отношения, обозначаемые этим предлогом могут быть самого различного типа (см. раздел 2.1). Приведем несколько примеров, иллюстрирующих присутствие этого признака в структуре значения этого предлога.

(52) ... *a roaring fire over which he thawed his face from the ice.* (*... *above which he thawed his face from the ice.*) (London.)

(53) *She bent over the mushroom to pick it up.* (**She bent above the mushroom to pick it up.*)

(54) ... *she saturated a handkerchief and held the cloth over Faye's nose and mouth.* (*... *she saturated a handkerchief and held the cloth above Faye's nose and mouth.*) (Steinbeck.)

Контексты этих предложений, передающие информацию о наличии ФО между предметами – "*a roaring fire*" и "*thawed his face from the ice*" в (52) сообщают о нагревании одного предмета другим, "*to pick it up*" в (53) сообщает о физическом воздействии одного предмета на другой, в (54) описывается сцена приведения в чувство упавшей в обморок с помощью платка, смоченного нашатырным спиртом. Присутствие этой информации обуславливают большое число высоких оценок употребления в этих предложениях предлога *over*, и низких – предлога *above*.

Как и предлог *above*, предлог *over* может употребляться для обозначения положения фигуры до или после ее перемещения в различных направлениях.

2. "Цель движения фигуры вниз к фону"

Предлог *over* употребляется для обозначения конечной точки движения фигуры вниз к фону (при этом контакт между предметами может быть, а может и не быть).

(55) *The lamp was pulled down over his sheets* (* ... *pulled down above his sheets*).

(56) ... *he said, turning it (the bottle) downwards over the the glass.* (*... *he said, turning it (the bottle) downwards above the the glass.*) (Eliot.)

Присутствующая в (55) и (56) информация о положении фигуры (*lamp* в (55) и *bottle* в (56)) после движения вниз к фону (*pulled down* в (55) и *turning it downwards* в (56)) обуславливает употребление *over* и невозможность употребления *above* в этих предложениях.

Отметим, что *over* никогда не употребляется для обозначения места начала движения фигуры вниз по вертикальной оси, т.е. как источник движения вниз. В таких случаях возможно только употребление *above*:

(57) **A meteorite falling from over us ...* (*A meteorite falling from above us...*)

(58) **A noise coming from over my head.* (*A noise coming from above my head.*)

3. "Источник движения фигуры прочь от фона"

Предлог *over* употребляется для обозначения начального пункта движения фигуры прочь от фона; при этом движение не обязательно вертикальное:

(59) *Richard removed his sword from over John's head. (? Richard removed his sword from above John's head.)*

(60) *He removed the lamp from over his sheets. (*He removed the lamp from above his sheets.)*

В (59) и (60) *over* означает начальную точку (на что указывает присутствующий в обоих предложениях предлог *from*) движения фигуры (соответственно *sword* и *lamp*) прочь от фона (*head* и *sheets*).

Напротив, *over* не может употребляться при описании движения фигуры вверх по вертикальной оси или для обозначения положения фигуры после такого движения, т.е. когда денотат имеет признак "цель движения вверх от фигуры"):

(61) **The balloon rose over the town. (The balloon rose above the town.)*

(62) **He pushed the lamp up over his head. (He pushed the lamp up above his head.)*

Присутствующая в (61) и (62) информация о движении фигуры вверх от фона (*rose* в (61) и *pushed ... up* в (62)) не позволяет употребить в этих предложениях *over*.

Отметим, что несмотря на то, что ряд информантов положительно оценило сочетание *over* с глаголами, указывающими на движение фигуры вверх от фона (*rise, raise, heave, lift* и т.д.), при анализе литературного материала нам ни разу не встретились такие сочетания.

4. "Выбор относительной СК для описания положения предметов"

Предлог *over* употребляется при описании положения предметов в относительной СК, т.е. тогда, когда положение одного предмета определяется без учета точки зрения наблюдателя, а исключительно относительно другого предмета. При употреблении *over* положение фигуры определяется как находящееся на оси фона, проведенной через те его стороны, которые концептуализируются как его верх и низ. Например:

(63) *The iron grating must be in its hiding place over the threshold (? The iron grating must be in its hiding place above the threshold).*

В этом предложении положение фигуры *grating* описывается как находящееся на оси, проведенной через верхнюю и нижнюю стороны фона *threshold*. Ср. неприемлемость *over* для описания положения предметов в эгоцентрической системе координат:

(64) **The roof of my school could be seen over those trees. (The roof of my school could be seen above those trees.)*

(65) **He was a tall man and whenever he happened to be in a crowd, his head was always seen over other peoples'. (... his head was always seen above other peoples'.)*

В (64) и (65) употребление *over* невозможно, поскольку положение фигуры, описываемое в эгоцентрической СК, представляется только так, как оно видится говорящим, а не так, каким оно является в действительности: в (64) фигура *an edge of the roof* не может находиться на вертикальной оси фона *trees*, т.е. на оси "корни - крона деревьев", что противоречит общим знаниям о мире – крыша здания не может располагаться на деревьях. В (65) фигура *head* также не может находиться на вертикальной оси фона *other peoples' (heads)*, что также противоречило бы общим знаниям о мире.

Необходимо отметить, что предлог *over* не употребляется в тех случаях, когда относительная СК противоречила абсолютной (оси земного притяжения), т.е. когда вертикальная ось фона не была параллельной оси земного притяжения:

(66) **A man was lying on his side, his dog standing over his head was sniffing him. (A man was lying on his side, his dog standing at (by, near) his head was sniffing him.)*

В этом предложении фигура *dog* находится на вертикальной оси фона *his head*, т.е. на оси "голова – ноги человека" и ее положение описывается в относительной СК. Тем не менее *over* не может употребляться в таких контекстах, вместо него используются предлоги, описывающие положение предметов, находящихся в одной горизонтальной плоскости, образуемой поверхностью земли (*at, by, near, beside, next to*). Таким образом, предлог *over* употребляется только в том случае, если избранная относительная система координат не противоречит абсолютной, образованной осью земного притяжения.

5. "Горизонтальная ориентация фигуры"

Предлог *over* способен передавать информацию о том, что фигура своей большей стороной расположена параллельно поверхности земли. Дж.Лакофф и К.Бругман (Lakoff, 1987; Brugman, Lakoff, 1989; Brugman, 1988) рассматривают это же содержание, но с присутствием в нем информации о наличии контакта фигуры с фоном, как отдельное значение "covering". Такое же значение выделяется во многих словарных дефинициях этого предлога (см., например, OED, LDCE, ELA). Тем не менее, как было показано выше (раздел

2.2. этой главы), предлог *above* в ряде случаев также способен употребляться и при наличии контакта между фигурой и фоном (ср. например: *There was a hard layer of clay above the ore.* (? *There was a hard layer of clay over the ore.*)). Поэтому признаки "наличие/отсутствие контакта между предметами" не всегда могут дифференцировать значение *over* от значения *above*. При рассмотрении компонента "Горизонтальная ориентация фигуры" в ходе исследования анализировались случаи и с отсутствием, и с наличием контакта между предметами.

(67) *A huge shallow sky ... over the wide green landscape.* (? *A huge shallow sky ... above the wide green landscape.*) (Пример из (Линдквист 1975))

(68) *A flock of birds over my head occluded the Sun.* (**A flock of birds above my head occluded the Sun.*)

(69) *A cloth spread over the table ...* (**A cloth spread above the table ...*) (LDCE)

(70) *The snow over the hidden pools was pallid.* (**The snow above the hidden pools ...*) (London.)

В примерах 67-70 передается информация о горизонтальной ориентации фигуры (*sky* в (67), *a flock of birds* в (68), *cloth* в (69) и *snow* в (70)), значительности ее стороны, параллельной поверхности земли (*huge shallow* в (67) и *occluded the Sun* в (68)). Хотя предлог *above* также способен передавать информацию о горизонтальной ориентации фигуры и ее контакте с фоном (ср. *a hard layer of clay above the ore*; *In the summer the river ... did not run above ground at all*, см. раздел 2.2. данной главы), особенность осмысления горизонтальной соположенности при употреблении *over* заключается в том, что горизонтальная ориентация фигуры видится как условие для выполнения фигурой какой-либо функции, изменяющей некие параметры фона. Так, например, в (67) подчеркивается значительность, доминирование неба над ландшафтом, в (68) это функция сокрытия солнца от человека, в (69) это функция предохранения стола от повреждений, а в (70) это функция сокрытия прорубей от обнаружения сверху. Информация о подобных отношениях отсутствует в выше приведенных примерах употребления *above*.

6. "Движение фигуры в горизонтальной плоскости над фоном"

Предлог *over* также может передавать информацию о движении фигуры в горизонтальной плоскости над фоном. Траектория движения фигуры при этом видится как

образующая плоскость, примерно совпадающую по размерам с горизонтальной плоскостью фона. Например:

(71) ... *an eagle hovering over the field.* (?... *an eagle hovering above the field.*)

(72) ... *winds blowing over the valley.* (?... *winds blowing above the valley.*) (Steinbeck.)

В этих предложениях движения фигуры (*eagle* в (71) и *winds* в (72)) видятся как распространяющиеся на всю поверхность фона (*field* в (71) и *valley* в (72)). Как и в предыдущих примерах, информацию о траектории движения фигуры, располагающейся в горизонтальной плоскости над фоном, может передавать и предлог *above* (ср. те же предложения с заменой *over* на *above*). Однако употребление *above* не подразумевает присутствие ФО между предметами, и фигура воспринимается как "функционально независимая", находящаяся на значительном расстоянии от фона (птица парит высоко над полем в (71), ветры дуют высоко над долиной, например в горах в (72)).

7. "Отсутствие расстояния между фигурой и фоном"

Подчеркнем, что понятие "расстояние" – это элемент используемого семантического языка и признак "отсутствие расстояния" необязательно означает отсутствие объективного расстояния между предметами.

Присутствие этого компонента в значении *over* обуславливает следующие особенности его употребления.

Предлог *over* не может сочетаться со словами, указывающими на степень приближенности/удаленности одного предмета по отношению к другому, такими как *so*, *very*, *quite*, *relatively* и т.д:

(73) **His cap was so (very, quite, relatively) over his eyes.*

Предлог *over* может сочетаться со словами, обозначающими приближенность фигуры к фону, такими как *low*, *close* и т.д., что обуславливает восприятие обоих предметов как бы составляющих единый образ, а не существующих независимо друг от друга:

(74) *His cap was low over his eyes.* (**His cap was low above his eyes.*)

(75) *The tent sagged low over her head.* (**The tent sagged low above her head.*)

(76) "*Interesting!*", *said a voice over her shoulder.* (* ... *said a voice above her shoulder.*)
(Galsworthy.)

В (74) и (75) фигура (*cap* в (74) и *tent* в (75)) находится на таком расстоянии от фона (*eyes* в (74) и *head* в (75)), которое видится говорящим как незначительное (*low* в (74) и *sagged low* в (75)), кепка и глаза, ткань палатки и голова представляются как единый образ. В (76) фигура *voice* также находится на незначительном расстоянии от фона *shoulder*, что видно из описываемой ситуации – произнесенные слова были адресованы сидящему человеку, и поэтому неестественно было бы предположить, что произнесший эти слова находился на некотором отдалении от первого персонажа (ср. замену *over* на *above*, у которого компонент "отсутствие расстояния" отсутствует).

Признак "отсутствие расстояния" всегда имплицитруется при реализации компонентов "Цель движения фигуры вниз к фону" и "Источник движения фигуры прочь от фона". В первом случае конечная точка движения всегда располагается на расстоянии, видящемся как незначительное; оно было значительным до такого движения; движение фигуры является фактором, изменяющим концептуализацию расстояния между предметами. Во втором случае начальная точка движения всегда располагается на расстоянии, видящемся как значительное; оно становится незначительным после перемещения фигуры к фону.

2.4. Структура значений предлогов *above* и *over*

Как отмечают В.В.Левицкий и И.Д.Стернин (1989), экспериментальные методы дают не окончательные семантические описания, а лишь материал для описания структуры значения, который подлежит дальнейшей обработке. Поэтому следующим этапом исследования стал анализ взаимоотношений между отдельными компонентами внутри структур значений исследуемых предлогов, в частности взаимоотношений геометрических компонентов друг с другом, с одной стороны, и геометрических компонентов с функциональными, с другой.

2.4.1. Взаимоотношения между геометрическими компонентами

Особенностью семантической структуры предлогов *above* и *over* является то, что их геометрические компоненты – такие как "Наличие расстояния между фигурой и фоном",

"Цель движения фигуры вверх от фона", "Обширная область фигуры" и т.д. у предлога *above* – не состоят друг с другом в отношениях комплиментарности, т.е. не дополняют друг друга в значении слова и могут реализовываться независимо друг от друга, в отличие от, например, семантических компонентов "инструмент", "измерение", "температура" в значении слова *термометр*. Любой из геометрических компонентов исследуемых предлогов может реализовываться независимо от остальных и иногда даже противоречить некоторым из них.

Так, например, очевидно, что невозможна одновременная реализация следующих пар компонентов предлога *above*: "Цель движения фигуры вверх от фона" и "Источник движения фигуры вниз к фону", "Обширная область фигуры" и "Определение локуса фигуры".

С другой стороны, ряд геометрических компонентов каждого из предлогов могут реализовываться одновременно.

Рассмотрим геометрические компоненты предлога *above*. Например, в следующем примере одновременно реализуются несколько компонентов предлога *above*:

(77) *Just a little above the church he discerned a small twinkling star.* (**Just a little over the church he discerned a small twinkling star.*)

В этом примере одновременно реализуются компоненты предлога *above* "Описание локуса фигуры" (словосочетание *just a little* свидетельствует о цели говорящего максимально точно описать локус предмета), "Выбор эгоцентрической СК описания положения предметов" (в этом примере подразумевается положение говорящего – он находится на одной горизонтальной линии с фигурой и фоном; то, что положение фигуры описывается относительно вертикальной оси наблюдателя очевидно из общих знаний о мире – звезда не может располагаться на вертикальной оси церкви), "Фигура концептуализируется как точка" (слово *small* и общие знания о мире говорят о том, что размеры звезды несоизмеримо меньше размеров здания церкви), "Наличие расстояния между предметами" (слово *a little* говорит о направленности внимания говорящего на величину расстояния между предметами).

(78) *By the morning the water had already risen three inches above the notch.*

(79) *Venus is above the higher mountain, to the right of that big star.*

В (78) одновременно реализуются компоненты "Наличие расстояния" (*three inches*), "Описание локуса фигуры" (*notch* – "зарубка", используется как ориентир для определения

уровня воды), "Цель движения фигуры вверх" (*had ... risen*). В (79) одновременно реализуются компоненты "Описание локуса фигуры" (*to the right of* -- кореферентный локатив, уточняющий локус предмета) и "Выбор эгоцентрической СК" (положение планеты определяется относительно вертикальной оси наблюдателя)

Рассмотрим геометрические компоненты предлога *over*.

Очевидно также, что компоненты предлога *over* "Цель движения фигуры вниз к фону" и "Источник движения фигуры прочь от фона" могут реализовываться одновременно с его компонентом "Отсутствие расстояния между предметами", что видно из следующего примера:

(80) *He pulled his cap low over his eyes. (*He pulled his cap low above his eyes.)*

В этом предложении одновременно реализуются компоненты "Цель движения фигуры вниз к фону" (*pulled*) и "Отсутствие расстояния между предметами" (*low*).

(81) *"Mercy!" cried John and the executioner removed his sword from over John's head. (*... from above John's head)*

В (81) результатом перемещения фигуры *sword* прочь от фона *head* стало наличие расстояния между ними.

Компонент "Горизонтальная ориентация фигуры" может реализовываться одновременно с компонентом "Отсутствие расстояния между предметами":

(82) *He held his file close over his head protecting himself from the rain. (*He held his file close above his head protecting himself from the rain)*

Несмотря на то, что, с одной стороны, любой из геометрических компонентов может реализовываться независимо от остальных, и с другой стороны, ряд геометрических компонентов могут реализовываться одновременно, образуя группы совместимых друг с другом компонентов, представляется невозможным выделение отдельных компонентов или отдельных подобных групп компонентов в отдельные значения. Сложность сочетаемости и взаимопересечение таких групп обуславливают невозможность выделить какую-либо группу компонентов, реализующуюся достаточно независимо от остальных компонентов, в отдельное значение.

Рассмотрим, например, следующие примеры.

(83) *A bird somewhere high above my head ...*

(84) *A small figure appeared on the bridge high above our heads, to the left of the bus.* (Bennett.)

В (83) одновременно реализуются компоненты *above* "Наличие расстояния" (*high*) и "Обширная область фигуры" (*somewhere*). В (84) одновременно реализуются следующие компоненты того же предлога: "Наличие расстояния" (*high*), "фигура концептуализируется как точка" (*small*), "Описание локуса фигуры" (*on the bridge, to the left of*) (подробнее об основаниях для выделения этих компонентов см. раздел 2.2). Как видим, компонент *above* "Наличие расстояния" может одновременно реализовываться как с признаком "Обширная область фигуры", так и с признаком "Описание локуса фигуры", которые противоречат друг другу и поэтому не могут реализовываться одновременно.

Таким образом, геометрические компоненты предлогов *above* и *over* следует представить в виде следующих матриц. При описании семантической информации, которую эти предлоги несут в конкретном случае своего употребления, ячейки этой матрицы будут заполняться за исключением ряда случаев в неограниченных сочетаниях (в первом ряду приводятся номера предложений, в первом вертикальном столбце – компоненты предлога, в последующих вертикальных столбцах – отмечаются реализующиеся компоненты):

Таб.1 Геометрические компоненты предлога *above*

	77	79	80	83	84
Цель движения вверх			X		
Источник движения вниз					
Выбор эгоцентрической СК	X				
Наличие расстояние	X	X		X	X
Обширная область фигуры				X	
Фигура концептуализируется как точка	X				
Описание локуса фигуры	X	X	X		X
Вертикальная ориентация фигуры и/или фона					

Таб.2 Геометрические компоненты предлога *over*

	80	81	82	63	71
Цель движения вниз	X				
Источник движения прочь		X			
Выбор относительной СК				X	
Отсутствие расстояния	X	X	X		
Горизонтальная ориентация фигуры			X		
Движение фигуры в горизонтальной плоскости					X

2.4.2. Взаимоотношения между геометрическими и функциональными компонентами

При рассмотрении соотношения между геометрическими и функциональными компонентами внутри структур значения предлогов *above* и *over*, было выяснено, что все их геометрические компоненты находятся в отношениях взаимопредположения с их функциональными компонентами.

Взаимопредположение функциональных компонентов, с одной стороны, и геометрических компонентов, с другой, видно из того факта, что для того, чтобы между предметами возникли ФО, денотат должен иметь геометрические характеристики, присутствующие в значении *over*. А для того, чтобы очевидным было отсутствие ФО отношений между предметами, денотат должен иметь геометрические характеристики, присутствующие в значении *above*.

Наличие отношений взаимопредположения между этими типами компонентов проявляется также и в том, что каждый из геометрических компонентов предлогов может реализовываться одновременно с его функциональным компонентом.

Продемонстрируем это на примере.

(85) *He held his file over his head.*

(86) *He held his file above his head.*

В этих предложениях, согласно комментариям информантов, предлоги передают различную информацию о геометрических характеристиках сцены. В (85) при употреблении *over* положение фигуры *file* видится как максимально приближенное к фону *head*, при чем фигура горизонтально ориентирована по отношению к фону. Получение информации адресатом речи именно о таких геометрических характеристиках сцены коррелируется с присутствующим в значении *over* признака "Наличие ФО между фигурой и фоном". Для того, что бы между двумя предметами возникли ФО, необходимо, чтобы объективное расстояние между ними было минимальным (отсюда признак *over* "малое расстояние") и чтобы предмет, выступающий в роли агента, был ориентирован к актанту своей функциональной стороной (отсюда признак *over* "Горизонтальная ориентация фигуры"). ФО, возникающие при таких геометрических характеристиках денотата, состоят в функции защиты одним предметом другого от влияния сверху.

В (86) расстояние между фигурой *file* и фоном *head* значительно, ориентация фигуры по отношению к фону неизвестна. Действительно, при отсутствии ФО между предметами описываемой сцены (что соответствует компоненту *above*) логично будет ожидать наличие значительного расстояния между предметами, конкретная же ориентация предмета при этом роли играть не будет.

Описанная корреляция между геометрическими и функциональными признаками также доказывается и тем, что добавление в предложение информации, подчеркивающей функциональный аспект сцены, повышает оценки употребления предлогов. Тем самым демонстрируется возможность одновременной реализации каждого из геометрических компонентов предлога с его функциональными компонентами.

(87) *He held his file over his head, protecting himself. (*He held his file above his head, protecting himself.)*

(88) *He held his file above his head, demonstrating it to everybody. (*He held his file over his head, demonstrating it to everybody.)*

Информация о том, что в (87) фигура выполняет функцию защиты по отношению к фону ("*protecting his head*"), подчеркивает малое расстояние между предметами и горизонтальную ориентацию фона и в то же время обуславливает невозможность употребления *above* в этом

предложении. Присутствующая в (88) информация об отсутствии ФО между предметами ("*demonstrating it to everybody*" – функция фигуры никак не связана с фоном) подчеркивает значительность расстояния между предметами и обуславливает невозможность употребления *over*.

Рассмотрим случаи употребления предлогов, в которых каждый их выделенных геометрических компонентов предлога реализуется одновременно с его функциональным компонентом.

Реализация функционального компонента *over* "Наличие ФО между фигурой и фоном" может реализовываться одновременно со следующими его геометрическими компонентами:

1. "Цель движения фигуры вниз к фону"

(89) *So as to see the scheme better, he pulled the lamp down over his sheets (*... down above his sheets).*

В (89) целью перемещения фигуры *lamp* вниз было установление ФО между ней и фоном *sheets* – фигура используется для освещения фона ("*so as to see the scheme better*").

2. "Источник движения фигуры прочь от фона"

(90) *"Mercy!" cried John and the executioner removed his sword from over John's head. (*... from above John's head)*

В (90) результатом перемещения фигуры *sword* прочь от фона *head* был разрыв ФО между ней и фоном – мгновенное установление ФО стало невозможным.

Корреляция между геометрическими компонентами *over* "Цель движения фигуры вниз к фону" и "Источник движения фигуры прочь от фона" и функциональным "наличие ФО" вполне объяснима. Как отмечалось в работах Г.Раддена (Radden, 1996) и С.Линднер (Lindner, 1983), отражаемое в языке движение одного предмета по направлению к другому всегда подразумевает изменение в функциональных отношениях между ними (С.Линднер описывает такое изменение ФО с помощью понятия "интерактивный фокус" - послелого английского языка и приставки русского, употребляемые для описания приближения одного предмета к другому, указывают на новое положение предмета как на входящее в "интерактивный фокус" другого предмета.).

3. "Выбор относительной СК"

(91) *Watch out! The grating is over you! (*Watch out! The grating is above you!)*

В (91) описание положения фигуры ("grating") в относительной СК (решетка располагается на вертикальной оси человека) сочетается с "функциональным" контекстом (существует опасность падения решетки на человека). Говорящий при этом находится вне этого функционального целого и его положение не отражается в значении предлога.

Отметим при этом невозможность установления ФО в тех сценах, которые описываются в эгоцентрической СК. Существующая в действительности, а не воспринимаемая говорящим, соположенность предметов и расстояние между ними делает ФО невозможными в (63) и (64) – отсутствие фигуры на вертикальной оси фона не позволяет ей оказывать на фон какое-либо влияние.

Зависимость выбора относительной СК от существования ФО между соотносимыми предметами легко проследить. При описании соположенности предметов в относительной СК цель говорящего не только локализовать предметы, как при выборе эгоцентрической СК, но проследить реальные отношения между ними, предусмотреть развитие наблюдаемой сцены. Именно поэтому позиция наблюдателя не принимается во внимание в таком психологическом контексте – наблюдатель, как правило, находится вне описываемой сцены и не может быть с ней функционально связанным, влиять на развитие этой сцены.

4. "Отсутствие расстояния между предметами"

(92) *He melted the plastic by holding it low over the candle. (*He melted the plastic by holding it low over the candle.)*

В этом примере информация о наличии ФО между предметами (*melted*) сочетается с информацией об отсутствии расстояния между ними (*low*).

Наличие отношений взаимопредположения между этими компонентами предлога *over* объяснимо: отсутствие расстояния между предметами видится как условие для возникновения ФО между предметами.

5. "Горизонтальная ориентация фигуры" и "Движение фигуры в горизонтальной плоскости над фоном".

(93) *A huge shallow sky cupped over the wide green landscape. (* A huge shallow sky cupped above the wide green landscape.)* (Пример из (Lindkvist, 1972))

(94) ... *an eagle hovering over the field in search of prey.* (*... *an eagle hovering above the fields in search of prey.*)

(95) ... *winds blowing over the valley penetrated through our thick coats.* (*... *winds blowing above the valley penetrated through our thick coats.*)

В (93) слово *cupped* подчеркивает кажущееся нависание, доминирование неба над ландшафтом и таким образом делает невозможным употребление *above* – небо не может видаться как чашеобразный предмет без того, чтобы не создавать впечатление накрывания собой земли. В (94) также передается информация о том, что горизонтальная ориентация плоскости, в которой движется фигура *eagle*, является основанием для того, чтобы ФО ("*in search of prey*") фигуры с фоном *field* распространялись на всю поверхность последнего (птица ищет добычу на поле). В (95) информация о наличии ФО между фигурой *winds* и фоном ("*penetrated through our thick coats*") также повышает количество положительных оценок для *over* и делает употребление *above* невозможным.

Таким образом, компоненты *over* "Горизонтальная ориентация фигуры" и "Движение фигуры в горизонтальной плоскости" можно также рассматривать как основание для установления ФО между фигурой и фоном.

Реализация функционального компонента *above* "Отсутствие ФО между фигурой и фоном" может реализовываться одновременно со следующими его геометрическими компонентами:

1. Цель движения фигуры вверх от фона

(96) *So as the lamp did not obstruct his work, he pushed it up above his head* (**So as the lamp did not obstruct his work, he pushed up over his head.*)

В (96) наряду с информацией о движении фигуры вверх от фона, присутствует информация об отсутствии ФО между предметами ("*so as the lamp did not obstruct his work*").

2. Источник движения фигуры вниз к фону

(97) *The rocks which can fall down from above our heads.* (**The rocks which can fall down from above our heads.*)

В (97) наряду с информацией о начальной точке движения фигуры вниз к фону, присутствует информация об отсутствии ФО в момент, когда фигура еще не начала своего движения.

3. Выбор эгоцентрической СК

(98) *The roof of my school could be seen above those trees. (*The roof of my school could be seen above those trees.)*

В (98) наряду с информацией о том, что положение фигуры описывается в эгоцентрической СК (крыша школы находится выше деревьев относительно вертикальной оси наблюдателя, чье присутствие оимплицируется, а не относительно вертикальной оси деревьев) присутствует информация о отсутствии ФО между фигурой и фоном – крыша не может защищать деревья от влияния сверху.

Выбор эгоцентрической СК коррелируется с нефункциональной концептуализацией сцены – поскольку учитывается только то, как сцена видится наблюдателем, а не реальные пространственные отношения между предметами, возможные функциональные отношения между ними также остаются без внимания.

4. "Наличие расстояния между предметами"

(99) *The helicopter above the camp was too far away to detect it. (* The helicopter above the camp was too far away to detect it.)*

В (99) информация о значительном расстоянии между фигурой и фоном (*far away*) сочетается с информацией об отсутствии ФО между ними (*too far away to detect it*).

Наличие расстояния между предметами как правило видится препятствием для установления ФО между ними.

5. "Фигура концептуализируется как точка"

(100) *There was a spider above the table. (There was a spider over the table.)*

В (100) фигура *spider* видится как несравнимо меньше фона *table*, общие знания о мире предполагают, что ФО между этими предметами установлено быть не может.

При реализации компонента "Фигура концептуализируется как точка" очевидна импликация информации об отсутствии ФО между предметами – слишком малые размеры фигуры не позволяют ожидать того, что фигура может оказывать какое-либо влияние на фон.

6. "Обширная область фигуры"

(101) **The umbrella held somewhere above the chief's head protected him from the rain.*

Подобное предложение неприемлемо, поскольку при возможности нахождения фигуры в любой из точек обширной области пространства, ФО между этими предметами не

существует – для этого как правило положение фигуры должно быть четко специфицировано.

Компонент "Обширная область фигуры" подразумевает отсутствие ФО между предметами – существование ФО, как правило, не ожидается, если положение одного из предметов неизвестно, или он не представляет собой предмет с конкретными физическими параметрами, или он вообще отсутствует.

7. "Описание локуса фигуры"

Компонент "Описание локуса фигуры" обнаруживает зависимость своего содержания от функционального компонента *above* "Отсутствие ФО". В отличие от предлога *over*, который описывает локуса фигуры всегда как находящегося в непосредственной близости от фона, *above* не ограничивает пространство фигуры ее функциональными отношениями и способен указать ее локус независимо от них, т.е. *above* способен выделять любую точку в пространстве выше фона.

8. "Вертикальная ориентация фигуры и/или фона"

(102) **He held his file vertically above the candle protecting it from the rain.*

Это предложение неприемлемо, поскольку один предмет, будучи ориентированным вертикально своей большей стороной (*file*) не может защищать другой предмет от влияния сверху (*protecting it from the rain*).

При реализации компонента "Вертикальная ориентация фигуры и/или фона" имплицитно и информация об отсутствии ФО между предметами – для того, чтобы возникли функциональные отношения между предметами необходимо, чтобы они были обращены друг к другу своими функциональными сторонами. Акцентирование же вертикальной соположенности предметов будет говорить об отсутствии возможности существования ФО между ними.

И функциональные, и геометрические признаки могут входить в ассерцию высказываний с исследуемыми предлогами. Как было проиллюстрировано в примерах 87-102, функциональные и соответствующие им геометрические признаки могут реализовываться одновременно. Следует однако отметить, что функциональные признаки как правило редко становятся предметом утверждения высказывания. Это, по-видимому, следует объяснить тем, что функциональный аспект пространственной сцены редко

осознается говорящими. Однако, даже если функциональный признак предлога не входит в ассерцию высказывания, тем не менее этот признак становится имплицитным и может быть "вычислен" из описываемых геометрических характеристиках сцены.

На основании изложенного выше можно сформулировать следующие словарные дефиниции для исследованных предлогов:

Предлог *above* сообщает о положении фигуры дальше фона на оси, образуемой силой земного притяжения; об отсутствии ФО между фигурой и фоном, а также о таких геометрических характеристиках описываемых сцен, которые предполагаются при отсутствии ФО: о наличии значительного расстояния между предметами, удалении фигуры от фона, вертикальной ориентации предметов, описании сцены в эгоцентрической СК и т.д.

Предлог *over* сообщает о положении фигуры дальше фона на оси, образуемой силой земного притяжения; о наличии ФО между фигурой и фоном, а также о таких геометрических характеристиках описываемых сцен, которые предполагаются при наличии ФО: отсутствии расстояния между предметами, приближения фигуры к фону, горизонтальной ориентации фигуры, описании сцены в относительной СК и т.д.

3. Семантика предлога *над*

3.1. Семантические компоненты предлога *над*

Результаты исследования показали наличие в значении предлога *над* следующих компонентов.

1. "Отсутствие вертикальной протяженности области фигуры":

(103) *Выше (*над) этого поселения вы уже нигде не встретите жилья человека.*

(104) *Воздух выше (*над) отметки "5000 метров" слишком разреженный.*

В этих предложениях не может быть употреблен предлог *над*, поскольку фигура в них имеет вертикальную протяженность. В (103) на протяженность области фигуры в пространстве указывает наречие *нигде*, в (104) денотат существительного *воздух* предполагает, что фигура имеет обширную область.

2. "Отсутствие концептуализации уровней положения фигуры и фона".

(105) *Чтобы не намочить брюк, он закатал их выше (*над) колен.*

(106) *Если вода поднимется выше (*над) отметки 10 метров, включается сигнал тревоги.*

Предлог *над* не может быть употреблен в этих предложениях, поскольку внимание говорящего направлено на определение уровней положения фигуры. В примерах (105) и (106) концептуализируются уровни положения фигуры (*брюк* в (105) и *вода* в (106) и фона (*колен*, что видится как ориентир для сравнения положения фигуры относительно уровня воды, в (105) и *отметки* в (106)). Часто концептуализация уровней предметов происходит в тех случаях, когда эти предметы способны передвигаться по вертикальной оси.

3. "Цель движения фигуры вверх"

(107) *Воздушный шар поднялся над (*выше, на) городом.*

(108) *На (*над) город опустился туман.*

Предлог *над* может употребляться при указании на положение фигуры после ее удаления от фона (107), но не после ее приближения к фону (108).

4. "Отсутствие контакта между фигурой и фоном"

(109) *Ветры, дующие на (*над) плоскогорье, пронизывали наши плащи.*

(110) *Мясо, жарящееся на (*над) костре.*

Наличие контакта между фигурой (*ветры* в (109) и *мясо* в (110)) и фоном (*плоскогорье* в (109) и *костер* в (110)), что следует из информации передаваемой фразой "*пронизывали наши плащи*" в (109) и общих знаний о мире о том, что мясо должно находиться в контакте с пламенем, чтобы прожариться в (110), обуславливают невозможность употребления *над* в этих предложениях.

(111) *Над полем летала хищная птица. (*На поле летала хищная птица.)*

(112) *Над костром висел котел. (*На костре висел котел.)*

В (111) и (112) отсутствует контакт между фигурой и фоном, что ясно из общих знаний о мире (111) и значения глагола *висел* в (112). Поэтому здесь возможно употребление *над*, но невозможно употребление *на*.

3.2. Структура значения предлога *над*

Анализ взаимосвязей между отдельными геометрическими компонентами предлога *над* показал, что как и в случае с *above* и *over*, эти компоненты не находятся друг с другом в отношениях комплиментарности. Любой из геометрических компонентов предлога *над* может реализовываться независимо от остальных. Например, с одной стороны, признаки "Цель движения фигуры вверх" и "Отсутствие контакта между фигурой и фоном" очень часто реализуются одновременно, поскольку при положении фигуры после перемещения вверх от фона контакт между ними будет отсутствовать:

(113) *Птицы взвились вверх над горящим лесом.*

В (113) фигура (птицы) заняла положение над фоном (лес) после перемещения вверх (взвились); контакт между фигурой и фоном отсутствует.

С другой стороны, однако, эти компоненты не всегда предполагают друг друга:

(114) *Он повесил котелок над огнем.*

В (114) отсутствует контакт между фигурой (котелок) и фоном (огнем), что видно из значения глагола повесить (ср. невозможность употребления *над* при замене *повесил* на *поставил*: *Он поставил котелок на (*над) огонь*). Однако в этом предложении нереализованным остается компонент *над* "Цель движения вверх".

Подобным образом компонент "Отсутствие вертикальной протяженности области фигуры" может реализовываться одновременно с компонентом "Отсутствие контакта между фигурой и фоном":

(115) *Воздушный шар плыл над парком.*

В (115) ни фигура (*воздушный шар*), ни фон (*парк*) не имеют вертикальной протяженности – траектория движения шара параллельна ориентации парка. Общие знания о мире предполагают, что между этими предметами нет контакта.

Тем не менее, компонент "Отсутствие вертикальной протяженности области фигуры" необязательно предполагает компонент "Отсутствие контакта между фигурой и фоном", что видно из следующего примера:

(116) *Над (*на, выше) слоем руды геологи обнаружили тонкий слой глины.*

Таким образом, геометрические компоненты предлога *над*, как и соответствующие компоненты предлогов *above* и *over* следует представить в виде следующей матрицы. При описании семантической информации, которую эти предлоги несут в конкретном случае

своего употребления, ячейки этой матрицы будут заполняться практически в неограниченных сочетаниях.

	113	114	115	116
Отсутствие вертикальной протяженности области фигуры			X	X
Отсутствие концептуализации уровней положения фигуры и фона.				
Цель движения фигуры вверх	X			
Отсутствие контакта между фигурой и фоном	X	X	X	

На основании изложенного анализа структуры значения предлога *над* можно сформулировать для него следующую словарную дефиницию:

Предлог *над* сообщает о положении фигуры дальше фона на оси, образуемой силой земного притяжения; при этом *над* употребляется при отсутствии вертикальной протяженности области фигуры в пространстве над фоном; для обозначения цели движения вверх; при отсутствии контакта между фигурой и фоном и т.д.

4. Сопоставительный анализ значений предлогов *above*, *over* и *над*

При проведении сопоставительного анализа семантики исследуемых предлогов основание сопоставления устанавливалось следующим образом. Основой для сопоставления был выбран английский язык, что объясняется рядом соображений. Во-первых, этот выбор был обусловлен задачей исследовать в первую очередь исследовать структуру значений английских предлогов, являющихся близкими синонимами, разница в значениях которых неочевидна для носителей языка и не отражена в существующих словарных дефинициях этих предлогов. Во-вторых, этот выбор обуславливается большей изученностью пространственных лексических единиц английского языка, и в частности, проективных предлогов. Семантика русских проективных предлогов гораздо менее изучена, поэтому

представляется целесообразным употребить существующий понятийный аппарат описания английских предлогов к исследованию русского предлога. В-третьих, предлог *над* не имеет близких синонимов, как предлоги *above* и *over*, поэтому его индивидуальная семантика может быть в значительной степени прояснена путем ее сопоставления с семантикой английских предлогов.

Основанием признакового сопоставления является семантика пространственных предлогов вертикальной соположенности. Выбор этого признакового основания обусловил использование в сопоставительном анализе функционально-семантического подхода, направленного на выявление общего и уникального содержания, передаваемого предлогами сравниваемых языков.

После установления основания сопоставления была проведена сопоставительная интерпретация полученных на предыдущих этапах исследования данных о структурах значений исследуемых предлогов. Она осуществлялась с помощью методики параллельного изучения, т.е. значения исследуемых предлогов сравнивались после того, как они были изучены в каждом отдельном языке.

После того, как структура значений исследуемых лексических единиц в отдельных языках была сформулирована, проводится их сопоставительный анализ, заключающийся в сравнении областей денотации английских предлогов *above* и *over* с областью денотации русского предлога *над*.

Результаты сопоставления семантических моделей английских предлогов *above* и *over* с одной стороны и русского предлога *над* с другой стороны показали, что в обоих языках лингвистическая категоризация вертикальных отношений основывается на осмыслении следующих признаков денотата: (1) конечная точка движения фигуры вниз, (2) вертикальная протяженность области фигуры, (3) наличие контакта. Однако эти признаки денотата закрепляются за значениями различных лексических единиц в исследуемых языках. Признаки (1) и (2) закреплены в значении английского предлога *over*; в русском языке эти признаки отсутствуют у предлога *над*, обычно считающимся эквивалентом *over*. Этот признак закреплен в значении русского предлога *на*. Признак (2) закреплен в значении английского предлога *above*; в русском языке этот признак отсутствует у предлога *над*, он закреплен за наречием *выше*.

Таким образом, было выяснено, что область денотации русского предлога *над* уже совокупности областей денотации *above* и *over*, что объясняется конкуренцией, которую испытывает *над* со стороны *на* и *выше*.

Сопоставительный анализ обнаружил ряд лингвокультурных особенностей категоризации вертикальных отношений в английском и русском языках, заключающиеся в закреплении за значениями предлогов компонентов, являющихся уникальными для этих языков. Так, за значениями английских предлогов закреплены следующие денотативные признаки: "Цель движения вверх", "Источник движения вниз", "Выбор эгоцентрической СК", "Наличие расстояния", "Обширная область фигуры", "Фигура концептуализируется как точка", "Описание локуса фигуры" (за значением предлога *above*), "Источник движения прочь", "Выбор относительной СК", "Отсутствие расстояния", "Горизонтальная ориентация фигуры", "Движение фигуры в горизонтальной плоскости" (за значением предлога *over*).

За значением предлога *над* закреплён признак "Отсутствие концептуализации уровней положения фигуры и фона". Эта же информация присутствует в значении английского предлога *above*, однако она рассматривается как часть более общего компонента этого предлога "Наличие расстояния между фигурой и фоном" (об этом компоненте *above* – см. раздел 2.2. данной главы). Включение этой информации в более общий компонент проводилось на основании принципов выделения дифференциальных компонентов, сформулированных О.Н.Селиверстовой (1980) (см. раздел 3 третьей главы): признак "Концептуализация уровней предметов", хотя и дифференцирует значение *above* от значения *over*, является частью признака "Наличие расстояния между предметами" (очевидно, что при концептуализации уровней предметов внимание направляется на выяснение расстояния между этими уровнями) и поэтому не выделяется в отдельный семантический компонент. Признак "Концептуализация уровней предметов" дифференцирует значения *над* и *выше*, но признак "Наличие расстояния между предметами" не является дифференцирующим для них (ср. употребление *над* с наречиями типа *далеко*, сравнительная степень *выше* сама по себе говорит о внимании к расстоянию между предметами). Поэтому компонент предлога *над* "Отсутствие концептуализации уровней предметов" выделяется в отдельный дифференциальный компонент и рассматривается как уникальный для русского языка.

Заключение

Результаты проведенного исследования семантики английских пространственных предлогов *above* и *over* и русского над позволили сделать следующие основные выводы.

1. Предлоги *above*, *over* и *над* имеют самостоятельное лексическое значение. Все три предлога несут в своих значениях семантический компонент "Расположение фигуры выше фона на оси, образуемой осью земного притяжения".

2. Исследование выявило присутствие в семантике английских предлогов *above* и *over* семантических компонентов, отражающих осмысление человеком функциональных характеристик описываемых сцен, т.е его представления о том, как описываемые предметы могут взаимодействовать друг с другом. Предлог *over* несет в себе компонент "Наличие функциональных отношений между фигурой и фоном", а предлог *above* – компонент "Отсутствие функциональных отношений между фигурой и фоном". Эти компоненты являются ведущими при дифференциации значений этих предлогов.

3. Предлоги *above* и *over* имеют ряд геометрических компонентов, отражающих осмысление перемещения фигуры в различных направлениях по отношению к фону, ориентации фигуры, расстояния между предметами, выбор системы координат описания положения предметов и т.д. Геометрические компоненты этих предлогов не находятся друг с другом в отношениях комплиментарности. Однако геометрические компоненты находятся в отношениях взаимопредположения с функциональными компонентами.

4. Ограничения на употребление русского предлога *над* обусловлены конкуренцией со стороны его синонимов *на* и *выше*, от которых *над* дифференцируется рядом геометрических компонентов: "Вертикальная протяженность области фигуры", "Концептуализация уровней положения фигуры и фона" (от наречия *выше*) и "Цель движения фигуры вниз" и "Наличие контакта между предметами" (от предлога *на*).

Информация, закрепленная за этими компонентами, в английском языке может быть передана либо предлогом *above*, либо предлогом *over*. Таким образом, было обнаружено, что область денотации русского предлога *над* уже совокупности областей денотации английских предлогов *above* и *over*.

5. Общим для лингвистической категоризации вертикальных отношений в английском и русском языках является осмысление таких признаков денотата, как "Вертикальная протяженность фигуры", "Конечная точка движения фигуры вниз", "Наличие контакта между фигурой и фоном". Существуют признаки денотата, отражение которых в значениях лексических единиц, специфично для исследованных языков: "Источник движения вниз", "Выбор эгоцентрической СК", "Наличие расстояние", "Фигура концептуализируется как точка", "Описание локуса фигуры", "Описание локуса фигуры", "Источник движения прочь", "Выбор относительной СК", "Отсутствие расстояния", "Горизонтальная ориентация фигуры", "Движение фигуры в горизонтальной плоскости" (для английского языка) и "Отсутствие концептуализации уровней положения фигуры и фона" (для русского языка).

В сформулированных на основании анализа результатов проведенного исследования словарных статьях предлогов *above*, *over* и *над* (см. разделы 2.4 и 3.2 четвертой главы), находят отражение их семантические компоненты, дающие возможность пользователю иметь четкие представления об условиях употребления этих предлогов.

Библиографический список использованной литературы

- Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. – М.: Учпедгиз, 1962.
- Апресян Ю.Д. Лексическое значение слова. – М.: Наука, 1974.
- Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. - М.: Высшая школа, 1977.
- Балабан Ф.П. Функциональная значимость предлога. – Кишинев, 1983.
- Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1973.
- Бондаренко В.Н. Предлоги в современном русском языке. – М.: Учпедгиз, 1961.
- Брудный А.А. Значение слова и психология противопоставлений/ Семантическая структура слова. - М., 1971.
- Булыгина Т.В. Крылов С.А. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь /Гл.ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. - С.128-129.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. – М.: 1997.
- Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. – М: 1987.
- Васильев Л.М. Семантические категории как универсалии контрастивной лингвистики / Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурных коммуникаций. Тез.докл. - Т.1. - Уфа.: БГУ, 1999. - С. 18-20.
- Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. - М.: Наука, 1982.
- Величковский Б. М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства.// Вопросы психологии. – 1986. – №31. – С.103-115.
- Виноградов В.А. Дейксис. // Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл.ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 128.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: Высшая школа, 1986.
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю., Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. - М.: 1982.
- Газизова Л.В. Пространственно-динамические предлоги со значением "движение

из исходного пункта" в английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 1999. - 25 с.

Гайсина Р.М. Категория отношения в языке. – Уфа: БГУ, 1997.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1972.

Гак В.Г. Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл.ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. - С.261-263.

Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. – М.:Наука, 1971.

Гербек Е.Э. Фасадные предлоги в когнитивном аспекте (на мат. русского, испанского и галисийского языка): Дисс. канд. филол. наук. - СПб, 1997.

Гулыга Е.В., Шендльс Е.Н. О компонентном анализе значения единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М.:Наука, 1976.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. - №4. – С.17-33.

Дудочкина О.Г. Пространственно-динамическая семантика предлогов across, over и through: Автореф. дис. канд. филол. наук. - Уфа, 1999. - 25 с.

Ерзинкян Е.Л. Дейктическая семантика слова. - Ереван, 1988.

Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л., Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека. – М.,1980.

Засухина Т.П., Пространственная семантика предлогов, приставок и падежей в русском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. - Екатеринбург, 1992. – 25 с.

Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып.Х - М.:Прогресс, 1981.

Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. – Л.:Просвящение, 1971.

Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на мат. падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. – М.:Издательство МГУ, 1970. – С.110-156.

Клоуз Р.А. Справочник по грамматике для изучающих английский язык. – М.: Просвящение, 1979.

Кобзарева Т.Ю., Лахути Л.Г. //Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. - С.124-139.

Кодухов В.И. Общее языкознание. – М.: Высшая школа. -1974. - 303 с.

Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. РАН, СЛЯ. - т.55, - 1996. - №3.

Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. - Иркутск, 1996.

Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.:МГУ, 1996. - С. 90-93.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. - №4. – С.17-33.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. - М., 1978.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН, СЛЯ. - т.55. – 1997. - №3.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.:МГУ, 1996. - 245 с.

Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XIV. – М.: Радуга, 1983.

Левицкий В.В., Стернин И.Д, Экспериментальные методы в семасиологии. - М., 1989.

Леонтьев А.Н. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. - М., 1971. – С.7-19.

Леонтьева Н.Н., Никитина С.Е. Смысловые отношения, передаваемые русскими предложениями // Slavica. – 1969. - IX. - С.15 - 63.

Лещева Т.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте: Автореф. дис. доктора филол. Наук. – Минск, 1997.

Ли Тоан Тханг. Движение в пространстве и проблема картины мира (на материале вьетнамского языка)// Изв. АН СССР, СЛЯ. - т. 49. - №1. – 1990. - С.62-69.

Ли Тоан Тханг. К вопросу о пространственной ориентации во вьетнамском языке в

связи с картиной мира // Вопросы языкознания. – 1989. - №3.

Лич Дж. К теории и практике семантического эксперимента. // Новое в зарубежном языкознании.- вып. XIV. - М.: Наука, 1989.

Лузина Л.Г. Фигура и фон // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.: МГУ, 1996. - С.184-186.

Мальцева Р.И. Предлоги и приставки в русском языке XI-XVII вв.: семантическая и функциональная эволюция: Автореф. дис. доктора филол. наук. – Краснодар, 1999. – 38 с.

Маляр Т.Н. Интеграция лингвистических и нелингвистических знаний в семантических исследованиях // Сб. научных трудов МГЛУ. Интеграция лингвистических и нелингвистических знаний. – 1996. - Вып №434. – С.3-11.

Маляр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика пространственных предлогов и наречий // Сб. научных трудов МГЛУ. – 1994. – №427. – С.62-76.

Маляр Т.Н. Некоторые особенности выражения пространственных отношений английскими предлогами below, under, beneath и русским предлогом под // Сб. научных трудов МГЛУ. Английский лексикон и структура представления знаний. – 1994. - №429. – С.27-39.

Маляр Т.Н. О семантике предлога over // Сб. научных трудов МГЛУ. – 1995. - №430. – С.3-14.

Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках // Slavistische Beiträge. – 1998. – Bnd.362. – München: Otto Sagner, 1998. – 345 с.

Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. Семантика некоторых пространственных предлогов в русском и английском языках // Съпоставително езикознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics. - Т.XVII. - №3. - София, 1992. - С.118-123.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. – М.: Высшая школа, 1974.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. - Л., 1978.

Найда Ю. Процедуры анализа компонентной структуры референционного

значения // Новое в зарубежной лингвистике. - вып. XIV. - М.: Наука, 1989.

Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. - М., 1981.

Никитин М.В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983.

Никитина С.Е. О семантическом варьировании русских предлогов / Семантическое и формальное варьирование. - М., 1979. - С.108-147.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М, 1985.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира - М., 1988.

Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их отражение в языке. // Вопросы языкознания. – 1994. - №6.

Русская грамматика. - т.1. – М.:Наука, 1980. – 767 с.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. – Л., 1989.

Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. – М.: Наука, 1975.

Селиверстова О.Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике/ Гл.ред. Ю.С.Степанов. – М.:Наука, 1980.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.

Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. – Ленинград: ЛГУ, 1974.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М, 1975.

Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка: Учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – 2-е изд., перераб. и доп. -- М.:Высшая школа, 1986. – 247 с.

Сулейманова О.А. К обоснованию экспериментальной методики в семантике // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1986. - С.142-150.

Том Р. Топология и лингвистика// Успехи математических наук. – 1975. - т.XXX. - Вып.1. – С.215-230.

Уфимцева А.А Лексическое значение слова. - М.: Наука, 1986.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – 1977. - №8.

- Фрумкина Р.М. Прогноз в речевой деятельности. – М., 1974.
- Фрумкина Р.М. Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. - М.: Наука. -- 1989. – С.46-85.
- Фрумкина Р.М. Сходство и классификация: некоторые общие вопросы/ Экспериментальные исследования в психолингвистике. - М., 1992.
- Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая А.Д., Рюмина Н.А. Семантика и категоризация. – М., 1991.
- Фрумкина Р.М. Язык и мышление как проблема лингвистического эксперимента // Изв. АН СССР, СЛЯ. – 1981. - т.40. - №3.
- Харченко В.К. Предлоги в детской речи // Служебные слова. Отв.ред. К.А.Тимофеев. – Новосибирск, 1987. – С.112-118.
- Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения. Автореф. дис. доктора филол. наук. - М., 1998. - 38 с.
- Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения. – Уфа, 1998. – 199 с.
- Шабес В.Я. Речь и знание. – СПб., 1992.
- Шабес В.Я. Событие и текст. – СПб., 1989.
- Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над "Русским семантическим словарем" // Вопросы языкознания. – 1999. - №1. – С.3-16.
- Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методические основания и психодиагностические возможности. – М.: МГУ, 1983. - 157 с.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973.
- Шяшкаускаене И. Сопоставительный анализ некоторых пространственных предлогов в английском и литовском языках. Дис. канд. филол. наук. - Вильнюс, 1995.
- Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. // Языковая система и речевая деятельность. – М.-Л.: Наука, 1974. – С.24-38.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.
- Яковлева Е.С. Языковая картина пространства, задаваемая наречиями с семантикой «далеко/близко» // Тожество и подобие: сравнение и идентификация. – М.:

Институт Языкознания РАН СССР, 1990. – С.205-217.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981.

Aurnague M., Vieu L. A three-level approach to the semantics of space. / Zelinsky-Wibbelt C. (Ed.). *The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing*. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. – pp. 393–439.

Bennett D. C. *Spatial and Temporal Uses of English Prepositions. An Essay of Stratificational Semantics*. - London: Longman Group Ltd, 1975.

Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. – Berkeley, Los Angeles: University of California, 1969.

Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals // *Foundation of Language*. – 1967. – 3. – pp. 1- 36.

Boers F. *Spatial prepositions and metaphor: a cognitive semantic journey along the up-down and the front-back dimensions*. - Tübingen: G. Narr, 1996.

Bowerman M. Learning how to structure space for language: a crosslinguistic perspective / P. Bloom, M.A. Peterson, L.Nadel, M.F.Garrett (Eds.). *Language and space*. - Cambridge, MA: MIT Press. pp. 385-436.

Bowerman M. The origins of children's spatial semantic categories / J.J. Gumperz, S.C. Levinson (Eds.). *Rethinking linguistic relativity*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – pp. 145-176.

Brugman C. *The story of over*. - Bloomington, Ind.: Indiana University Linguistics Club, 1981.

Brugman C. *The story of over: polysemy, semantics and the structure of the lexicon*. - New York: Garland Press, 1988.

Brugman C., Lakoff G. *Cognitive Topology and Lexical Networks* / S.Small et al (eds.). *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from Psycholinguistics, Neuropsychology, and Artificial Intelligence*. – San Mateo, CA: Morgan Kaufmann, 1988.

Bryant D. A spatial representation system in humans // *Psychology*. - 1992. - 3.

Carlson-Radvansky L.A., Irwin D.E. Frames of reference in vision and language: Where is above? // *Cognition*. - 1993. – 46. – pp. 223-244.

Carlson-Radvansky L.A., Irwin D.E. Reference frame activation during spatial term assignment. // *J. Memory and Language*. – 1994. – 46. - pp.646 - 671.

Chafe W. *Discourse, Consciousness and Time*. - Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Chomsky N. *Rules and Representations*. - New York: Columbia University Press, 1980.

Cienki A. *Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish and Russian*. - Munchen : Verlag O. Sagner, 1989.

Clark H. *Space, Time, Semantics, and the Child*. / T.E. Moore (ed.) *Cognitive Development and the Acquisition of Language*. - New York: Academic Press, 1993. – p.27-64.

Cooper G.S. *A semantic analysis of English locative prepositions*. - rep. 1587.- Bolt: Beranek&Newman, 1968.

Coventry K. R. *Spatial prepositions, functional relations and lexical specification* / P. Olivier, Gapp (eds.). *The Representation and Processing of Spatial Expressions*. – Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – pp.247-262.

Coventry K. R., Prat-Sala M. *Geometry, function, and the comprehension of over, under, above and below* / Gernsbacher M., Derry S.(ed.). *Proceedings of the twentieth annual conference of the cognitive science society*. - Mahwah: Lawrence Erlbaum. - 1998. – p. 262-266.

Coventry K. R., Mather, G. *The real story of over* / P. Olivier, W. Maass (eds.), *Representations between vision and language*. - Springer Verlag, 1998.

Coventry K. R., Carmichael R., Garrod S. *Spatial prepositions, object-specific function and task requirements*// *Journal of Semantics*. – 1994. – Vol. 11. – pp.289-311.

Cuyckens H. *Prepositions in cognitive lexical semantics* / H. Dagmar (ed.). *Lexikalische und grammatische Eigenschaften praeositionaler Elemente*. – Tuebingen: Max Niemeyer, 1997. - pp. 63-82

Cuyckens H. *Family resemblance in the Dutch spatial preposition op* / *Kognitive Semantik. Ergebnisse, Probleme, Perspektiven*.- Tuebingen: G.Narr, 1994. - pp.179-195.

Cuyckens H. *Historic Evidence in Prepositional Semantics: The Case of English By*// *Arbeiten aus dem Forschungskolloquium Kognitive Linguistik*. - Universitaet Hamburg, Eotvos Lorand University, 1998. - No.27. - 12 p.

Cuyckens H. *The Dutch spatial preposition "in": a cognitive semantic analysis* /

Zelinsky-Wibbelt C. (Ed.), *The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing*. - Berlin: Mouton de Gruyter. - 1993. - pp. 27-71.

Cuyckens H., Sandra D., Rice S. *Towards an empirical lexical semantics* / S.Birgit (ed.). *Human contact through language and linguistics*. - Wiesbaden, Peter Lang, 1997. - p. 35-54.

Dirven R., Taylor J. *Conceptualization of vertical space in English*. / B. Rudzka-Ostyn (ed.), *Topics in Cognitive Linguistics*. - Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Fauconnier G. *Mental Spaces*. - Cambridge, MA: MIT Press, 1985.

Fillmore C. *Toward a Descriptive Framework for Spatial Deixis* / R. Jarvela, W.Klein (eds.). *Speech, Place and Action*. - New York: Wiley, 1982. - pp.31-59.

Fodor J. *The modularity of mind*. - Cambridge, MA: MIT Press, 1983.

Garrod S.C., Sanford A.J. *Discourse models as interfaces between language and spatial world*. - *Journal of Semantics*. - 1989. - 6. - pp.181-218.

Geeraerts D. *Cognitive Linguistics* / J.Verschueren, J.-O.Ostman, J.Blommaert (eds.). *Handbook of pragmatics*. - Amsterdam: John Benjamins, 1995. - pp. 111-116.

Geeraerts D. *Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries* // *Cognitive Linguistics*. - 1993. - 26 - pp. 223-272.

Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.

Hawkins B. W. *The Semantics of English Spatial Prepositions*. - Ph.D. dissertation, University of California at San Diego, 1984.

Heider E. R. (1972). *Probabilities, sampling and the ethnographic method: the case of Dani colour names* // *Man*. - 1972. - 7 - pp. 448-466.

Here and there: cross-linguistic studies on deixis and demonstration / Weisenborn T., Klein W. (eds.). - Amsterdam, Philadelphia, 1982.

Herskovits A. *Language and Spatial Cognition: An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1986. - 208 p.

Herskovits A. *Spatial expressions and the plasticity of meaning* / B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. - Amsterdam: John Benjamins, 1988. - pp. 271-297.

Herzog G., Wazinski P. *Visual TRANslator: Linking Perceptions and Natural Language Descriptions* / P.Mc Kevitt (ed.). *Integration of Natural Language and Vision Processing:*

Computational Models and Systems. - Vol. 1. - Dordrecht: Kluwer, 1995. - pp. 83-95.

Hill K. Up/down, front/back, left/right. A contrastive study of Hausa and English / Weisenborn T., Klein W. (eds.). Here and there: cross-linguistic studies on deixis and demonstration. - Amsterdam, Philadelphia, 1982. – pp.14-42.

Jackendoff R. Languages of the Mind. - Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Jackendoff R. On beyond Zebra: The relation of linguistic and visual information // Cognition. – 1987. – 26. – pp. 89-114.

Jackendoff R. Semantic Structures. – Cambridge, Massachusetts; London, England: MIT Press, 1990.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. - Cambridge, MA: MIT Press, 1983.

Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutung der Russiscen Kasus (1936). Reprinted in Hamp, Householder, Austerlitz, 1966. - pp. 51-89.

Jarvella R.J., Klein, W. (Eds.). Speech, Place and Action. - Chichester: Wiley, 1982.

Johnson-Laird P. N. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. - Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983.

Kosslyn S. M., Chabris C. F., Marsolek C. J., Koenig O. Categorical versus coordinate spatial relations: computational analyses and computer simulations // Journal of Experimental Psychology. – 1992. - 18 (2). – pp. 562-577.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. - Chicago: Chicago University Press, 1980.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. - Chicago: Chicago University Press, 1987.

Langacker R. W. An Overview of Cognitive Grammar / B. Rudzka-Ostyn (ed.), Topics in Cognitive Linguistics. - Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Langacker R. W. Concept, image, and symbol. - New York: Mouton de Gruyter, 1991.

Leech G.N. Towards a Semantic Description of English. – London: Longman, 1969.

Levelt W. Zur sprachlichen Abbildung des Raumes: Deiktische und intrinsische Perspektive / H.-G. Bosshardt (Hrsg.). Perspektiven auf Sprache. Berlin: DeGruyter, 1986. – pp.187-211.

Levelt, W. Perspective taking and ellipsis in spatial description // P. Bloom et al. (Eds.). Language and Space. - Cambridge, MA: MIT Press, 1996. - pp. 77-108.

Levinson S. Frames of reference and Molyneux's question: Crosslinguistic evidence /

P. Bloom et al. (Eds.), *Language and Space*. - Cambridge, MA: MIT Press, 1996. - pp.109-172.

Lindkvist K.-G. *The local senses of the prepositions 'over', 'above', 'across' studied in present-day English*. - Stockholm, 1972.

Lindner S. *A Lexico-Semantic Analysis of English Verb-Particle Constructions with up and out*. - Ph.D. diss, University of California, San Diego, 1983.

Lyons J. *Linguistic Semantics. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. - 376 p.

Malmkjaer K. (ed.), *The Linguistic Encyclopedia*. – London, New York: Routledge, 1995. - pp. 575.

Mandler J. *Perceptual and Conceptual Processes in Infancy* // *Journal of Cognition and Development*. – 2000. – 1. – p. 3-36.

Mandler J. *Preverbal representation and language* / P. Bloom et al. (eds.). *Language and Space*. - Cambridge, MA: MIT Press, 1996. - pp. 365-384.

Miller G., Johnson-Laird P.(1976). *Language and Perception*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

O'Keefe J. *The spatial prepositions in English, vector grammar, and the cognitive map theory* / P. Bloom et al. (Eds.). *Language and Space*. - Cambridge, MA: MIT Press, 1996. - pp. 277-317.

Pederson E., Danziger E., Wilkins D., Levinson S., Kita S. & Senft G. *Semantic typology and spatial conceptualization* // *Language*. - 1998. – 74. – pp.557-589.

Pinker S. *The Language Instinct*. - New York: Penguin Books, 1994.

Quirk R., Greenbaum S. *A University Grammar of English*. - London: Longman, 1973.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A University Grammar of English*. Под ред. И.В.Верховской – М.: Высшая школа, 1982.

Radden G. *Motion metaphorized: the case of coming and going* / E.H. Casad (ed.). *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996. - pp. 423-458.

Radden G. *Das Bewegungskonzept: to come und to go* / C. Habel, M. Herweg, K. Rehkamper (Hrsg.). *Raumkonzepte in Verstehensprozessen: Interdisziplinare Beiträge zu Sprache und Raum*. – Tübingen: Niemeyer, 1989. - S. 228-248.

Regier T. *The Human Semantic Potential. Spatial Language and Constrained*

Connectionism. – MIT Press, Cambridge Mass, 1996. – 220 p.

Rosch E. Cognitive reference points // *Cognitive Psychology*. – 1975. – 7. – pp. 532-547.

Rosch E., Mervis, C. Family resemblances: studies in the internal structure of categories//*Cognitive Psychology*. – 1975. – 7. – pp.573-605.

Rosch E. Human categorization/N.Warren (ed.), *Advances in cross-cultural psychology*. – vol.1. - London: Academic Press, 1976.

Sandhagen H. Studies on the temporal senses of the prepositions at, on, in, by and for in present-day English. Trelleborg: Author, 1956.

Schirra J. A contribution to reference semantics of spatial prepositions /C.Zelinsky-Wibbelt (ed.). *The semantics of prepositions - from mental processing to natural language processing*. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. - pp. 471-515.

Sinha C., Thorseng L., Hayashi M., Plunkett K. Comparative spatial semantics and language acquisition: Evidence from Danish, English, and Japanese // *Journal of Semantics*. – 1994. – 11. – pp. 253-287.

Svorou S. *The grammar of space*. - Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1994.

Sweetser E. *From etymology to pragmatics: the mind-as-body metaphor in semantic structure and semantic change*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Talmy L. *How Language Structures Space*/H.Pick, L.Acredolo (eds.). *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*. - New York: Plenum, 1983.

Talmy L. Force dynamics in language and cognition// *Cognitive Science*. – 1988. – 12 (1). – pp. 49-100.

Taylor J. *Contrasting Prepositional Caregories: English and Italian*/ B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. - Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Taylor J. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

The construal of space in language and thought/ M.Putz, R.Dirven (eds.). - Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.

Ullmer-Ehrich V. The structure of living space descriptions//*Speech, place and action* / Jarvela R.T., Klein W. (eds.). - Chichester: J.Wiley&Sons Ltd, 1982. - pp. 219-249.

Vandeloise C. Length, width, and potential passing/ B.Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in*

Cognitive Linguistics. - Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Vandeloise C. L'espace en francais. Paris: Editions du Seuil, 1986. – p.

Vandeloise C. Analysis of the preposition dans: linguistic facts and their methodological effects/ Lexique. – 1992. - Vol: 11. - pp.15-40.

Waltz D.L. Generating and understanding scene description/J. Aravind et al. (eds.). Elements of discourse understanding. - Cambridge, England, Cambridge University Press, 1981. – pp. 283-304.

Wierbizka A. Lexicography and Conceptual Analysis. – Ann Arbor, MI: Karolina., 1985.

Wittgenstein L. The Philosophical Investigations. - New York: Macmillan, 1953.

Wood F.T. English Prepositional Idioms. – London: McMillan, 1967.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press; Москва: Русский язык, 1982.

Longman Dictionary of Contemporary English. - 3rd Edition. – Harlow: Longman Group Ltd, 1995.

Longman Language Activator. – Harlow: Longman Group Ltd, 1993.

Приложения

Приложение 1. Список использованных литературных произведений

- Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Булгаков М.А. Собачье сердце. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Вересаев В.В. Живая жизнь. - Киев: Дніпро, 1988.
- Гоголь Н.В. Мертвые души. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Гоголь Н.В. Повести. - М.: Художественная литература, 1984.
- Гоголь Н.В. Ревизор. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Достоевский Ф.М. Бедные люди. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. - М.: Советская Россия, 1987.
- Достоевский Ф.М. Дворник. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Достоевский Ф.М. Хозяйка. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Орвелл Дж. Скотный двор. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Платонов А.П. Котлован. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Платонов А.П. Ювенильное море. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Пушкин А.С. Евгений Онегин. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Пушкин А.С. Кавказский пленник. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Пушкин А.С. Руслан и Людмила. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Стругацкий Б.Н. Стругацкий А.Н. Понедельник начинается в субботу.
<http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Стругацкий Б.Н., Стругацкий А.Н. Гадкие лебеди. <http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>
- Стругацкий Б.Н., Стругацкий А.Н. Пикник на обочине.
<http://www.orst.edu/dept/is/ruslit/>

Толстой А.К. Князь Серебрянный. - Минск, 1984.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений. - т.5. - М.: Наука, 1984.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений. - т.6. - М.: Наука, 1985.

Шукшин В.М. Киноповести. - М.: Искусство, 1991.

Armstrong C. The Gift Shop. Fawsett Crest Books, 1966.

Bennett J. The Voyage of the Lucky Dragon. Houghton Mifflin Company, 1989.

Bronte A. Agnes Grey. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Bronte A. The Tenant of Wildfell Hall. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Bronte Ch. Jane Eyre. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Bronte E. Wuthering Heights. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Burroughs E.R. At the Earth's Core. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Burroughs E.R. Jungle Tales of Tarzan. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Burroughs E.R. The Beasts of Tarzan. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Burroughs E.R. The Gods Of Mars. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Conrad J. The Arrow Of Gold - A Story Between Two Notes. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Conrad J. Twixt Land and Sea Tales. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Conrad J. Within the Tides. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Cooper J.F. The Last of the Mohicans. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Doyle A. C. The Lost World. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Doyle A. C. The White Company. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Dumas A. The Three Musketeers. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Eliot G. Adam Bede. Penguin Books. 1994.

Eliot G. Middlemarch. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Eliot G. Silas Marner. The Weaver of Raveloe. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Eliot G. Worldly Ways and Byways. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Fitzgerald F.S. Tender is the night. London: Wordsworth Classics, 1995.

Galsworthy J. The Man of Property. London: Wordsworth Classics, 1993.

Galsworthy J. The Modern Comedy. The White Monkey. Москва, Прогресс, 1976.

- Irwing W. The Legend Of Sleepy Hollow. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Jerome K. J. Three Men in a Boat. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- London J. Moon-Face And Other Stories. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- London J. South Sea Tales. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- London J. The Iron Heel. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- London J. The Sea Wolf. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- London J. To Build a Fire. In Survival, Houghton Mifflin Company, 1989.
- London J. John Barleycorn. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Maugham S.W. Of Human Bondage. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Maugham S.W. The Moon and Sixpence. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Salinger J.D. Nine Stories. Batnam Books, 1979.
- Shaw G.B. Misalliance. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Steinbeck J. East of Eden. Batnam Books, 1979.
- Stoker B. Dracula. London: Wordsworth Classics, 1993.
- Twain M. A Connecticut Yankee In King Arthur's Court. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Twain M. The Adventures Of Huckleberry Finn. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Twain M. The Adventures Of Tom Sawyer. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Wells H.G. The War of the Worlds. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.
- Woolf V. Night And Day. Project Gutenberg website: www.gutenberg.org.

Приложение 2.

Рис.1. Отношения функционального контроля между вазой и яблоком

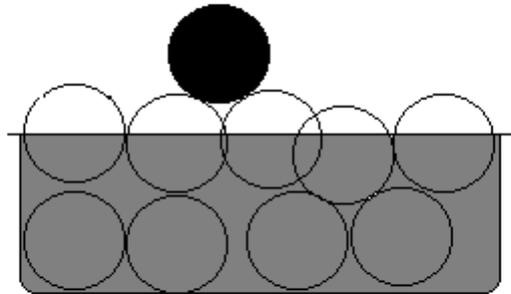
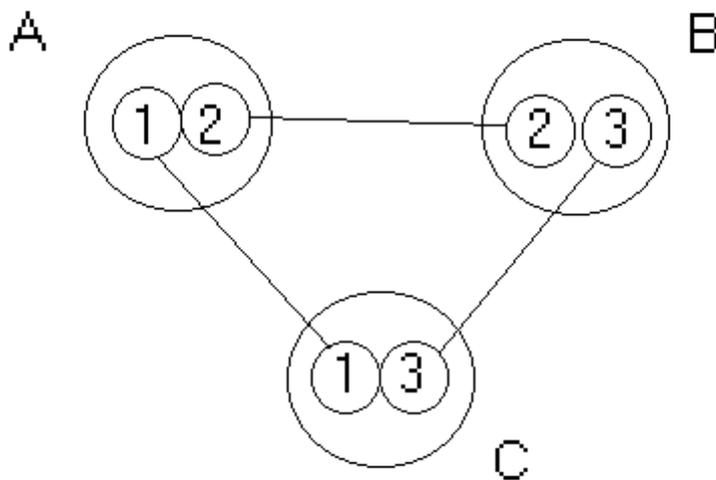

Рис. 2. Семейное сходство как принцип организации категории

A, B, C – члены категории
1, 2, 3 – атрибуты членов категории

Приложение 3. Пример опросника

Задание: Оцените приемлемость употребление *на, над, выше* в следующих предложениях по 5-ти балльной шкале (1 – совершенно неприемлемое употребление, 5 – полностью приемлемое употребление):

1. Она приколола розу немного над ухом.	[]
2. Туман опустился над городом.	[]
3. Она приколола розу немного выше уха.	[]
4. Над этим поселением вы уже нигде не встретите жилья человека.	[]
5. Если вода поднимется выше отметки 10 метров, включается сигнал тревоги.	[]
6. Выше ватерлинии мы насчитали двадцать пять пробоин в борту.	[]
7. Они нанизали мясо на шампуры и жарили его, держа над огнем.	[]
8. Над этой шириной можно встретить полярного медведя.	[]
9. Он надвинул шляпу на глаза.	[]
10. Воздух над отметкой "5000 метров" слишком разреженный.	[]
11. Чуть-чуть выше его левой брови, можно было разглядеть небольшой шрам.	[]
12. Туман опустился на город.	[]
13. Все до одного этажи над десятым были охвачены огнем.	[]
14. Чтобы не намочить брюк, он закатал их выше колен.	[]
15. Чуть-чуть над его левой бровью, можно было разглядеть небольшой шрам.	[]
16. Выше этого поселения вы уже нигде не встретите жилья человека.	[]
17. Выше этой зарубки мы обнаружили еще пятнадцать.	[]
18. Оторвавшись от чтения, он поднял очки выше глаз и взглянул вдаль.	[]
19. Чтобы лампа не мешала ему работать, он поднял ее над головой.	[]
20. Котелок, дымящийся над костром.	[]
21. Нижняя часть стены была покрыта плитками, а выше плиток стена была покрашена краской.	[]
22. Воздух выше отметки "5000 метров" слишком разреженный.	[]
23. Стоянка альпинистов находится над этим поселением.	[]
24. Он раскалил кончик ножа, подержав его немного на огне.	[]
25. Ветры, дующие на равнине, пронизывали наши плащи.	[]
26. Воздушный шар поднялся над городом.	[]
27. Поставь котелок над огнем.	[]
28. Чтобы лампа не мешала ему работать, он поднял ее выше головой.	[]
29. Он надвинул шляпу над глазами.	[]
30. Если вода поднимется над отметкой "10 метров", включается сигнал тревоги.	[]
31. Птицы взвились вверх над охваченным огнем лесом.	[]
32. Стоянка альпинистов находится выше этого поселения.	[]
33. Чтобы растопить лед, туристы держали одежду над костром.	[]
34. Выше этой ширины можно встретить полярного медведя.	[]
35. Оторвавшись от чтения, он поднял очки над глазами и взглянул вдаль.	[]
36. Ветры, дующие над равниной, пронизывали наши плащи.	[]
37. Чтобы растопить лед, туристы держали одежду на костре.	[]
38. Поставь котелок на огонь.	[]
39. Нижняя часть стены была покрыта плитками, а над плитками стена была покрашена краской.	[]
40. Они нанизали мясо на шампуры и жарили его, держа на огне.	[]
41. Он раскалил кончик ножа, подержав его немного над огнем.	[]
42. Котелок, дымящийся на костре.	[]